

УРАЛЬСКИЙ

ледопыт

2

1960

«На Восточном фронте».
к 75-летию со дня рождения
М. В. ФРУНЗЕ

Художник В. Васильев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ.

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

ЗЕМЛЯКАХ

И СОВРЕМЕННИКОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УРАЛ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

Кинорассказ О. Хомякова НАС НЕ СЛОМИШЬ! ■ Стихи Е. Ру-
жанского БУДЕТ ВЕЧНО, НАША ЗВЕЗДА ■ Очерк Л. Большакова
ЕГО БОЛЬШАЯ СУДЬБА ■ ПО СЛЕДАМ «УРАЛЬСКОГО СЛЕ-
ДОПЫТА», заметки Б. Случанко о юных годах П. Войкова ■ ГЕРОИ-
УРАЛЬЦЫ, очерк В. Зонова о подполковнике запаса С. Маков-
ском ■ Продолжение приключенческой повести коллектива авторов
ГНЕЗДО ВЕТРОВ ■ Очерк Е. Константиновой ЖИЗНЬ В ОГНЕ.
Аквареля художника В. Яковлева НА РОДИНЕ Д. Н. МАМИНА-
СИБИРЯКА ■ Очерк В. Рябинина ГРАНИТНЫЕ ЧАШИ ■ О ДРУЗЬ-
ЯХ-ТОВАРИЩАХ ■ Воспоминания генерал-майора в отставке
А. П. Гундорина ПОСЛЕДНИЙ БОЙ АЗИНА ■ Рассказ О. Марко-
вой ОБЫКНОВЕННЫЕ РЕБЯТА ■ Повесть в рисунках ЗЕЛЕНОЕ
ЖЕЛЕЗО.

На четвертой странице обложки плакат художника
Д. Шимилиса.

2

ФЕВРАЛЬ

1960

Свердловское Книжное Издательство

ОЛЕГ ХОМЯКОВ

НАС НЕ СЛОМИШЬ!

Кинорассказ

Рисунки С. Киприна

Случай после боя

Шла весна 1945 года. По дорогам Германии мчались уральские танки. В одном из районов Восточной Пруссии доживал свой последний час большой концентрационный лагерь. Перед отступлением гитлеровцы согнали заключенных в громадный сарай и, облив керосином стены, зажгли его. Черные клубы дыма взметнулись над сараем. Это увидели наступающие советские пехотинцы. И через несколько минут их белесые гимнастерки замелькали перед железными воротами лагеря. Кто-то яростно пробовал взломать ворота прикладом. Другой достал из сумки гранату и приготовился бросить ее в массивные запоры. Но тут послышался рев мотора, и обрадованные пехотинцы расступились перед могучим танком.

Развернув на ходу башню орудием назад, танк поднял под себя ворота и подскочил к объятому огнем сараю. Осторожный, мягкий нажим стальной громады — и запертые двери слетели с петель. Обезумевшая от радости толпа узников вырвалась из горящего сарая. Среди них были люди разных возрастов

¹ Кинорассказ — это литературная основа для сценария фильма. Автор этого произведения — начинающий писатель, работник Уральской студии художественных фильмов.

и разных национальностей, мужчины и женщины, военнопленные и перемещенные лица.

Командир танка, гвардии лейтенант Юрий Варезкин вылез из башни и спрыгнул на землю. Его окружили узники лагеря. Жали ему руки, целовали его, пробовали поднять, напрягая остатки сил.

Полусгоревший сарай начал рушиться, когда из него выбежала еще одна девушка. Шею и голову ей стягивали грязно-белые повязки, на изнуренном лице виднелись следы ожогов. Девушка с плачем порывисто поцеловала первого попавшегося ей на глаза солдата. Потом, ни слова не говоря, бросилась к другому, потом к третьему, четвертому и, целуя каждого, наткнулась на лейтенанта Варезкина. Глянув в его блестящие глаза, она вздрогнула, попятилась и еле слышно воскликнула:

— Юра?

Варезкин не успел ничего ответить — девушка срывающимся голосом еще несколько раз произнесла его имя — «Юра! Юра!» — и, теряя сознание, упала ему на грудь.

Подхватив девушку на руки, Варезкин растерялся. Из толпы, окружившей его, протиснулась женщина с седыми, растрепанными волосами. С криком кинулась она к девушке, лежавшей на руках танкиста.

— Таня? Танечка? Что с тобой?! Дочь моя!

— Вы ее мама? — спросил женщину Варезкин.

— Нет, — не поднимая головы, ответила та. — Таня русская, а я — чешка, из Праги... Но она заменяла мне дочь...

Женщина повернула к Варезкину изможденное лицо и хотела все объяснить, но не успела. К ним пробился вспотевший майор в узких погонах медицинской службы. Прощупав пульс девушки, он кратко сказал:

— Обморок. Немедленно в мою машину.

Все вместе понесли девушку к санитарной машине за воротами бывшего лагеря.

— Вы знаете ее? — спросил майор у Варезкина.

— Нет, — покачал головой тот и, помедлив, добавил, вглядываясь в лицо девушки: — Я знал одну Таню. В школе учились вместе. Но она была русая, глаза синие... А у этой карие...

Девушку передали санитарам в машину. Майор, садясь в кабину, спросил:

— А как вас зовут, лейтенант Варезкин?

— Юрий.

— Но именно так она и называла вас?

Варезкин пожал плечами:

— Совпадение, товарищ майор.

Врач невесело улыбнулся:

— Бывает, конечно. Я и сам Юрий Юрьевич...

Санитарная машина тронулась, захлопнулась дверка кабины. Лейтенант Варезкин посмотрел вслед задумчиво долгим взглядом и медленно пошел к своему танку.

Однажды у гор

У Юрия Варезкина в башне танка, слева, возле смотровой щели было написано масляной краской мелкими буквами два заветных слова: «За Олю». А зажжешь свет — видна и прикрепленная рядом маленькая, со спичечный коробок, фотография: веселая глазастая Оля, смеется.

Эту девушку он встретил в 1942 году. Его танк, другой, тогда еще менее совершенный, стоял в низинке у подножия Кавказских гор. Вражеским снарядом был пробит борт ма-

шины, и она уцелела, не взорвалась лишь потому, что в ней уже не было ни горючего, ни боеприпасов. То и другое давно израсходовали в неравном бою за одну дорогу.

Гитлеровцы рвались к этой единственной дороге в горы уже пятые сутки. И пятые сутки танк старшего сержанта Варезкина не покидал боя. Но вот и эту последнюю машину подбили. Она стояла с поникшим стволом, окруженная воронками и трупами врагов. В башне все горело, и клубы едкого дыма тянулись из открытого люка.

А бой вокруг продолжался. Наши пехотинцы и артиллеристы держались. К подбитому танку, минуя воронки и прижимаясь к земле, подползла девушка-санитарка. Она увидела Варезкина, который лежал, свесившись с крыши корпуса, распластав вдоль гусениц большие руки. Вскочив на ноги, санитарка попыталась стянуть его с брони.

— Живой? — спросила она.

Варезкин очнулся, шевельнул воспаленными губами и, испуганно дернувшись, свалился девушке под ноги.

— Кто здесь?

— Свои, свои, — негромко сказала она, беря его за плечи.

Но Варезкин резко вырвался, оттолкнув девушку, и выхватил пистолет:

— Цурюк! Хэндэ хох! — крикнул он по-немецки.

Девушка растерялась на миг, но уви-

дела, что парень целится мимо нее, прямо в свой танк.

— Да ты, миленький, ослеп?! — в смятении проговорила она, наклонилась к раненому и увидела его остановившиеся глаза.

— Свои!.. Сестрица! — жарко забормotal он и, безропотно отдав пистолет, стал ощупывать ее руки, плечи, лицо.

Они вместе поползли по низинке, иссеченной снарядами, окопами и руслами горных ручьев.

А в это же время в нескольких десятках метров впереди, теряя последние силы, так же полз к своим раненый комиссар танковой бригады Федороз. Он с трудом волочил за собой перебитые ноги. Ему удалось поползти до ручья. Кубарем скатился к воде и окунул голову. Вода освежила. Почувствовав прилив сил, стал караокаяться дальше, вверх по берегу, цепляясь за кусты и траву. Нашупав круглый камень, он попробовал подтянуться. Но камень вырвался, покатился вниз и со звоном ударился о чью-то каску.

Комиссар, не оглядываясь, продолжал ползти. Он не видел, как один из валявшихся у ручья раненых гитлеровцев очнулся от удара. Гитлеровец медленно и беззвучно вытащил из-под себя автомат и, стиснув от боли зубы, стал целиться в комиссара. Но со стороны грянул пистолетный выстрел. Гитлеровец выпустил из рук автомат и уткнулся лицом в мокрую гальку.

Комиссар Федоров обернулся. На другом берегу ручья стояла девушка с санитарной сумкой. Она затолкала пистолет в карман шинели, ободряюще покивала Федорову и направилась к нему, ведя с собой за руку ослепшего и прихрамывающего Юрия Варежкина.

В госпитале

Госпиталь медсанбата разместился в бывшей школе, на окраине большой станицы. Почти все раненые к вечеру были эвакуированы в тыл. Оставшиеся — всего десятка полтора-два — ждали возвращения машин.

Санитарка Оля Афанасенко, спасшая Юрия Варежкина и комиссара Федороза, наклонилась к раненому лейтенанту, молодому и толстощекому.

— Девушка, — тихо и делозито сказал он, — мне нужно знать ваше имя

— Зачем? — Оля нахмурилась.

— Я корреспондент «Пионерской правды», — лейтенант потянулся к нагрудному карману. — Николай Голосков. Не слышали? Ну, ясно: вы не читаете «Пионерскую правду».

Он хотел приподняться, но строгая санитарка мягко прижала его голову к подушке:

— Лежите! — коротко приказала она.

— Я обязан рассказать о вас пионерам и школьникам. Вы спасли меня, сознательно идя на риск.

— Я не знала, что вы из «Пионерской правды», — подчеркнуто равнодушно ответила Оля.

— Вы меня не так поняли! Вы спасли не одного меня, а тысячи жизней!..

— Сосчитали? — сердито покраснела она.

— Я был свидетелем!.. — загорячился корреспондент.

Оля шутиливо, но крепко зажала ему рот ладонью:

— Вам нельзя разговаривать, — и с укоризной добавила: — Постыдились бы... при людях... так трескуче...

Отворилась дверь, в комнату вошел начальник медсанбата капитан Дунаев. Он близоруко прищурился, отыскивая Олю глазами:

— Афанасенко! Все готовы к эвакуации? — спросил он, увидав ее.

— Все, товарищ капитан.

— Будь наготове. Приедут машины — немедленно грузимся. — Он подошел к ней вплотную и шепнул: — Боюсь, не успеем. Бой совсем близко.

— Успеем, — успокоила его Оля.

— Твоими бы устами да мед пить, — вздохнул Дунаев и постарался улыбнуться.

Но когда стемнело, тревожная канонада фронта затихла, и с духотой летней ночи пришла непривычная и зловещая тишина. Раненые ждали автобусов, вяло переговаривались и прислушивались к наступившей тишине.

Неутомимая Оля ни на минуту не отлучалась от раненых. Чаще всего она подходила к Варежкину и поправляла ему бинты на голове. Наконец он, еще раз почувствовав прикосновение ее легких и быстрых пальцев, попросил:

— Снимите с моих глаз повязку. Кажется, я уже «прозрел». Даю слово!..

— Нельзя, — ответила Оля твердо.

— Врач сказал, что к ночи зрение восстановится.

— А сейчас только вечер.

— Оля!.. А этот врач... не обманывает?

— Что вы! Никогда!

— Значит, я вас увижу? Вы слышите, Оля?

— Слышу.

— И поцелую! Обязательно поцелую!

— Целуйте врача. При чем же тут я?

— Врача потом...

— Вам разговаривать вредно.

— А вы красивая?

— Замолчите! Разговор утомляет: кровь приливает в голову...

— А какие, Оля, у вас глаза?

— Я приказываю лежать тихо!

— А вы всегда такой были?

— Это какой «такой»?

— Ласковой, нежной...

— Уж какая есть...

Щеки девушки покраснели. Ничего не ответив Варезкину, она отошла.

А из угла комнаты раздался протяжный вздох:

— Оля... Хорошее имя — Оля. Как ты думаешь, Брынза?

Это сказал парень богатырского телосложения с широким и бесхитростным лицом. Его сосед — Брынза, худощавый брюнет с умными глазами и насмешливым изгибом губ, нехотя отозвался:

— Обыкновенное имя. Среднеарифметическое.

— Ну, не скажи... — обиделся парень.

Но Брынза прервал его.

— Я знал одну девушку, — сказал он задумчиво, — по имени Хризантема...

— Сразу не выговоришь, — успел вставить парень.

— Зато сразу полюбишь, — отозвался Брынза.

— В нашем селе, — снова заговорил парень, — до войны жила девушка. Ее тоже так звали.

— Хризантемой?

— Не-е! Ольгой.

— Очень мило. Что же дальше?

— Ничего. Просто так. Я ее сватал до войны.

— А она?

— Она ни в какую.

— Весьма типичная ситуация, товарищ Карпычев, — философски заключил Брынза. — У каждого человека была девушка, которая ни в какую не шла за него замуж.

Между тем врач — капитан Дунаев, стоя на крыльце школы, не сводил глаз с дороги, уходящей в горы. Санитарные машины задерживались. Капитан Дунаев глянул на часы и медленно прикрыл тяжелой ладонью опухшие от бессонницы глаза. Позади него, со стороны фронта, к школе приближались два человека. Один в выцветшей гимнастерке, в потрепанной пыльной фуражке, другой в новеньком комбинезоне. Они быстро подошли к капитану Дунаеву, и лейтенант в гимнастерке устало поднес руку к фуражке:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан? — хрипло спросил он.

Дунаев вздрогнул от неожиданности, обернулся, уставившись на незнакомцев:

— В чем дело?

— Мне нужен полковой медсанбат.

— В чем дело? — позторил Дунаев.

Офицер вынул из планшета бумагу, подал ее Дунаеву и отрекомендовался:

— Лейтенант Волков. Сопровождаю пленного. Приказано срочно доставить в штаб.

— Фашистский летчик? — спросил Дунаев, просматривая бумагу.

— Офицер связи, — уточнил лейтенант. — Майор Отто Дитрих. Приказано доставить с вашей санитарной машиной.

— Будет две машины — поедете, — подчеркнуто сухо отозвался Дунаев. — А одна — не посажу: у меня двадцать раненых, сам пешком пойду.

Лейтенант Волков выслушал, не перебивая. А затем возразил, кивнув на пленного в комбинезоне:

— У него взяты документы представителя гитлеровской ставки, он летел на фронт из Берлина. Наше командование затребовало его в штаб — немедленно. Мои документы и полномочия вы знаете...

Дунаев сдержанно кашлянул, собрался что-то сказать, но не успел кончить фразы. За крышами, на окраине, раздался взрыв снарядов. Один из них разорвался посреди улицы, совсем недалеко.

ЗАПОМНИЛОСЬ И ЭТО

В помятой, выдавшей виды записной книжке короткие записи на фронте. Обо всем, чем была полна тяжелая боевая жизнь. Здесь же несколько заметок о встречах, которые надолго оставили теплое чувство любви к Родине. Чувство это складывается из многих больших и малых событий: от радости наступления на всех фронтах, от трудовых побед в тылу, от встреч с освобожденными советскими людьми, от знакомых и удивительно простых картин родной природы. Даже от весенней песни жаворонка в голубом небе.

Умолкнувшая пушка

Городская ласточка лепит гнездо из грязи под карнизами.

В мае 1942 года мы были на реке Ловати, близ станции Парфино. Неподалеку чадил дымом пожарищ поселок фанерного комбината. На окраине его навсегда остановились подбитые немецкие танки. У одного была снесена башня, и он лежал на боку. Второй получил пробойну возле баков, взорвался и сгорел. Зад его осел, хобот пушки нелепо задрался вверх. Мертвое чудовище напоминало воющего волка.

Не помню, для чего нам потребовался кусок металла. В поисках его я обходил танк

вокруг и неожиданно услышал близкое шепетание ласточек. Они... строили гнездо. И где? — на самом конце пушки, в глубоком уступе под пламегасителем. Возвращаясь с «трофеями» — кусками металла, — я подумал: а где же колония ласточек разместилась? Скоро нашел ответ. Четыре гнезда я обнаружил на каменной стене в бывшем поселке, до десятка гнезд — на сохранившейся после взрыва ферме железнодорожного моста.

Мне удалось видеть результаты необычного гнездования в гнезде на пушке вывелись птенцы. Танк был использован в мирных целях. Не понял я только одного: как ласточки могли знать, что пушка танка стрелять не будет?

Сталелитейные заводы Круппа, гордость немецкой промышленности, снабжали фашистскую армию танками, орудиями, снарядами и касками. Теми хваленными «стальными шлемами», которые стали символом фашизма и человеконенавистничества. Не знаю почему, мы чувствовали отвращение к этим уродливым штукам. Даже тогда, когда из них были выбиты головы владельцев. Касок было много. Они валялись по обочинам дорог, на полях, в лесу. На отдыхе каскам нашли применение — кипятили в них грязное белье. Больше они ни на что не годились. Но оказалось, что

это не так. Возле небольшой травянистой кочки, под крохотной сосенкой, парочка овсянок свила в такой каске гнездо. Превосходное получилось сооружение! Крыша, навес, стены и пол из чистой крупновской стали.

Крыльцо школы затряслось. Просвистели осколки, срезав несколько веток у тополя перед окнами.

Враг рядом

Каждый раз, когда снаряды падали возле школы, в комнатах сыпалась с потолка штукатурка. Сосед Брынзы — Карпычев — прятал голову под подушку, и оттуда доносился его басок:

— Приедут или нет за нами? Эх, люди!..

Оля подошла к Варезкину, потрогала его забинтованную голову.

— Кто это? Оля? — беспокойно спросил он.

— Разговоры отставить, — строго сказала Оля. — Руки к бедрам! Не шевелитесь: сейчас буду снимать повязку.

Медленно размотав бинт, она вынула из глазниц вату, и Варезкин осторожно разжал слипшиеся веки.

— Оля, я вижу вас, — произнес он неожиданно тихим и совершенно спокойным голосом.

И в ту же секунду за стеной, на крыльце, послышался радостный возглас капитана Дунаева:

— Машины!

К школе подъехало два санитарных автобуса с красными крестами на ярко-

Подходящее место

Плащ-палатка на фронте — вещь незаменимая. Есть плащ-палатка — считай себя счастливым человеком. Она — защита от непогоды, ночлег, маскировка, средство для переправы, носилки для раненого товарища.

В деревне Заостровье осталось пять изб. Плащ-палатками закрыли оконные проемы, где не только стекла, но и рамы были выбиты. В избах лежали тяжело-раненные. Ближе к весне, когда воздух потеплел, плащ-палатки приоткрыли. Свет и солнце — тоже неплохое лекарство. Издали было похоже, что заботливая хозяйка повесила зеленые шторы и собрала их складками.

— Хотите посмотреть на чудо природы? — спросил меня знакомый врач.

— Если «чудо» недалеко, с удовольствием.

— Буквально рядом. Пойдемте, — и он повел меня через огород к одной избе.

— Садитесь вот на это бревно и смотрите на второе окно слева. Сели. Свернули папиросы, закурили.

— Ничего не видите? — спросил врач.

— Пока нет. Хотя, позвольте! Вижу, конечно: гнездо в складке плащ-палатки. Чье же?

— А это ваше дело. Вы в птицах разбираетесь, а я нет. Для этого и пригласил — знать хочется, что за смельчаки нашлись?

Смельчаками оказались серые мухоловки. Они очень удачно использовали для гнезда глущую

кую, мешочком, складку в плащ-палатке. Помог опыт, мухоловки иногда делают гнезда за оставшими кусками коры на старых деревьях. Как бы то ни было, из гнезда выглядывали четыре пестрых и большеротых птенца.

— Так, значит, мухоловки! Каково?

— Ничего не скажешь, молодцы! Не все же людям пользоваться плащ-палаткой.

Шеренга малышей

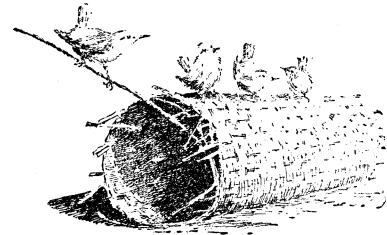
Горячие бои шли три дня. В результате морская бригада продвинулась километра на два. Всякое перемещение на фронте связано с неизбежным «закапыванием в землю» — с постройкой убежищ: шелей, землянок, блиндажей. Копать их всякий раз заново — труд нелегкий. Поэтому на новом месте мы ходили по лесу в надежде найти что-нибудь готовое. Наткнулись на старые блиндажи. Судя по тому, что стенки в них обвалились, немцы копали блиндажи еще зимой. Теперь они были непригодны. Решили использовать «накатник» — толстые бревна, уложенные в несколько рядов на крыше.

— Товарищ капитан! Можно вас сюда? — крикнул один из моряков. — Здесь интересная компания. Посмотрите на ту корзину.

Для маскировки крыша блиндажа была закрыта кучей плетеных корзин из-под немецких

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

снарядов. Корзины отбросили в сторону. И вдруг на одной из них появилась забавная крошечная птичка.

Не успели первую разглядеть, а за ней вылезает из корзины вторая, третья! Целых шесть штук! Выводок молодых крапивников. Я не удержался и под смех окружающих поздоровался: — Здравствуй, товарищи!

Взрослый крапивник, нырнувший в густую хвою ближайшей ели в самом начале катастрофы, вышел с правого фланга и возглавил шеренгу. В корзине мы нашли большое шарообразное гнездо с одним боковым входом. Это была свитая из травяных стеблей колыбель всей команды крапивников.

Николай Хрущев

зеленых кузовов. Вспотевшие и побледневшие водители выскочили из кабин, и Дунаев почувствовал, что случилось несчастье.

— Пропали мы, товарищ капитан! Все пропали! — закричал подбежавший к нему усатый сержант.

— Что случилось? Докладывайте! — резко оборвал его Дунаев.

— В мышеловку попали мы, в ловушку...

— Отставить!

— Разрешите доложить? — шагнул к Дунаеву второй шофер поспокойнее. — Мост разбомбили. На двенадцатом километре. Мы проскочили, и сразу за нами попала фугаска. Мост — в щепки...

— Теперь куда ехать?.. — снова захныкал усатый сержант, но Дунаев остановил его строгим и колючим взглядом. Подойдя к лейтенанту Волкову, который стоял, ни на секунду не спуская глаз с пленного, капитан Дунаев достал свою карту.

— Что скажете, лейтенант? Насколько я понимаю, шоссе — единственная дорога к своим, — он показал на черную ниточку, выющуюся среди коричневых пятен гор. — Но и она перерезана.

Лейтенант Волков быстро просмотрел карту.

— Шоссе недавно построено, — предположил он неуверенно. — Карта новая,

вон — отметка: 1939 год. Значит, где-то есть и другая дорога. До шоссе как-то же ездили.

Дунаев крикнул шоферам:

— Готовьте машины. Будем искать другую дорогу.

— Машины готовы, — нехотя отозвался усатый сержант. — Только другой дороги нет.

— Есть! — вставил второй шофер. — От Черного тоннеля, в горы.

— Козья тропа! — возразил усатый сержант. — По ней на зимние пастбища скот угоняют.

— Ты что, здешний? — спросил Дунаев.

— Живал на Кавказе, старую дорогу от тропы отличу, — ответил усатый сержант.

— Где здесь колодец? В радиаторах пусто, — решительно и деловито осведомился шофер.

Капитан-врач Дунаев повел шоферов к колодцу позади школы. Но, как только они обогнули угол здания, рядом с ними взорвался снаряд, затем другой, третий. Беглый огонь противника по школе продолжался несколько секунд и заставил всех лечь на землю.

После этого обстрела и капитан Дунаев, и оба шофера не поднялись. Пленный гитлеровец первым обнажил голову, едва заметно усмехнувшись.

Не ждать же смерти!

В госпитале долго стояла траурная тишина. Люди прислушивались к гулу боя, удалявшегося куда-то в сторону. Прошла минута, две, три...

На носилках у окна приподнялся комиссар Федоров:

— Что ж, друзья? — начал он негромко. — Будем лежать и ждать, когда придут и уничтожат нас? А?.. Да, мы раненые. Мы безоружны. Мы вышли из строя. Мы ждали помощи. Товарищи приехали за нами и погибли. Из-за нас погибли... Теперь нам надо рассчитывать только на самих себя. А ну, вспомним-ка, что мы все-таки бойцы. Мы в строю! Верно?.. И уж не такие мы безоружные! Наша стойкость! Наша воля к победе! Наше кровью скрепленное фронтовое товарищество!.. Вот оружие!

Все молчали.

Комиссар приподнялся еще выше и решительно оглядел раненых:

— Нужны два шофера.

Тогда, стиснув зубы, вскочил Юрий Варезкин:

— Я могу ехать. Я механик-водитель. Я уже вижу! Я отлично вижу!

— Может он! Может! — горячо подтвердила Оля.

— Хорошо, — сказал Федоров. — Кто еще?

Опять стало тихо. Брынза ткнул в бок соседа Карпычева:

— Ты же шофер...

— Ранен я... — простонал Карпычев.

— Куда вы ранены? — спросил Варезкин.

Карпычев не отвечал.

— Разрешите дать справку? — вмешался Брынза. — Товарищ Карпычев ранен... Как бы это сказать покультурней... Немного повыше ляжки! Вести машину он может, а отвечать на вопросы ему, к сожалению, строжайше запрещено!

Все невольно засмеялись. Рассмеялся и Карпычев. Он поднялся на сильных руках и, обливаясь потом, проскакал на одной ноге к выходу.

Первые километры

Спустя полчаса два санитарных автобуса выехали из полусожженного артиллерийским огнем села. Они медленно двигались без огней по асфальтированному шоссе.

За рулем первого автобуса сидел Юрий Варезкин. Рядом с ним дремала Оля, уставшая, измученная после погрузки раненых. Второй автобус вел Карпычев. Брынза, рядом с ним, смотрел в окно и, чему-то улыбаясь, насвистывал песенку.

— Дай я попробую, пока дорога гладкая, — наконец попросил он.

— Иди к черту! — рыкнул в ответ Карпычев. — Приедем на кухню — там будешь пробовать.

Брынза не обиделся:

— Между прочим, я был шеф-поваром, — весело уточнил он. — На кухне я буду командовать, а не пробовать... Хочешь — дам закурить? У меня еще есть махра на одну папироску. Третий день терплю — берегу.

Когда автобусы свернули на козью тропу, Варезкин остановился и сбежал

проведать вторую машину. Вскочив на подножку кабины, он не сразу сумел разглядеть водителя в кромешной тьме.

— Как дела, Карпычев? — спросил он у сидящего за рулем.

— Между прочим, моя фамилия Брынза, — донеслось ему в ответ.

Варежкин быстро обошел радиатор и, распахнув правую дверцу кабины, напустился на Карпычева:

— Зачем дал ему баранку, Карпычев? Он же угробит машину!

— Машину гробить нельзя, — невозмутимо ответил Карпычев. — Машину я в обиду не дам.

Узкая извилистая дорога поднималась в гору, и автобусы шли все медленнее. Вскоре поехали по краю глубокого ущелья. Отставая от Варежкина на несколько метров, вел машину Брынза. Он напрягал всю свою волю, чтоб не упасть в обморок. Сказывалась мучительная рана в боку, из которой снова начала сочиться кровь. Немигающими глазами он смотрел на дорогу и как можно ровнее старался регулировать газ. Но это ему плохо удавалось — автобус лихорадочно вздрагивал.

Кусая губы, еле сдерживая брань, Карпычев морщился при каждом толчке. Ему было трудно сидеть, он полулежал. На одном из крутых поворотов он не вытерпел и сел, положив руку на руль. Переднее колесо автобуса, судорожно подскакивая, шло по самому краю пропасти.

— Осторожно! — сказал Карпычев.

— Не мешай, — огрызнулся Брынза. — Я уже научился.

И в ту же секунду переднее колесо автобуса съехало с кромки, повисло над ущельем. Брынза затормозил, но не сбросил газа. Последовал выхлоп, оглушительно звонкий, как выстрел из пистолета. Мотор визжал и чихал. Автобус трясся на месте — вот-вот прыгнет в ущелье.

— Глуши двигатель! — зарычал Карпычев. — Глуши, чертова кухня!

Он резко толкнул Брынзу в бок, дверка распахнулась, и тот чуть не вылетел из кабины.

Карпычев сел за руль. Рана у него кровоточила. Превозмогая боль и ерзая от напряжения в луже собственной крови, он осторожно переключил скорости и сумел подать автобус назад.

— Машину я угробить не дам, — ворчал он. — Ты на заводе ее делал, машину?

Ты ее видел на сборочном? Видел? Ты у конвейера по две смены стоял?..

О том, что в машине люди, он не сказал ни слова. Оба молча вслушивались, как тяжело дышат в кузове раненые. И, когда поняли, что никто не проснулся, облегченно вздохнули.

Автобус пошел дальше.

Еще преграды

Едва рассвело, два вражеских самолета с черными крестами на крыльях, как две хищные птицы, зарыскали над горами. Заметив внизу две автомашины, они круто развернулись и пошли на снижение. Оля первая услышала гул моторов, открыла дверку, высуновшись, на ходу встала на подножку и закричала как полагается при сигнале воздушной тревоги.

— Воздух! Воздух! Самолеты!..

Варежкин круто повернул машину в кювет под деревья и рванул тормозной рычаг.

— Останови Карпычева! — скомандовал он девушке. — Они не видят!..

Спрыгнув на землю, Оля побежала

назад с горы по дороге. Над нею, прямо ей навстречу, с воем летели два самолета. В какой-то миг ей казалось, что они пикируют прямо на нее. Но Оля уже не могла остановиться. «Стой! Стой! Назад! — кричала она поднимавшемуся в гору автобусу. — Воздух!» И махала руками что было сил.

Самолеты с ревом пронеслись над ее головой и сбросили бомбы. У Оли подкопились ноги, она рухнула наземь.

Бомбы попали в ущелье, и эхо гулкой канонадой загрохотало в горах. Карпычев дал своему автобусу задний ход, въехал в кусты, выключил зажигание, вылез из кабины и начал обламывать ветки вокруг — набрасывать их на машину, чтобы замаскироваться. Лейтенант Волков и пленный гитлеровец бросились помогать ему.

Вражеские самолеты развевались на новый заход. Видят они автобусы или не видят? Оля очнулась и отползла в сторону от дороги, следя за самолетами. Они снова с протяжным воем устремлялись в пике. Одна бомба упала возле автобуса Варезкина, подняв столб земли и камней. Другая бомба повалила гигантскую сосну перед машиной.

Оля вскочила и, пригибаясь, побежала туда. Вражеские самолеты удалялись.

— Уходят, гады! Уходят!.. — ликующе кричала Оля, но вдруг умолкла и окаменела.

С горы с возрастающей скоростью бесшумно покатила задом автобус Варезкина. Взрывная волна бомбежки со-

рвала машину с тормозов, и она, вихляя и подпрыгивая, устремилась под уклон. Еще минута, две, три — и машина без управления или сорвется в ущелье или врежется в другой автобус.

Где же Юра Варезкин?

Оля бросилась наперерез катившейся машине, но ее опередил Брынза. Забыв о тяжелой ране в боку, при которой следовало бы только спокойно лежать, Брынза кинулся к машине, вспрыгнул, словно кошка, в кабину и в последнюю секунду остановил ее на самом краю ущелья.

Когда подбежала Оля, Брынза вывалился из машины. Лицо стало серым, глаза угасали. Под ним сразу натекла лужа крови. Оля наклонилась к Брынзе. Он обнял ее за плечи и отрешенно проговорил:

— Поздно!.. Конеч мне... Там, за рулем, лейтенант. Помоги ему.

Оля заглянула в кабину — там лежал без сознания засыпанный осколками лопнувшего при бомбежке ветрового стекла Варезкин.

— Юра! Юра! — заплакала она. — Тебя контузило?..

Живые продолжают путь

Брынзу похоронили. Лейтенант Юрий Варезкин отлеживался, накапливал силы, чтобы сесть за руль. Еды никакой не было, и приходилось беречь энергию. Лейтенант Волков с пленным гитлеровцем весь день рубили сосну, перегородившую дорогу. Пилы не было: рубили тупым топориком, найденным под сиденьем в автобусе.

Оля спустилась в ущелье к ручью, чтобы напоить раненых. Когда, обвешанная фляжками, вошла в автобус, она заметила, как один поспешно спрятал руку под одеяло. Оля — к нему. Оказалось, раненый разбинтовал свою руку.

— Зачем вы это сделали? — строго спросила она.

— Обстановка беспокойная... — виновато улыбнулся раненый. — Рука ведь заживает...

Оля осмотрела рану.

— У вас начинается опасное загноение, — тихо проговорила она. — Надо бы немедленно промыть рану спиртом. Но у меня его нет.

— А может, этот согдится! — помолчав, спросил раненый и показал на при-

стегнутую к своему брючному ремню фляжку.

— Оля отстегнула фляжку и взболтнула ее.

— Может, не хватит? — опасливо спросил раненый.

— Хватит, — ответила Оля. — Еще останется.

— Остатки всем поровну, — повеселел раненый. — Выпьем за доктора!..

— Спирт нужен для промывания, — прервала его Оля и, обращаясь ко всем, добавила: — К фляге не прикасаться!

Промыв и перевязав рану, Оля плотно завинтила фляжку и повесила ее на крюк рядом с автоматом лейтенанта Волкова. Волков, ни на шаг не отходивший от пленного, сидел рядом с ним, возле кабины. Все уже знали, что фамилия пленного Дитрих, что он очень хорошо поработал, когда рубили упавшую сосну. Ему дружески улыбались, пытались заговорить с ним.

Автобусы снова тронулись в путь.

Двигались чрезвычайно медленно, ослабшему Варезкину очень хотелось спать. Незаметно для Оли, снова севшей с ним рядом, он щипал себя за ногу. Он готов был ударить себя со злости, но стеснялся Оли. И долго они ехали молча, не говоря друг другу ни слова.

Но когда он на минуту остановил автобус, чтобы покурить, и достал последнюю щепоть драгоценного табака, Оля взялась помочь ему свернуть папироску, потому что пальцы его дрожали, бумага рвалась. Пока она свертывала, Варезкин, вяло улыбаясь, заснул. Оля стала будить его и просыпала табак.

— Не беда, — сказал Варезкин, включив зажигание. — Доеду и так... Лишь бы выдержать, не уснуть...

И огорченная Оля вдруг решила на отчаянный шаг:

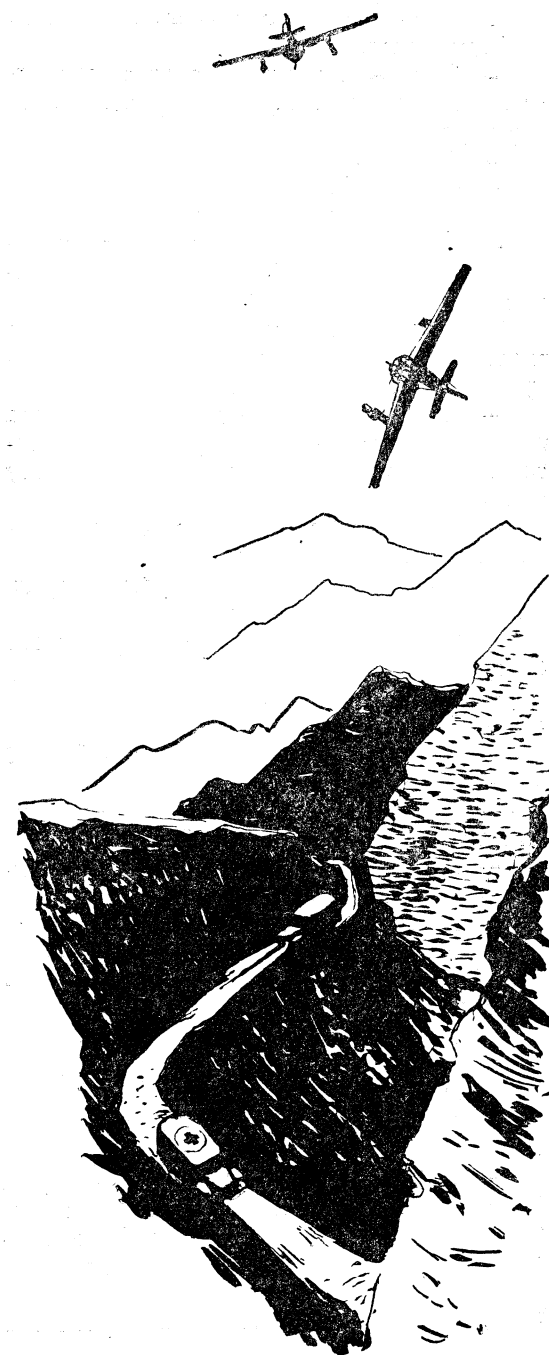
— Закрой глаза! — скомандовала она.

Варезкин изумился: он только и думал, как бы не закрыть глаз невзначай.

— Закрой глаза, говорю! — повторила Оля требовательно.

Варезкин, недоумевая, подчинился и смежил веки. И тогда Оля мягким властным движением повернула его лицо к себе и крепко поцеловала.

В следующую секунду автобус Варезкина, призывно взревев мотором, рванулся вперед. Его скорость начала увеличиваться с такой стремительностью, что у Карпычева, ехавшего следом, потемнело

в глазах. Карпычев даже испугался: уж не задумал ли лейтенант Варезкин уехать, бросив вторую машину.

Но когда Оля выглянула из окна кабины и ободряюще помахала ему рукой, Карпычев успокоился.

Большое черное облако вставало над горами, заслоняя горизонт позади.

— Гроза собирается, — сказала Оля. Помолчали.

— Оля!.. — Варежкин слегка покраснел. — Вы уж, пожалуйста, простите... за эту глупость.

— За какую?

— За ту, в медсанбате.

— Не помню.

— Вы помните, — Варежкин удрученно вздохнул. — Эх, не разбираюсь я в людях.

Темное облако над горами росло, на глазах превращаясь в гигантскую грозную тучу. Автобусы ехали дальше.

— А знаете, Оля, — помолчав, снова начал Варежкин. — Мне кажется почему-то, что я давно знаю вас. Знаю всю вашу жизнь. Рассказать?

— Расскажите, — Оля с любопытством повернулась к нему.

— Вы — москвичка, — уверенно предположил Варежкин. — Вы...

— Я родилась в Свече, — прервала его Оля, улыбувшись.

— В какой свече?

— В настоящей.

— Разве был такой город — Свеча?

— И сейчас есть.

— Ну, извините!.. — Варежкин закашлялся и замолчал.

— Нет, нет, продолжайте, я не обижаюсь, — завершила Оля.

— И все-таки, не будь войны, — еще раз попытался угадать Варежкин, — вы жили бы в Москве и учились бы в медицинском институте. Так ведь? Вы ушли на фронт добровольцем. Правильно? Взяли ложку, полотенце из дома, мама испекла пироги. Было? — Было!

Оля снова рассмеялась и задумчиво ответила:

— Все это было: и мама, и пироги... Только я никогда не мечтала стать врачом. Я ненавидела медицину. Мне снились сцена, театральный занавес. Но я ничего не успела. Да и артистки из меня, наверно, не получилось бы. Артисты...

Это же люди необыкновенные... А я — самая обыкновенная.

— Неправда! — горячо воскликнул Варежкин. — Вы удивительная, необыкновенная, самая лучшая девушка в мире!

Оля лукаво взглянула на Варежкина:

— А вот кончится война — и не узнаете, если встретите эту удивительную девушку.

— Оля! Зачем вы так?! Да только бы встретиться! Я вас из тысяч узнаю!.. Мы ведь встретимся, правда? — спросил он и, будто споря с кем-то, добавил весело, почти нараспев: — Бу-удем жи-ивы! Нас не сло-омишь! Правда? А?

На повороте

Увлеченный Варежкин не сразу заметил вражеских мотоциклистов. Они стремительно мчались по дороге, извивавшейся на противоположной стороне ущелья. Пять машин Они, легко подпрыгивая, быстро продвигались вперед, где в полукилометре ущелье кончалось и обе дороги, смыкаясь меж огромных скал, входили в тоннель.

— Немцы! — шепотом произнесла Оля.

— Кажется, пока нас не видят! — Варежкин не растерялся, переключил скорость, и автобус рванулся, полетел быстрее, взбив облако пыли.

Мотоциклисты сразу остановились и открыли огонь из пулеметов и автоматов. Но они заметили сначала лишь один автобус и поздновато: пули не причинили вреда, даже не разбудили раненых. Только лейтенант Волков и пленный Дитрих мгновенно насторожились. Волков бросил на пол недокурную папиросу, схватил свой автомат и распахнул дверь кузова.

Автобус остановился в тоннеле, и Юрий Варежкин бросился назад, беспокоясь о второй машине. Лейтенант Волков побежал за ним. Дав автоматную оче-

редь по мотоциклистам, он прикрыл огнем второй автобус, и тот тоже успел въехать в тоннель.

А пленный Дитрих посмотрел в полутьме кузова на тлеющий окуроч, на фляжку со спиртом, на спящих раненых, осторожно и быстро поднялся, вытянув длинные, связанные у запястий руки. Сдернув фляжку, он зажал ее меж коленями, отвинтил пробку и вылил спирт на красноватый огонек тлеющего окурка. Синеватое пламя взметнулось мгновенно. Дитрих поднес к огню руки и, морщась от боли, прожег волокно веревки.

Пламя поползло по полу кузова.

— Помогите! — закричал один из раненых, отстраняясь от огня.

Дитрих выпрыгнул из автобуса и сразу увидел Волкова, спешащего на крик о помощи. Схватив камень, Дитрих спрятался у стены и ударил пробежавшего Волкова в висок. Волков упал замертво. Завладев его автоматом, Дитрих выскочил из тоннеля. Он побежал к своим, размахивая носовым платком, и, чтобы сократить путь, полез на скалы, громоздящиеся у поворота дороги.

Заметив его, мотоциклисты прекратили огонь.

Погасив пламя, вспыхнувшее в кузове, и не заметив лейтенанта Волкова, лежавшего у колес автобуса, Оля взвела свой маленький пистолет и выбежала из тоннеля. Она сразу увидела Дитриха. Хотела прицелиться, но Дитриха нагонял Варезкин, и Оля побоялась попасть в Юрия.

— Стой! Не уйдешь! — кричал Варезкин, преследуя беглеца.

Оля устремилась за ним: ведь Юрий без оружия. Обернувшись, Дитрих вскинул автомат, прицелился в Варезкина и пустил длинную очередь. Но Юрий успел вовремя лечь за камень, заискрившийся от пуль.

Оля стороною, через нагромождение камней, подкралась к Дитриху и выстрелила из пистолета. Дитрих упал, раненый. Варезкин навалился на него.

А в разбухшей над горами туче вспыхнула молния. Хлынул дождь. Мотоциклисты открыли ураганную стрельбу по скалам. И скалы заговорили. Может быть, от вражеского огня из пулеметов и автоматов, а может быть, от грозы, от ударившей молнии начался обвал. Глыбы сдвинулись с места, поползли через узкую дорогу, низвергаясь в ущелье. Их подстеги-

вал ливень крупными, сплошными струями.

Юрий Варезкин успел вытащить раненного в грудь Дитриха к тоннелю. Увидав это, мотоциклисты ринулись на своих машинах вперед, на ходу отчаянно стреляя куда попало. Но лавина щебня, сползавшая в ущелье поперек дороги, остановила их. Хлестал ливень, и мотоциклисты не видели, как в лавине промелькнула, кувыряясь, маленькая фигурка в серой шинели. Они продолжали стрелять.

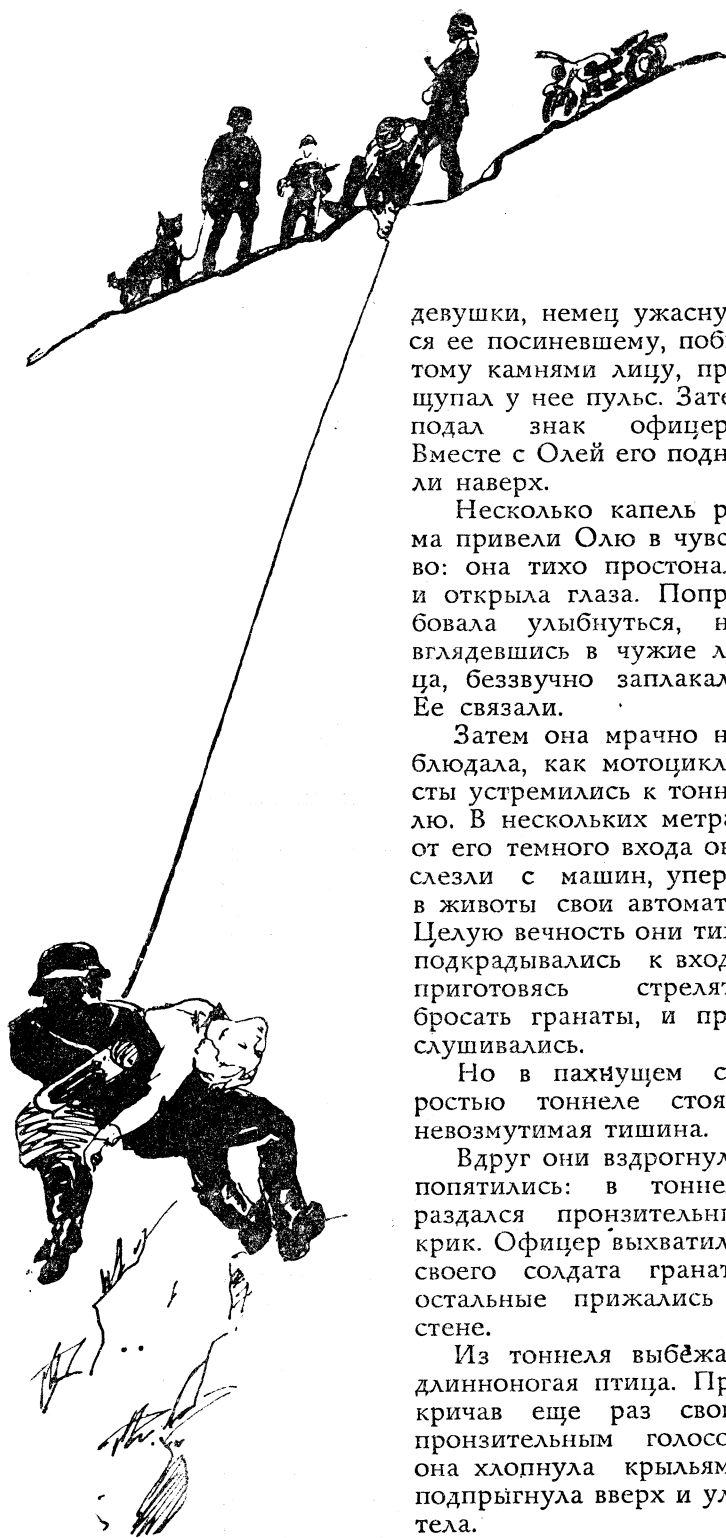
Оля, Оля!..

Долго вражеские мотоциклисты расчищали дорогу, чтобы проехать к тоннелю. Гроза окончилась. Их офицер, медленно прохаживаясь по краю ущелья, поторапливал солдат. Остановившись над пропастью, он с беспечным любопытством заглянул вниз и всполошился.

В нескольких метрах ниже дороги, на отвесной стене ущелья, примостился кривой дубок. На нем в цепких, раскидистых ветках висело неподвижное тело девушки.

Офицер скомандовал — достать!

Обвязав одного веревкой, мотоциклисты спустили его к дубку. Добравшись до

девушки, немец ужаснулась ее посиневшему, побитому камнями лицу, прощупал у нее пульс. Затем подал знак офицеру. Вместе с Олей его подняли наверх.

Несколько капель рома привели Олю в чувство: она тихо простонала и открыла глаза. Попробовала улыбнуться, но, взглядевшись в чужие лица, беззвучно заплакала. Ее связали.

Затем она мрачно наблюдала, как мотоциклисты устремились к тоннелю. В нескольких метрах от его темного входа они слезли с машин, уперев в животы свои автоматы. Целую вечность они тихо подкрадывались к входу, приготовясь стрелять, бросать гранаты, и прислушивались.

Но в пахнущем сыростью тоннеле стояла невозмутимая тишина.

Вдруг они вздрогнули, попятелились: в тоннеле раздался пронзительный крик. Офицер выхватил у своего солдата гранату, остальные прижались к стене.

Из тоннеля выбежала длинноногая птица. Прорычав еще раз своим пронзительным голосом, она хлопнула крыльями, подпрыгнула вверх и улетела.

Офицер скомандовал, и часть мотоциклистов, наконец, вошла в тоннель. Выстрелили из ракетницы, заорали:

— Хенде хох!

Но в освещенном ракетой тоннеле было пусто. Преодолев тоннель, мотоциклисты помчались дальше по старой и узкой горной дороге. Спуск. Затем подъем. Опять спуск. Так они въехали в зеленый коридор из деревьев, плотной стеной обступавших дорогу.

И тут мотоциклистам пришлось остановиться.

В середине тесной аллеи поперек стоял автобус с большим красным крестом на боку. Всем корпусом он плотно упирался в деревья, забаррикадировав дорогу. Колесные шины были порублены топором, а в опустевшем кузове сиротливо металась бабочка, белая, с нежно-голубыми крыльями.

И через много дней

Шли последние дни, а может быть, и последние часы войны. За Берлином гремели последние залпы...

В один из теплых, по-особенному осенних вечеров изрядно разбитый танк Юрия Варежкина стоял на шоссе. Колонна вышедших из боя машин, которую он отводил на восток, ожидала офицера связи.

Навстречу танкистам по шоссе с востока на запад двигались автобусы. Это были фронтовые санитарные автобусы с красными крестами на ярко-зеленом кузове. Одна машина, визжа тормозами, остановилась напротив танка Юрия Варежкина.

— Закурить не найдется? — по-своему спросил, высунувшись из кабины, шофер, не замечая под комбинезоном офицерских погон танкиста.

— Пожалуйста, — предложил Варежкин.

— Вот спасибо!.. — повеселел шофер. — Я, мать честная, не могу без курева! А все некогда. В Берлин еду, третью ночь не сплю.

— Не торопись, не на свадьбу, — шутил Варежкин.

— То есть как не на свадьбу? — возразил шофер, засмеявшись. — Не на свадьбу, так на поминки. К Адольфу Гитлеру. — Он сунул руку за пазуху и вынул старый патрон. — Патрон имею заветный: еще с Кавказа храню. Покаялся выпустить — по рейхстагу!

Варежкин взял патрон, грустно покачал головой:

— Призапоздал ты, парень...

— Что, уже победа? — шофер поперхнулся дымом и неестественно громко закричал: — Ур-р-а-а!..

Услышав его, кто-то быстро распахнул дверь в кузове автобуса. Варежкин обернулся и увидел девушку в гимнастерке.

— Оля?! — не веря себе, еле выдохнул он.

— Юра! — девушка подбежала к нему. — Узнал!

— Олюшка! — Варежкин обнял ее, заглядывая в глаза.

— Теперь ты узнал! — сквозь слезы проговорила Оля. — А тогда не узнал... Тогда никто не узнал бы. Помнишь, в концлагере?

— Ты была там?.. Подожди, подожди... Таня?! — едва выговорил Варежкин.

— Да нет же — я, я! Это Руженка звала меня Таней. — Оля помолчала, ликуяще глядя на Юрия, и задумчиво добавила: — У нее была дочка Таня. И у той Тани, говорила она, будто бы были такие же глаза... Как мои...

Стихи Ефима РУЖАНСКОГО

БУДЕТ ВЕЧНО

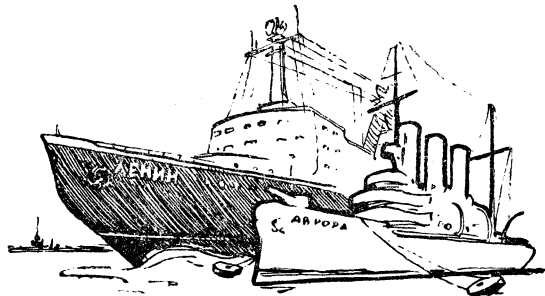
*Парнишка в Ленинграде не бывал,
И вот приехал он.
Собравшись скоро,
К Неве он первым делом побежал,
К овечьей героиней «Авроре».*

*А в это время на Неве-реке,
От крейсера совсем недалеке,
Проходит ледокол!*

*Глядит народ
На первый в мире
наш атомоход.*

*Пройдут года,
он встанет на прикол,
Музейным будет этот ледокол,
К нему придут с экскурсией
парнишки,
Узнавшие о первенце из книжки.*

*А в это время на Неве-реке,
От крейсера совсем недалеке,
Наполнена энергиею света,
Фотонная
пройдет гидроракета...*

*Так технике меняться каждый раз.
К открытиям*

*мы привыкаем скоро.
Но будет вечно в памяти у нас
Великая героиня «Авроры».*

*И верится, что он совсем не стар:
Октябрьским залпом*

*легендарный крейсер
Ракеты наши выпустил на старт
В далекие космические рейсы!*

НАША ЗВЕЗДА

*Когда-то
среди звездных путей
и троп*

*Счастливую звездочку
люди искали.*

*Но что б
ни предсказывал
им гороскоп,*

*А счастья
в народе
так и не знали.*

*А нынче
мы тоже
глядим в высоту:
Далекую звездочку
ищем глазами.*

*Мы верим
в счастливую
нашу звезду,
Ведь мы ее,
яркую,
создали сами!*

РЕДКАЯ ПТИЦА

Как-то осенью мы охотились в пойме быстрой горной речки Сухокаменки, километрах в двадцати северо-восточнее Златоуста. Берега речки поросли густым березняком и осинником. Выше по руслу начинался густой елово-пихтовый лес. Изредка из зарослей с шумом поднимались рябчики. Несмотря на непогоду, нам удалось добыть несколько птиц. В числе наших охотничьих трофеев оказался и сибирский земляной или пестрый дрозд.

Из рода дроздов в наших лесах чаще всего встречаются рябинники и певчие. Реже можно увидеть дерябу и белобрового дрозда. Земляной или пестрый дрозд встречается на Урале крайне редко. Добытый нами экземпляр передан в зоологический музей Московского Государственного университета имени Ломоносова.

В СССР пестрый дрозд распространен от Печоры по югу Сибири к Приморью. Однако область распространения — аре-

ал его — изучена еще слабо. Известно, что орнитолог П. П. Сушкин однажды в бывшей Уфимской губернии получил от одного местного охотника экземпляр пестрого дрозда, добытого в июле 1887 года близ Златоуста. Есть сведения о том, что эту птицу видели в районе Красноуфимска. Профессор М. А. Мензбир предполагал, что пестрый дрозд гнездится в лесах Уральского хребта.

Может быть, кто-нибудь из вас тоже встречался на Урале с этой редкой для нас птицей?

С. Куклин, научный сотрудник
Челябинского краеведческого
музея

РЫБЫ-ВОИНЫ

Рыбы-мечи, обитатели Тихого океана, нередко нападают на плавающие в воде крупные предметы: лодки, океанские суда. Своим мечом они способны пробить борта судов. В одном из музеев Японии хранится часть обшивки борта парохода, пробитого этой рыбой.

Другая особенность рыб-мечей — способность выпрыгивать из воды и находиться в воздухе в вертикальном положении. Недавно у южного берега японского острова Кюсю в сеть ры-

баку попала меч-рыба длиной около двух метров. Когда рыбак попытался втащить ее в лодку, она взвилась высоко вверх, и, падая, пронзила его.

ЭТО ИНТЕРЕСНО ЗНАТЬ

САМЫЙ большой цветок — раффлезия арнольда, растущая в лесах Суматры. Он имеет в полеречнике метр и весит 10 килограммов. А вырастает этот гигант из очень маленького семечка, еле заметного невооруженным глазом.

САМЫЕ крупные животные — современные киты. Их длина — 33 метра, вес — 120 тонн, что соответствует весу 25 слонов, или 120—150 быков. Сердце такого кита весит — 600—800 килограммов, то есть столько же, сколько весит крупная лошадь.

ЕСЛИ извлечь из морских вод всю содержащуюся в них поваренную соль, то всю сушу можно покрыть стотридцатиметровым слоем соли.

ЕСЛИ бы срыть горы Гималаи и рассыпать камни по всей земле, то поверхность земного шара повысилась бы на 18—20 метров. В Европе эта горная система протянулась бы от Англии до Каспия.

ЗНАЧОК АКТИВИСТА ЖУРНАЛА

Редакция журнала наградила значком еще одну группу активистов «Уральского следопыта»: художников В. Жабского, Ю. Ефимова, В. Васильева, Ю. Сакныня и П. Евладова, краеведа Л. М. Хандросса, журналиста Л. Н. Большакова, подполковника Ю. А. Левина и подполковника Н. Н. Мыльникова, генерал-майора в отставке А. П. Гундорина, полковника в отставке С. С. Прагу, фотокорреспондентов И. Н. Тюфякова и Ж. Г. Берланда, ученого-археолога В. Н. Чернецова.

ТЮМЕНЬ—МОСКВА

на лыжах

Рассказал об этом интересном событии Георгий Степанович Куценко, председатель городского союза спортивных обществ и организаций Тюмени.

— Сдружились мы тогда крепко. Хорошие были ребята! Да... Много лет прошло... Война всех поразбросала. Разыскали бы их следопыты!..

Был канун 1934 года. Георгий Куценко служил младшим командиром в батальоне связи.

Днем во время занятий раздался голос дежурного:

— Куценко, к телефону!

Командир батальона приказывал немедленно явиться с лыжами на соревнования. Не впервые получал Георгий подобные приказания: в батальоне любили спорт. Но только к вечеру стала известна причина столь неожиданных соревнований. В Тюмени, накануне XVII съезда партии, проходила дивизионная партийная конференция. Делегаты ее решили послать на съезд шесть своих лучших спортсменов с рапортом о достигнутых успехах.

В этот же вечер Георгий познакомился и с остальными участниками похода: командирами Гавриковым, Зубановым, Карталовым, Хмелевым. Шестой, Егоров, из Камышлова, должен был примкнуть к ним по дороге.

Никогда еще до этого спортсмены нашей страны не совершали такого длительного перехода. Предстояло пройти без дорог, по горам и тайге, от Тюмени до Москвы, свыше двух тысяч километров. Этим шести «счастливым» впервые выпала честь показать силу и выносливость советских лыжников.

5 января, в 9 часов утра, тюменцы торжественно провожали своих спортсменов. А они, гордые, возбужденные, в нарядных светлых костюмах с эмблемой на груди «Тюмень — Москва», нетерпеливо ждали команды.

Начался нелегкий переход шести отважных. Событие это в 1934 году взвол-

новало всю страну. О переходе сообщали ежедневно газеты и радио. Тюменцы на одной из центральных улиц города вывесили карту и ежедневно отмечали путь следования своих земляков.

...Приближались к Свердловску. За спиной уже 341 километр. Устали. Силь-

Георгий Степанович Куценко в 1934 году.

Участники лыжного пробега на приеме у К. Е. Ворошилова.

но мешали набитые рюкзаки. Нарядные костюмы давно утратили свою привлекательность.

Самым тяжелым был переход Краснофимск—Сарапул: без конца крутые подъемы, обрывы. Всю дорогу ветер в лицо. Продвигались очень медленно. Стоит лишь разлететься с горы — и не заметишь, как перед тобой пропасть — прямо головой в снег! Обходили горами и густым лесом десятки километров. И все-таки в сутки делали по 116—120 километров.

В Казани начальник перехода Гавриков от лица всех шести дал слово сократить переход на четыре дня. Но не так-то просто выполнить обещание. Только вышли из Казани — дождь. Сняли лыжи — и пешком до намеченного пункта. Все же дошли вовремя. Сократили дневки в Арзамасе и Муроме. Наконец последний переход: Люберцы — Москва, и 6 фев-

раля, в час дня, они вступили в столицу, пройдя 2200 километров.

8 февраля в первом Доме Реввоенсовета лыжников принял Народный Комиссар по военным и морским делам Климент Ефремович Ворошилов. Он интересовался всем: как дошли, как устроились, как жизнь в дивизии. В заключение, весело посмотрев на немного робевших друзей, Климент Ефремович сказал:

— Ну, что ж, подарить каждому золотые часы? Не возражаете? Но смотрите, нос не задирать!..

* * *

— Вот они, храню их, — показывает часы Георгий Степанович.

На обороте крышки — надпись: «Участнику лыжного похода Тюмень — Москва тов. Куценко Г. С. от Наркомвоенмора, 8/II—1934 года».

Г. Стороженко

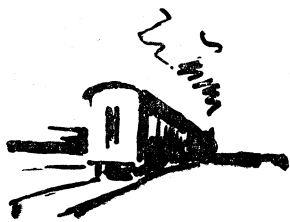
Члены кружка геологов-следопытов Златоустовского Дворца пионеров летом 1959 года обследовали заброшенные копи, сделали их описание, составили глазомерные планы и отобрали образцы горных пород и минералов для анализов и краеведческого музея. Воспользовавшись проходкой граншей для бензопровода через Урал, мы произвели детальное геологическое и радиометрическое изучение этой полосы в масштабе 1:10 000 и составили геологический разрез.

Во время походов по родному краю, а прошли мы в 1959 году более 500 километров, обнаружили новое месторождение кианитов, новые залежи камня-плитняка, необходимого для строительства дорог в нашем городе. Кроме того, мы нашли новые точки титаномагнетитового оруденения и залежи зеленого мрамора. Часть ребят изучала живую природу хребтовой части Урала.

Собранный нами материал обогатил местный краеведческий музей. Создали мы и свой музей при Дворце пионеров. В нем три отдела: живой природы, неживой природы и пропаганды туризма и краеведения. За найденный камень-плитняк мы получили благодарность от горисполкома, а за кианитовую руду — от геологоразведочной партии. Кианитовая руда используется для производства силумина. Геологи попросили нас произвести в районе кианитовой залежи поисковые работы с проходкой горных выработок.

Мы переписываемся и делимся опытом с Ленинградским клубом юных геологов, с башкирскими пионерами и омскими краеведами. Наши друзья из Омска и Башкирии приезжали в Златоуст. Занятия в кружке помогли нам выбрать профессию. Мы твердо решили стать геологами. Некоторые из нас уже проходили практику в геологоразведочных партиях и получили рабочие разряды. Летом 1960 года мы поедем в Сибирь на помощь сибирским геологам.

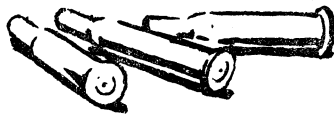
Н. Гладких,
староста кружка

2*

ТРИ ГИЛЬЗЫ

Летом семнадцать ребят двенадцатой ирбитской школы совершили поход по местам боев полка Красных Орлов. Вместе с ними был Иван Сергеевич Антропов, старый большевик, бывший боец прославленного полка. У села Ирбитские Вершины, где девять рот полка Красных Орлов в течение месяца защищали позиции от озверевших колчаковцев, ребята решили раскопать сохранившиеся окопы: вдруг оружие какое-нибудь найдут. Но нашли лишь три заржавевшие гильзы.

40 лет они лежали в земле. Кому из бойцов они принадлежали? Где он, тот герой, что так самоотверженно боролся за счастье молодой республики?

И вот что рассказал Иван Сергеевич Антропов.

В Егоршино полк Красных Орлов выдержал ожесточенный бой с колчаковцами. В этом бою погибли комсомольцы Гриша Балин и Тима Нетунаев, отважные и бесстрашные разведчики... Гриша и Тима — пятнадцатилетние парнишки, уроженцы села Пески, Катайского района, бывшей Курганской области, востроглазые, верткие ребята. Неопценную помощь они оказали полку, много добыли важных сведений. А у села Ирбитские Вершины стояли насмерть красные бойцы-пулеметчики Дунаев и Снегирев.

105 километров, через Егоршино, Сухой Лог, Каменск-Уральский прошли ребята, и всюду они видели новостройки семилетки. Нет, недаром отдали свою жизнь бойцы героического полка!

К сожалению, память героев-комсомольцев не увековечена. На памятнике-обелиске у вокзала в Егоршино даже нет их имен и фамилий. А что жители села Пески знают, помнят о Грише Балине и Тиме Нетунаеве?

Л. Корец

3295 ЧЕЛЯБИНЦЕВ

Челябинские следопыты провели конференцию по итогам туристского года. За два дня до нее в большом выставочном зале Дворца пионеров открыли краеведческую выставку, двадцать школ города представили свои работы: различные коллекции и гербарии, карты озер, пещер, рек родного края, маршруты походов, походные дневники, фотогазеты, рисунки, оружие разных лет, вещи, найденные при археологических раскопках, стенды с продукцией, выпускаемой предприятиями Челябинской области.

На конференции ребята рассказывали о своих походах, что нового и интересного увидели и узнали.

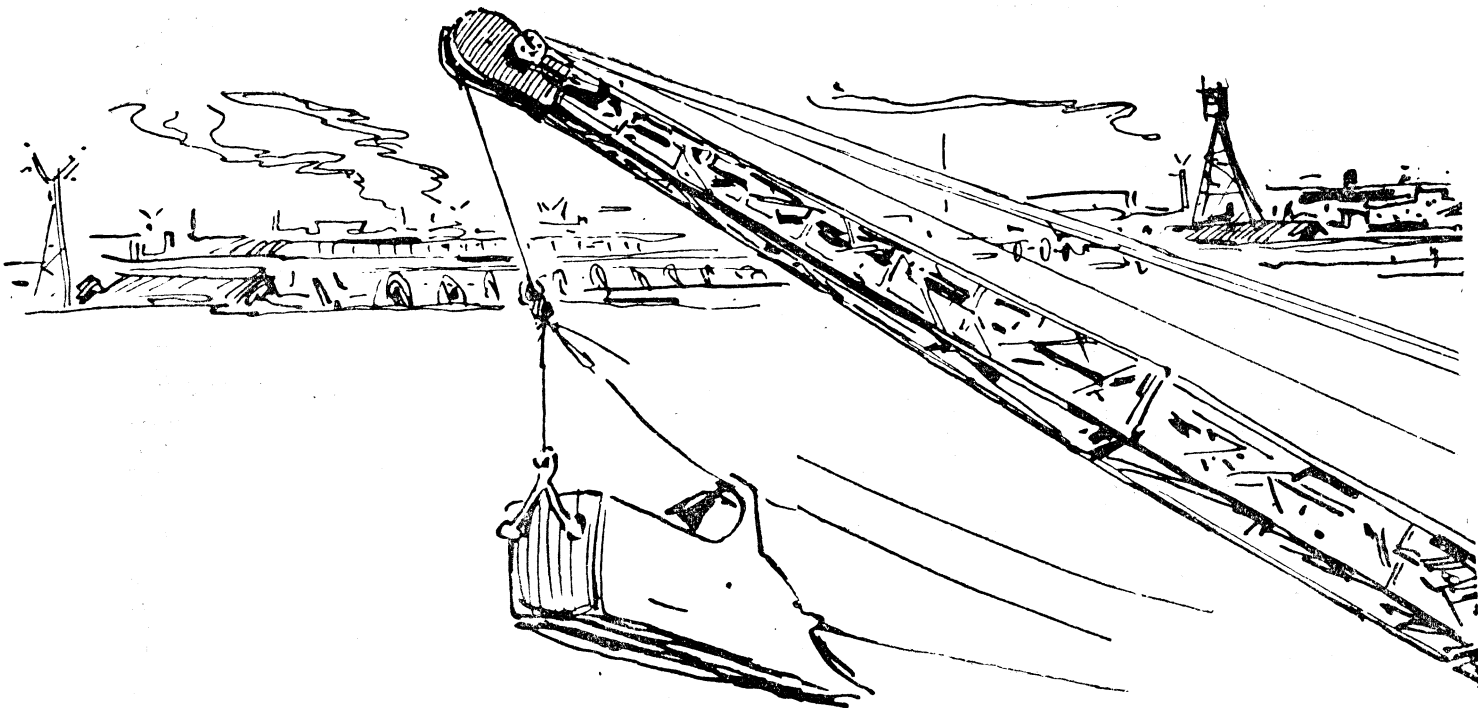
Следопыты 96-й школы по заданию краеведческого музея обследовали берега реки Ай и ее притоков, озера Зюраткуль и нашли три стоянки древних людей.

Педагогический институт поручил краеведам 46-й школы исследовать и охарактеризовать одиннадцать озер Южного Урала. Вот одна из записей в их гидрологическом дневнике:

«Озеро Таткуль. Бессточное. Глубина 2 метра, дно илистое. С середины и с берегов озеро зарастает, имеются на нем плавающие острова, на которых растут различные деревья, кустарники, травы. Острова небольшие (50×90 м). По рассказам, возле островов много рыбы. Форма озерной котловины блюдцеобразная. Площадь озера 200 га, температура воды на дне: январь +1, июнь +13; на поверхности: январь —4, июнь +14».

Следопыты 34-й школы изучили и описали пещеры Южного Урала. Они прошли по маршруту: Челябинск — Миньяр — Сим — Казамаш — Сатка — Зюраткуль.

В походах прошлого года по родному краю участвовало 256 экспедиционных отрядов — 3295 учащихся челябинских школ.

Л. БОЛЬШАКОВ
Рисунки В. Жабского

Его
большая
судьба

Паспорт? Пожалуйста!

В паспорте человека о его характере не рассказывается ровным счетом ничего, а этот документ более красноречив. Можно узнать не только о годе и месте

рождения, но и каков он и на что способен.

Паспорт, которым я заинтересовался, заведующая техническим архивом Нина Васильевна Андреева отыскала в одну минуту. Она работает на Южно-Уральском никелевом комбинате еще с того времени, когда хозяевами огромной площадки были не металлурги, а строители и монтажники. Машины, чьи свидетельства о рождении занимают сейчас на стеллажах добрый километр, прибыли сюда при ней. О каждой Нина Васильевна может рассказать много интересного и поучительного

Вот выписка:

Ковровский завод, 1935
Экскаватор № 61, ППГ-1,5

Расшифровываем «паспортные данные» интересующего нас экскаватора.

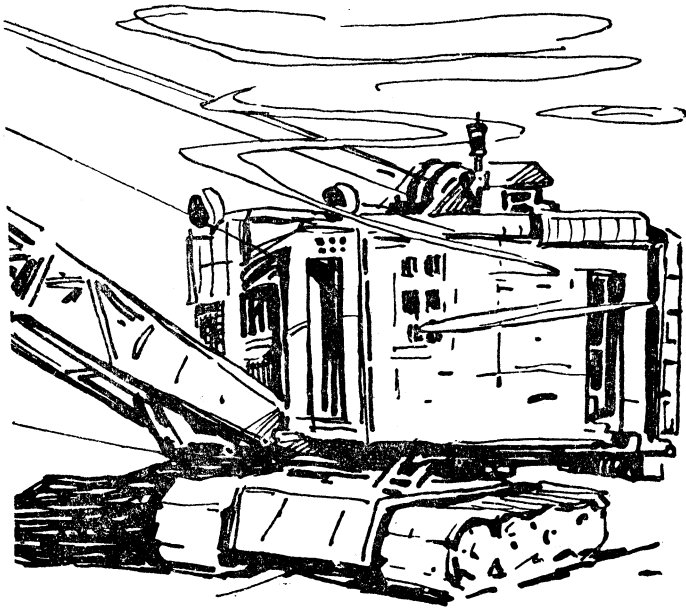
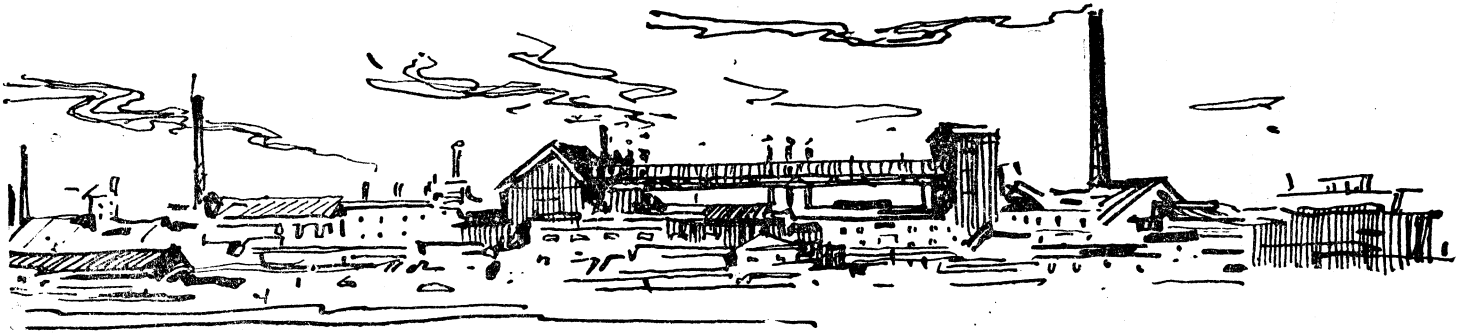
Родился в Коврове, Владимирской области, в 1935 году. «№ 61» — порядковый номер.

А что такое «ППГ-1,5»?

Первое «П» — паровой; пояснения здесь, конечно, не нужны.

Второе «П» — полноповоротный и полууниверсальный: платформа машины может поворачиваться на все 360 градусов вокруг своей оси в обоих направле-

ниях, и экскаватору для работы в разных условиях придано сменное оборудование.

«Г» — гусеничный.

«1,5» — емкость ковша. Да, полтора кубометра.

— Вот вы и познакомились, — с улыбкой проговорила Нина Васильевна. — Четверть века непрерывного рабочего стажа. Сколько он за это время дел переделал, где только не побывал! Узнать бы обо всем...

Давайте поищем!

Начало биографии экскаватора-ветерана, конечно, на его родине.

У телефона — Ковров

— Орск!.. Говорите с директором Ковровского экскаваторного завода...

Ожидая заказанный разговор, я заглянул в справочники. Оказалось, что

этому заводу скоро исполнится сто лет. В первой пятилетке он начал выпускать экскаваторы. Когда «ППГ-1,5» — братья нашего знакомого — стали выходить из заводских ворот в 1934 году, старый русский город на Клязьме начал приобретать славу промышленного центра. Его «второе рождение» произошло в том же году, что и у нашего индустриального Орска — в прошлом захолустного купеческо-мещанского городка.

— «ППГ-1,5»? — переспросил директор Петр Иванович Гришин. — О, это наше далекое прошлое! Спросили бы лучше о тех, что выпускаем сейчас — дизельных, универсальных. Их заказывают все больше и больше. А насчет старых... Они действительно сослужили добрую службу. Об одной из таких машин я и спросил директора.

— Шестьдесят первый?.. — даже на расстоянии почувствовалось, как потеплел голос собеседника. — Как же, хорошо помню! Наши первенцы. Я тогда уже работал на заводе, комсомолом заворачивал. Время-то какое было! И сборку вели, и людей учили. Эти экскаваторы — для нас первая школа. Слышишь, Василий Иванович, я про полторакубовые говорю!

Вопрос директора относился к кому-то другому, кто был рядом с ним. И через минуту послышался другой, глуховатый голос:

— Говорит Гусков, заместитель начальника сборочного цеха... Раньше?.. Слесарь-сборщик. Юностью нашей интересуетесь?.. Наша бригада как раз собирала экскаваторы из шестого десятка. Шестьдесят первый?.. Возможно, он и был, когда мы впервые дали двести процентов. Досрочно выпустили... Он вместе с другими был отправлен, кажется, на строительство канала Москва — Волга.

Иван Долженко у экскаватора.

Директор завода навел справки. Да, экскаватор № 61 прямо с завода был направлен на канал.

Там начинается вторая страница биографии экскаватора.

В большом походе

Волга — Москва, канал имени Москвы, как именуется он со дня празднования восьмисотлетия столицы!.. Живо вспомнилось, как мы, тогда еще школьники, взахлеб читали все, что сообщалось о его строительстве. Терпеливо отыскивали на карте безвестное село Иваньково, у которого Волга была запружена и образовала огромное «Московское море» — самое первое из крупных водохранилищ страны.

Большинство из нас в те дни впервые в жизни услышали об экскаваторах. У нас в школе учился Костя Игнатьев. Он, счастливцев, видел эту машину своими глазами: летом гостил у бабушки в

Коврове. Авторитет Кости среди мальчишек возрос на недосягаемую высоту, когда в день пуска канала — 15 июля 1937 года — среди тех, кто отличился в строительстве, был назван и один из его дядей — мастер сборки экскаваторов.

Теперь все это вспомнилось снова.

Как же отыскать хоть какие-нибудь сведения об экскаваторе № 61?

Один из орских металлургов-ветеранов Иосиф Степанович Ключенко как-то вспомнил: когда экскаватор привезли в Орск, на стенке его кабины была нарисована звезда и стояла фамилия — Семенов.

Но, быть может, это расписался кто-то из железнодорожников, а экскаваторщика Семенова на канале и в помине не было? И потом, что означает звезда?..

В старых документах строительства канала Волга—Москва среди многих экскаваторщиков значится и Семенов. Он действительно работал на 61-м, и его экипаж давал самую высокую выработку. На некоторых объектах экскаватор № 61 ставили головным, в знак особой чести и доверия.

Среди нынешних работников канала нашлись люди, которые знали Владимира Семенова. Вспомнили даже любимую им частушку:

Пятилеточка не веточка,
Нельзя ее сломать.
Мы за эту пятилеточку
Готовы воевать.

Было, оказывается, в те времена куплет и о самом Семенове,— вспомнили ветераны художественной самодеятельности.

Наш Семенов всем известен
И другим дает пример.
План досрочно выполняет —
Он не зря миллионер.

Миллионер? Так вот почему на кабине была нарисована звезда! На строительстве канала наш экскаватор поднял первый миллион кубометров земли. Проверка по архивным документам подтвердила это.

Как дальше сложилась судьба Владимира Семенова? Товарищи говорят, что, когда канал окончили, он уехал на другую большую стройку.

Где вы сейчас, Владимир Семенов? Если эти строки попадутся вам на глаза — откликнитесь.

Здравствуй, Урал!

Шли пятилетки.

В несравненном по своим богатствам уральском краю происходило великое преобразование: осваивались недра, возводились заводы-гиганты, рождались новые города и менялся облик старых.

В нашем Орске на двухсотом году существования города протяжный гудок пропел о рождении нефтеперерабатывающего завода — первенца орской промышленности. Один за другим поднимались корпуса новых предприятий: мясоконсервного комбината и теплоэлектроцентрали, завода металлических конструкций и никелевого комбината. «Жемчужиной Южного Урала» назвал академик Александр Евгеньевич Ферсман наш город.

Сюда, на строительство никелевого комбината, и прибыл вместе с другими экскаватор № 61. И не было, пожалуй, в многотысячном коллективе ни одного человека, которого миновала бы весть об их прибытии. «Дело пойдет быстрее», — радовался каждый.

Пуска никелевого комбината ждала вся страна.

Руководил сборкой экскаваторов мастер Якименко. Опыта монтажа таких машин ни он, ни его помощники не имели; к тому же где-то в пути задержалась техническая документация. До всего доходили своим умом, своими руками.

— Вместо срока, установленного дирекцией строительства, мы выдвинули свой, пожестче, — вспоминает Александр Александрович Якименко, работающий теперь главным механиком комбината. — Первыми собирали экскаватор номер шестьдесят один.

Помнится, всем коллективом собирались поехать в воскресенье на рыбалку. Подошла суббота, смотрю — никто не заговаривает ни об удочках, ни о приманке.

В. П. Романов

Назавтра все до одного с утра сошлись на площадке. Поработали так, что лучше и нельзя!

— За день до сдачи машины, — продолжал Александр Александрович, — вдруг выяснилось, что нет некоторых маленьких деталей — каких, точно не помню. И трое наших сборщиков взялись сделать их. После штурмовой дневной работы они остались на ночь, а с утра, проспав всего два-три часа, снова вышли

на сборку. В тот день экскаватор № 61 был сдан в эксплуатацию.

Кто его принял? В прошлом экскаваторщик, а ныне технолог цеха Василий Иванович Воронков назвал фамилию Романова. Романов будто бы и приехал в Орск вместе с машинами и чуть ли не со строительства канала Волга — Москва.

Долго пришлось искать Романова.

Ему уже под семьдесят, давно на пенсии. Адреса никто не знал. Потом оказалось, старик живет рядом, в Первомайском поселке.

Земляк Ленина

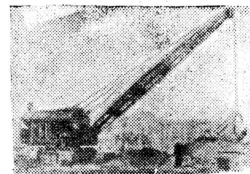
— Нет, на канале мне работать не довелось, — сразу внес ясность Василий Петрович Романов.

Крепкий, коренастый, с окладистой бородой, он пригласил меня к столу, не спеша уселся сам и вдруг, посмотрев на хозяйничавшую рядом жену, по-молодому, светло улыбнулся.

Она ответила ему такой же улыбкой.

СССР
КОВРОВСКИЙ ЭКСКАВАТОРНЫЙ
ЗАВОД

ПАСПОРТ
ЭКСКАВАТОР ПпГ-1,5 №61

— Я его на канал не отпустила, — пояснила женщина. — Что, говорю, мало тебе дела на селе? Мы — ульяновские, с Лениным земляки... Но на другой год снова засобирался. На никель! Как начал расписывать мне: дело важнейшее, стройка огромная, ширь да размах. Уговорил! Приехали на голое место — ни комбината, ни поселка...

На строительстве узнали, что Василий Петрович немного знаком с техникой, похвалили. И... направили в землекопы. «Машин пока мало, — объяснили ему. — Поступайте на курсы, учитесь, а тем временем подойдут экскаваторы».

Окончены курсы, отстажировался Василий Петрович на других машинах, а «ППГ-1,5» все не было. Внимательно следил он по газетам, как проходили завершающие работы на канале, откуда ждали экскаваторы.

Наверное, товарищам запомнились его рассказы о канале Волга — Москва, подробные, увлекательные, словно говорил очевидец. Вот и пошел среди молодежи слух, будто сам Василий Петрович — тоже с прославленной стройки.

Василию Петровичу Романову доверили первую вахту на только что смонтированном экскаваторе № 61. Затем на долю именно этого экскаватора выпало почетное право выдать руду для плавки, с которой и ведется ныне история Южно-Уральского никелевого комбината.

Пересадка сердца

Ко второму миллиону кубометров экскаватор подошел вполне здоровым и бодрым. Тем не менее ему прописали операцию. Прописали твердо и безоговорочно.

Романов передавал смену Турбабину, гот, в свою очередь, — Танцуре, и каждый раз сменщики ревниво сравнивали показатели. В соревновании экипажей четырех «ППГ-1,5», работавших на комбинате, они чаще других оказывались первыми.

Тем временем конструкторы заканчивали разработку предстоящей операции. Называлась она модернизация. «Главным хирургом» был уже знакомый нам Александр Александрович Якименко. Его, деятельного рационализатора, незадолго до того перевели в конструкторское бюро комбината.

А. И. Турбабин

Речь шла не о пустяке, а о пересадке сердца.

По паспорту экскаватор — паровой. Таким он и был. Конструкторы решили убрать паровой котел и поставить электрический двигатель. Для электроэнергии предусмотрели кабель, тянувшийся за машиной в любое место. Якименко и его товарищи на комбинате первые взялись за такое дело.

Экскаваторщики только делали вид, что предстоящая операция их не касается. Первым выдал себя Романов, когда несколько часов кряду просидел в конструкторском бюро, рассматривая чертежи. Турбабин сдерживал себя до самой сдачи заказа в ремонтно-механический цех, где все детали, все узлы нужно было изготовить перед остановкой машины. Заметив, что один из узлов делается наспех, он крепко поговорил со слесарями, а на следующий день оказался в их бригаде. Вслед за ним пришел и Танцур, работавший раньше слесарем и даже механиком.

Л. А. Турбабин

Модернизацию окончили на восемь дней раньше, чем предполагалось. В специальном приказе директора названы отличившиеся. Среди них и все три экскаваторщика: Турбабин, Танцура и Романов.

«Операция на сердце» прошла успешно. Внесли поправку и в паспорт экскаватора: «ЭПГ-1,5» — полуторакубовый, гусеничный, но теперь — электрический.

Вскоре стали электрическими и другие паровые экскаваторы комбината.

«Наш никель — в броне танков!»

Началась война 1941—1945 годов.

Первым из экипажа ушел на фронт Танцура. Он должен был сменить Турбабина, а забежал только попрощаться. Турбабин проводил его и вернулся, чтобы работать вторую смену — за товарища, уехавшего воевать. На следующий день пришли попрощаться еще трое машинистов. Заменить их сразу было невоз-

можно. Романов и Турбабин решили: пока обойдутся без третьей смены — часы разделят между собой. А там ученики окрепнут.

Фронт требовал все больше никеля. «Наш никель — в броне танков!» — напоминала заводская газета. «Больше никеля — больше самолетов!» — призывали плакаты. О делах орских никельщиков сообщало Совинформбюро в тех же сводках, что и о положении на фронтах.

Когда на комбинате развернулось движение гвардейцев трудового фронта, одними из первых этого звания удостоились лучшие экскаваторщики Турбабин и Романов.

Экипаж шестьдесят первого стал гвардейским.

А людей все-таки не хватало. Нужно было срочно готовить новых экскаваторщиков. И Турбабин привел Лушу Илюшину.

Луша пришла в цех незадолго до войны. Просилась на экскаватор, а ей сказали, что на этих машинах не трудилась ни одна женщина «за всю историю». Но в военное время Луша настояла на своем — ее взяли учеником экскаваторщика.

Турбабин не пожалел об этом. Девушка быстро постигла обязанности помощника: безукоризненно смазывала машину, зорко следила за электрическим кабелем. Принимая экскаватор, сменщики не могли сделать ни одного замечания.

Луша Илюшина вместе с Алексеем Ивановичем Турбабиным работала несколько лет. Если экскаваторщика иногда в шутку величали «профессором», то о девушке тут же говорили как об «ассистенте». Немало умелых работников воспитали они.

После ремесленного училища пришли Милованов, Долженко и еще целая группа ребят. По объявлению, прочитанному на улице, пришел Горбунов. Юноша опоздал на курсы шоферов и решил не терять времени зря. Каждому нужно было дать прочные навыки, раскрыть секреты дела, передать то, что самим учителем постигалось годами. На комбинате появлялись новые машины, и они не должны были простаивать ни дня.

На один из новых экскаваторов перевели Романова с помощником. Из кадровиков Турбабин остался один. Сменщиками становились его ученики.

Одного такого ученика он привел прямо из дому.

В другое время Турбабин заставил бы своего Павлика продолжать учение в школе: он мечтал видеть всех пятерых своих ребят образованными. Но мог ли человек, отдавший всего себя помощи фронту, воспротивиться такому же стремлению сына?

Новый ученик не доставал ногами до педалей. Приходилось опускать сидение, а на педали мостить разные приспособления. Во всем же остальном Павел не уступал другим.

— Моя порода! — гордился Алексей Иванович.

Частицу своей «породы» Турбабин вложил и в каждого из шестидесяти человек, прошедших его школу.

Славен труд!

После войны Василий Петрович Романов, тот, что нес первую вахту экскаватора на комбинате, ушел на пенсию.

Павел Турбабин, сын Алексея Ивановича, ездил передавать свой опыт экскаваторщикам Монгольской Народной Республики. Сейчас он — на строительстве Гайского горнообогатительного комбината. На могучем «Уральце» пробивает путь к богатейшей медной руде.

По-прежнему на экскаваторе № 61 трудится — и так, что молодые могут позавидовать! — Алексей Иванович Турбабин. Два года назад, первым в цехе он перешел на работу без помощника.

И Лукерья Илюшина сейчас работает

на экскаваторе. И Долженко, пришедший сюда в грозные военные дни, стал большим мастером своего дела. Он оставил позади все результаты, которых добивались до него.

Семнадцать звезд

Старики помнят на экскаваторе первую звезду Владимира Семенова. Если бы этот хороший почин продолжить, то сейчас кабину украшали бы семнадцать звезд.

Семнадцать миллионов кубометров земли, руды, кокса поднял его ковш! Погрузить такое количество руды на трехтонные автомашины — колонна растянулась бы на 15 тысяч километров.

Рядом с молодыми четырехкубовыми «Уральцами», новыми «Ковровцами» наш «шестьдесят первый» — почтенный ветеран. Но он не дряхлеет в руках своих хозяев. Электромотор вместо парового котла поставлен давно. А затем появилась новая кабина — удобная в любое время года. Механическая система управления заменена пневматической. Исчезли открытые шестерни сцепления — им на смену пришел специальный редуктор. И все это сделано на месте, самими работниками цеха. «Лаборатория на гусеничном ходу» — называют экскаватор № 61 на комбинате. Многие технические идеи, решенные впервые на этой машине, проложили дорогу для конструкторов, создающих более совершенные экскаваторы.

г. Орск

Рисунки В. Васильева

Юные годы ВОЙКОВА

В одиннадцатом номере «Уральского следопыта» за 1959 год рассказывалось о комиссаре снабжения Уралсовета в годы гражданской войны известном советском дипломате двадцатых годов Петре Лазаревиче Войкове.

Печатаем заметки керченского инженера Б. П. Случанко, написанные им по просьбе редакции.

Тот, кто, побывав однажды в Керчи, не взобрался по лестнице на вершину горы Митридат, тот не видел живописной панорамы города и его окрестностей. От пролива в степь тянутся караваном вершины древних курганов, у ног шумит индустриальный город, а над гладью голубой бухты белеют новые дома поселка завода имени Войкова.

Завод Войкова! Улица Войкова, поселки и колхозы его имени. Чем дорог нам этот человек, полвека назад шагавший по крымской земле? Здесь прошли его детство и юность. Здесь, пятнадцати лет, он вступил в ряды РСДРП и был активным участником фабрично-заводской группы социал-демократов. В гимназии Войков организовал кружок, где изучали «Капитал» Маркса. Журнал, издававшийся нелегально в гимназии при уча-

стии Войкова, пользовался большой популярностью у молодежи Мариуполя, Бердянска, Ростова.

До совсем недавнего времени мы очень мало знали о нашем земляке. И вот возникла идея разыскать друзей молодого революционера.

Прежде всего, мы обратились в Керченский историко-археологический музей имени Пушкина. Филипп Тихонович Гуса-

ров, директор музея, положил на стол газетную вырезку и лист бумаги, исписанный с двух сторон.

— Вот, пожалуй, единственный человек, который помнит Войкова по работе в подполье,— сказал он.

В вырезке из одной уральской газеты рассказывалось о торжественных проводах на пенсию Порфирия Федоровича Григорьева, старого рабочего-большевика, начавшего трудовую деятельность учеником слесаря на механическом заводе Золотарева пятьдесят лет назад. А в письме сам Порфирий Федорович сообщал, что он участвовал в забастовках керченских рабочих в годы революции, помнит одного из руководителей керченской организации РСДРП Егора Афанасьевича Афанасьева и пропагандиста заводского района Петра Войкова.

Мы связались с Порфирием Федоровичем, который сейчас живет в Свердловске, и в мае 1957 года на имя редактора газеты «Керченский рабочий» пришло от него письмо. Он вспоминал: «Очень ответственным делом в те дни было распространение листовок, так называемый подмет. Обычно в назначенном представителем комитета РСДРП месте рабочих завода встречал Петр Войков, или «Интеллигент», как его называли подпольщики. Вручая каждой двойке подметчиков пачку прокламаций, сложенных «ласточкой» (треугольником), он строжайше наказывал — сейчас же идти в отведенный двойке район и начинать подмет по точно условленному сигналу. В ночное время этим сигналом был бой часов на городском соборе. Заканчивать подмет предлагалось в течение одного часа, не более, так как в случае доноса полиции на местах, где разбрасывались прокламации, никого бы из подметчиков нельзя было выследить. Петр Войков искал места для загородных массовок, подбирал из молодежи «патрули» для охраны мест, где проводились собрания, давал им пароль».

В поисках друзей Войкова нам повезло познакомиться с Ольгой Федоровной Чуприной, лично знавшей Петра Войкова. Вот что она нам рассказала. Хозяйка швейной мастерской, где работала полвека назад Ольга, часто отпускала молодую швею к соседям, жившим в Почтовом переулке. Там, в семье Войковых, где были два сына-гимназиста и две дочери, Ольга проводила вечера. Здесь она познакомилась с Петром. Однажды

на вечеринке у друзей Петра ее, между прочим, попросили взять на сохранение небольшой сверток. Когда Ольга дома развернула его, то на стол посыпались тонкие, пахнущие типографской краской, листки. С этого момента и началась ее работа в подпольной организации.

— Вот там, на вершине Митридата,— вспоминает Ольга Федоровна,— мы собирались в одной из пещер, стены которой были закопчены дымом факелов, а здесь, у пролива, часто собирались рыбаки. Сюда же приходили рабочие со свежим номером «Пролетария», начинались горячие споры, произносились речи. Здесь часто звучал голос Петра...

Последний раз Ольга Федоровна встретила с ним в Севастополе в 1906 году, где была по заданию комитета РСДРП. На вокзале ее встретил Войков, приехавший из Ялты, и передал ей два чехмодана с листовками.

Чем же занимался Петр Войков в Ялте? Однажды совершенно случайно мы познакомимся со старым музыкантом, старожилом Ялты. Он помнил Петра, помнил случай, когда Петр ловко «отбрил» приставшего к нему градоначальника за то, что гимназист не снял перед ним фуражку. Старый музыкант рассказал нам, что в гимназии с Войковым учился Самуил Яковлевич Маршак. Мы обратились к писателю, и вот перед нами его письмо:

«Петра Лазаревича Войкова я знал в 1905 году. Он был, как мне помнится, учеником 8 класса ялтинской гимназии и принимал деятельное участие во всех наших собраниях и сходках. Я был двумя классами моложе и относился к нему, как к взрослому политическому деятелю. Я знал, что он в партии, чуть ли не в городском комитете, и это окружало его в наших глазах каким-то особенным ореолом. Помню, как на одном из гимназических собраний, на котором он был председателем, кто-то предложил объявить забастовку. Большинство собравшихся готово было поддержать это предложение, но Петя Войков умерил их пыл и сказал, что такие дела нельзя решать сгоряча, не посоветовавшись со старшими товарищами. Авторитет Войкова был так велик, что все сразу согласилось с ним.

Войков был не по возрасту серьезен, хотя голос его еще не установился, и в нем порой звучали мальчишеские нотки. Он был весел, приветлив, добр. Я не так часто встречался с ним, и все же, хотя с

тех пор прошло более полувека, он встает передо мной, как живой, вместе со всем бурным и замечательным девятьсот пятым годом, который навсегда запечатлелся в памяти тех, кто пережил этот год в юности».

Недавно мы узнали адреса родственников Петра Лазаревича, завязали переписку с Валентиной Лазаревной, его сестрой, живущей в Москве. Она сообщила нам много подробностей из жизни брата.

Петр Войков обладал пытливым умом и блестящими математическими способностями. Хорошо знал русскую и всеобщую историю, греческий язык и латынь. Отца Петра — Лазаря Петровича — часто вызывали к началству и рекомендовали взять сына из керченской гимназии, как политически неблагонадежного. Наконец, в 1904 году его исключили из 6-го класса. Но это послужило только причиной усиленных самостоятельных занятий, и в мае 1905 года Петр выдержал экзамен экстерном и получил свидетельство об окончании семи классов.

В Ялте Петр поступил в 8-й класс гимназии и поселился в пансионе. В гимназии в то время директором и преподавателем истории был некто Готлиб, существо злое и мерзкое, один из тех отвратительных царских чиновников, которые душили всякую живую мысль. Он совершенно не выносил Войкова за то, что тот «сажал его иногда в калошу» по истории. За два месяца до оконча-

ния учебы Войков был исключен «за политику». Экзамены сдал экстерном. Но Готлиб выдал ему не свидетельство экстерна, а аттестат зрелости с четверкой за поведение, тем самым отрезал Петру доступ в университет.

В июне 1906 года на Пушкинском бульваре в Ялте, шагах в пятидесяти от полицейского управления, взорвалась бомба. Брошенная с крыши на улицу, по которой ехал любимец царя князь Думбадзе, она зацепилась за провода и разорвалась в воздухе. Бросил бомбу молодой высокий блондин. Сразу разнесся слух, что это сделал Войков. Началась погоня, окружили несколько домов и дач рядом с местом взрыва. Но товарищи Войкова усадили его в экипаж и увезли из города. На квартире у Войковых сделали обыск, но Петр был уже далеко. По знакомым тропинкам Войков добрался до Кикененза, где жил отец, рассказал ему о случившемся. Лазарь Петрович тотчас же побежал к своему приятелю, начальнику местного почтового отделения, собиравшемуся ехать в Севастополь. У Байдарских ворот почтовый экипаж задержали. Но урядник решил, что под плащом сидит жена чиновника, и пропустил экипаж. Петр благополучно проскочил в Севастополь. Ему посчастливилось: он попал прямо к харьковскому поезду.

Так покинул Крым Петр Войков.

Герои-уральцы

ПОДПОЛКОВНИК ЗАПАСА

В газете «Советская авиация» недавно описывался случай, происшедший в дни Великой Отечественной войны.

Советский летчик на подбитой машине был вынужден сделать посадку в тылу врага. Фашисты бросились к самолету, чтобы взять пилота в плен. Но на выручку приземлился другой летчик-истребитель, который успел взять друга на борт самолета и подняться в воздух, оставив на земле оторопевших гитлеровцев.

«Много лет прошло с того времени. Уже как легенду передают сказ об этом эпизоде,— писала газета.— Жаль только, что остались неизвестными имена летчиков». Имя героя, спасшего своего товарища от неминуемой гибели, сообщили офицеры А. Рыженков и А. Патрикеев. Это Спартак Иосифович Маковский, Герой Советского Союза, подполковник запаса, ныне живущий в Свердловске.

Если б не друзья

Однажды во время воздушного боя лейтенанта Маковского ранило. Голову закружило. Он на миг потерял сознание. Очнувшись, увидел, что его самолет перевернулся, летит вверх колесами и начинает входить в штопор. Первая попытка выправить покалеченный истребитель не увенчалась успехом. Надо выбрасываться с парашютом. Привязные ремни отстегнуты. Но куда? К врагу? Нет, надо попытаться еще раз!

К счастью, самолет вернулся в горизонтальное положение. Осталось добраться до аэродрома. Фашисты, видя, что самолет Маковского неисправен, решили расстрелять его в воздухе. Но за боем внимательно следили и товарищи Маков-

ского. Первый же вражеский самолет, преследовавший лейтенанта Маковского, был срезан меткой очередью младшего лейтенанта Каширина. На помощь подошел и лейтенант Меркулов.

Фашисты уклонились от боя.

Но как посадить самолет? Ведь при посадке можно снова сорваться в штопор. Спартак Иосифович выяснил, что посадку можно сделать только при скорости 380 километров в час. Это почти втрое

Рисунки М. Брусиловского

превышало обычную в те времена посадочную скорость.

Уже была видна станица Славянская, где был расположен аэродром. Осталось дотянуть каких-нибудь три километра. Но отказал мотор. Пришлось выбирать ровную площадку на лугу, где работали колхозники, и садиться на «брюхо».

Снижаясь все ниже и ниже, Маковский выключил магнето и левой рукой взялся за скобу прицела, чтобы не разбить голову при ударе о землю.

И вот самолет приземлился, едва не развалившись на части. Толчок, потом другой. Прочертив землю фюзеляжем, машина встала. Пересилив боль, Маковский выскочил и отбежал в сторону: могли взорваться бензобаки.

Очнулся Маковский на руках колхозников и своих товарищей по оружию.

— Дружба — самое основное в жизни. — Если бы мне не помогли боевые друзья, я бы погиб, — рассказывает Спартак Иосифович.

Легендарный подвиг

Стоял небольшой мороз. Два первых дня 1944 года прошли в относительном

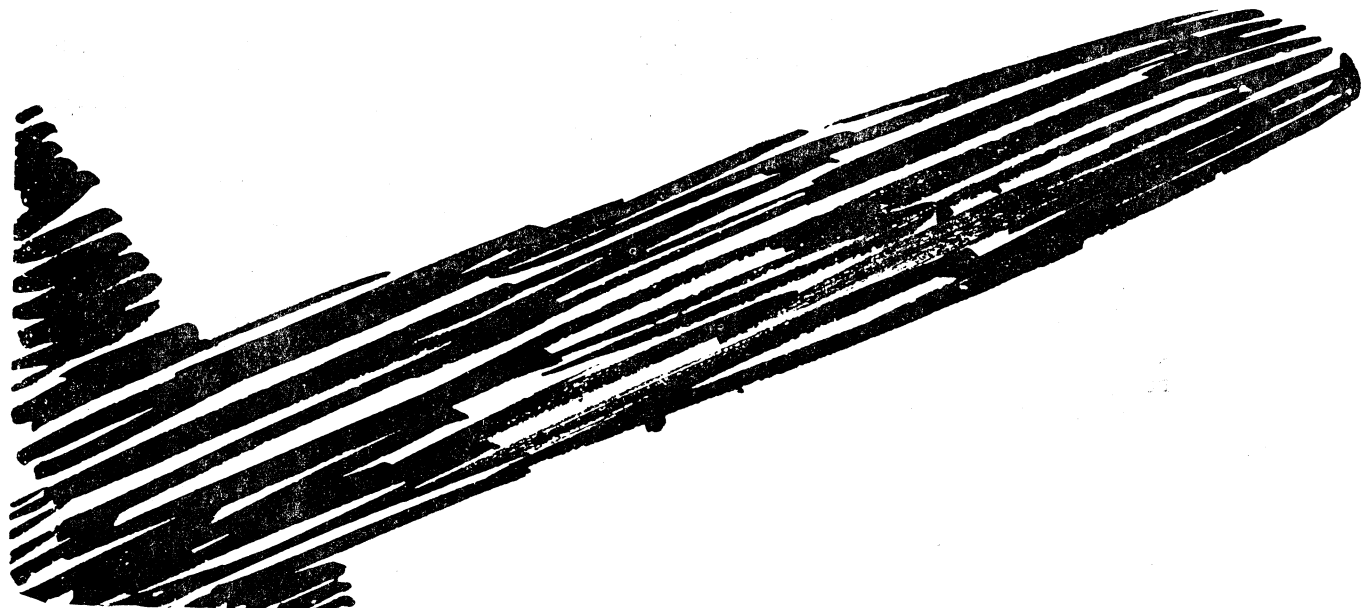
затишье. Эскадрилья старшего лейтенанта Маковского готовилась к очередной боевой задаче. Нужно было штурмовать аэродром противника в районе Большой Костромки. Группа из восьми самолетов вместе с командиром вылетела утром третьего января. На высоте восьмисот метров со стороны территории, захваченной врагом, наши самолеты незаметно подошли к фашистскому аэродрому, где пряталось около двадцати истребителей и бомбардировщиков.

В сводке Совинформбюро от 4 января 1944 года об этом говорится кратко:

«Группа наших летчиков под командованием старшего лейтенанта Маковского вчера произвела налет на один из аэродромов противника. Не доходя до цели, советские самолеты были встречены вражескими истребителями. В завязавшемся воздушном бою было сбито четыре немецких самолета. Кроме того, сожжено три самолета из числа находившихся на аэродроме...»

На деле было сложнее.

Несмотря на сильный огонь зенитной артиллерии, Спартак Маковский со своим ведомым Виктором Кузнецовым сделал три захода. Они подожгли три самолета

и один бензозаправщик. Посмотрев на часы, Маковский сказал Виктору по радио, чтобы он уходил из зоны огня. Нужно было еще атаковать переправу.

Истребитель Кузнецова последовал за командиром почти вплотную. Машина его была повреждена, но пока слушалась летчика. Вот и переправа. Обрушив на нее всю мощь своих пушек и пулеметов, внесли панику в ряды фашистов. Маковский передал товаришу приказ отходить на свой аэродром. Но рация у Кузнецова, по-видимому, не работала, а за его самолетом потянулся голубой шлейф — струи бензина, вытекавшие из пробитых бензобаков.

И вот в районе Малой Лепатиhi, в 10—15 километрах от линии фронта, Кузнецов был вынужден сделать посадку на территории противника.

Он приземлился на заснеженном поле меж двух дорог, по которым двигались к фронту вражеские солдаты и машины. Гитлеровцы с криками бросились к советскому самолету.

Спартак Маковский все это видел сверху. Раздумывать было некогда. Осмотрев поле, он быстро пошел на посадку. Сначала получилось неудачно: впереди торчали столбы немецкой полевой связи. Пришлось сделать разворот, и под носом у оторопевших гитлеровцев появилась машина с красными звездочками на крыльях.

Во фронтовой газете тех лет Кузнецов рассказывал:

«На минуту мне показалось, что нет никакого выхода,— смерть или позорный плен. Но вдруг вижу, мой командир делает круг и идет на посадку. Радость охватила меня. Подбгаю к самолету командира, слышу его сильный, твердый голос:

— Левую ногу закинуть в кабину, голову под козырек, руками держаться за поручни прицела.

Командир дает полный газ. Навстречу цепью бегут фашисты, стреляют из автоматов. Машина прорывает эту цепь, и мы взмываем в воздух...»

Но самолет очень медленно набирал высоту. Фашисты стреляли из автоматов и бежали за ним. «Что же случилось?» — подумал Маковский. Доска приборов была закрыта Кузнецовым, которому пришлось свеситься головой вниз в кабину, чтобы его не сдуло встречным потоком воздуха.

— Виктор,— сказал Маковский,— по-

додвинься чуток, на компас взглянуть надо.

Но Кузнецов не шевелился, потеряв сознание. Маковский приподнял его и только тут понял, в чем дело. Оказывается, при взлете Виктор ударился головой о рукоятку магнето и выключил одну группу свечей. Неисправность была устранена, и самолет лег на курс к своему аэродрому.

Сын старого большевика

За время Великой Отечественной войны Спартак Маковский совершил 216 боевых вылетов, провел 76 воздушных боев, сбил семь самолетов противника в группе с товарищами и тридцать сбил сам. Кроме Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина, он награжден орденами Великой Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Александра Невского, тремя орденами Боевого Красного Знамени. Нет, недаром он сын старого большевика, активного участника гражданской войны Иосифа Ивановича Маковского.

Недавно Спартак Иосифович получил письмо из воинской части, в которой он служил.

«Уважаемый тов. Маковский!

Обращаюсь к Вам от имени партийной организации войсковой части, в которой Вы служили. Личный состав гордится Вашими подвигами, которые Вы совершили в годы Великой Отечественной войны...

В мае исполняется двадцатая годовщина нашей части... Вы один из десяти героев Советского Союза — воспитанников части... У нас утверждён переходящий приз — кубок имени Героя Советского Союза тов. Маковского, который вручается лучшему подразделению за успехи в боевой и политической подготовке...»

Сбываются слова фронтового поэта, написанные в дни войны:

Переменится и время,
Переменятся и люди,
Но дела твои пред всеми
Никогда мы не забудем!
И не мы одни, а дети —
Наши правнуки и внуки
Вечно славить будут эти
Силой дышащие руки!

В. Зонов

Древнего ремесла мастер

Помните, у Бажова в сказе «Живинка в деле»: «По нынешним временам, при печах-то, с этим попроще стало, а раньше, как уголь в кучах томили, вовсе мудреное это было дело. Иной всю жизнь колотится, а до настоящего сорта уголь довести не может».

Давно уже уральские заводы не работают на древесном угле. Но древнее ремесло углежогов не исчезло. Еще и сейчас в отдаленных деревнях колхозные кузнецы предпочитают готовить небольшое количество древесного угля на месте, а не завозить издалека каменный уголь.

Не так давно мне довелось побывать (в составе экспедиции Уральского университета по изучению русских народных гово-

ров) в деревне Шипицино, Махневского района. Там я познакомился с Варлаамом Васильевичем Черноусовым, заятым охотником, опытным кузнецом. Он оказался и углежогом. Я заинтересовался этим старинным ремеслом, и Варлаам Васильевич пригласил меня на следующее утро в лес — посмотреть, как «кучонок ладят».

Наутро я со своими товарищами уже был на делянке. Там всю работу кипела: кузнец складывал дрова в «кучонок». Варлаам Васильевич объяснил нам: «Не всякое дерево на уголь идет, а только «кондовое», хорошее. Нарезают из лесины дрова длинные — долготьем зовут. А ладить кучонок надо шибко аккуратно и в определенном порядке» (снимок сверху). Сложенный кучонок «одернили» — покрыли нарезанным вокруг дерном. Шели тщательно засыпали землей (снимок внизу).

Несколько дней продолжалась эта нехитрая, на первый взгляд, но таящая в себе много тонкостей работа. Малейшая неточность в кладке — и кучонок рассыплется во время обжого; неплотно засыплешь землей — и кучонок сгорит дотла. Как у Бажова:

«Стали плахи в кучи установ-

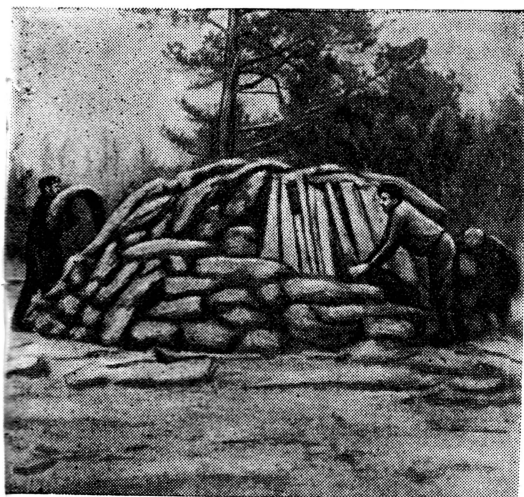
ливать, дело вовсе хитрое пошло. Мало того, что всякое дерево по-своему ставить доводится, а и с одним деревом случаев не сосчитаешь. С мокрого места сона — один наклон, с сухого — другой. Раньше рублена — так, позже — иначе. Потолще плахи — продухи такие, пожиже — другие, жердовому расколу — особо. Вот и разбирайся. И в засыпке землей тоже».

В вершине кучонка Варлаам Васильевич оставил отверстие, через которое он зажег дрова. Потом отверстие тоже покрыл дерном, и кучонок начал «дыметь» — тлеть.

Три дня «дымел» кучонок, и все это время внимательно следил Варлаам Васильевич, чтобы не было «ни недогару, ни перегару», чтобы вышел уголь «звон-звоном».

Наблюдая за работой Варлаама Васильевича, я невольно подумал о другом, вымышленном углежого — дедушке Нефед, нашедшем «живинку» в своем любимом деле. Да, передо мной был дедушка Нефед, сошедший казалось, со страниц бажовского сказа, старый умелец, замечательный мастер, какими всегда был богат наш Урал.

Л. Сахарный

Вдохновенное изваяние

Настанет время, когда на Земле не будет военных. Мечта человечества о разоружении, предложенном нашей страной, осуществится. Но никогда не изгладится в памяти людей великий подвиг тех, кто кровью заплатил за свершение этой мечты.

...Израженный и изможденный, в разорванной, почти спадающей с плеч гимнастерке, он прислонился к стальной наголе где-то на окраине Сталинграда. В застывшей от напряжения руке судорожно сжата противотанковая граната — последнее оружие бойца Слипшиеся от пота и крови, от порохового дыма и пыли военных дорог пряди волос упали на изборожденный морщинами испытаний лоб. Кажется, сейчас силы оставят его, и он рухнет на эти серые, окровавленные, избитые снарядами и минами камни...

Но посмотрите в его глаза — и вас обожжет неистовый в ненависти, неукротимый, полный неиссякаемой силы взгляд из-под сведенных в волеву складку бровей.

И — видишь, что нет такой силы, которая могла бы сломить его железную волю, его готовность сражаться до последнего вздоха этой истерзанной ранами груди, его неугасаемую веру в победу, в правоту своего дела.

— За Волгой земли нет! — безмолвно кричат его стиснутые запекшиеся губы, взбурившиеся волевыми желваками скулы, его испепеляющий взгляд.

Этот клич легендарных героев Сталинграда, ставший их клятвой верности Родине, волновал в те дни всех — от школьника-первоклассника, тайком от мамы изучавшего кратчайший путь к городу-герою, до седовласого дряхлого деда, ковылявшего на непослушных ногах в военкомат, чтобы сдать в фонд обороны страны свои «совсем еще хорошие» валенки.

Взволновал и навеки запомнился он и свердловскому школьнику В. Друзину, вихрастому пареньку, мечтавшему о профессии художника, а может быть, и скульптора. Нет, он и не помышлял тогда о создании такого произведения, которое отразило бы это его волнение грозных дней, вечную благодарную память о героях, отстоявших от врага нашу землю, защитивших его и кровью своей обеспечивших ему возможность стать тем, кем он хотел стать. Но когда возник вопрос о теме его дипломной работы при окончании Московского художественного института имени Сурикова, то темой этой оказалась именно та, навсегда памятная ему клятва защитников Сталинграда.

Месяцы волнительных исканий, глыбы измятой в поисках решений глины, горькие дни неудач и светлые минуты радостных находок — теперь все это позади. Диплом сдан и удостоен похвальной оценки руководителя, выдающегося советского мастера скульптуры М. Г. Манизера.

Но и диплом позади. Взыскательность художника толкает его к новым поискам, к новым решениям, наиболее полно и ярко отражающим эту кажущуюся неисчерпаемой тему. На полках мастерской, бережно укрытые тканью или досадливо отброшенные в угол, — новые объемные эскизы будущей работы. И наконец, вот оно, единственное кажущееся удовлетворительным решение — итог вдохновенных поисков молодого мастера, отразивших его неугасающую взволнованность подвигом народа-героя.

Ю. К.

СКУЛЬПТУРЫ В. ДРУЗИНА

← «За Волгой земли нет!»

3*

«Красноармеец 1920-х годов» →

Приключенческая повесть

Продолжаем публиковать повесть, над которой работает группа уральских литераторов. Первая часть, помещенная в январском номере журнала, была написана ими совместно. О том, что произошло с героями позднее, рассказывает писатель Владимир Шустов. Над следующей частью повести работает мастер свердловского завода имени Воровского Леонид Фомин.

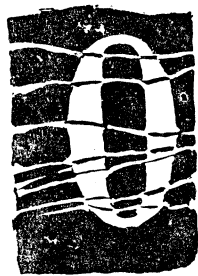
Владимир Шустов — питомец литературного кружка Уральского университета имени А. М. Горького. Из этого кружка, интересно работавшего в годы после Великой Отечественной войны, вышло несколько писателей, активно проявляющих себя в литературе.

В. Шустов — фронтовик, несколько раз ранен, награжден боевыми орденами и медалями. Университет он окончил в 1950 году, сотрудничал в газете «Уральский рабочий», где выступал с очерками, фельетонами, публицистикой. Затем несколько лет работал корреспондентом «Пионерской правды» по Уралу.

В 1953 году вышла первая книга В. Шустова — приключенческая повесть «Тайна горы Крутой», а в 1957 — вторая — «Карфагена не будет». Обе книги полюбились ребятам.

В 1958 году В. Шустов вместе с И. Новожиловым написал приключенческий роман «Королевский гамбит», напечатанный в журнале «Урал». Это произведение сейчас перерабатывается и готовится к отдельному изданию. Одновременно В. Шустов работает над новой книгой о приключениях юного партизана — «Генька стальное сердце».

4. Плывут облака

блака!.. Вы смотрели когда-нибудь на них по-настоящему? Нет, не из окна комнаты и не во время прогулок, когда туча, закрывшая от вас лучи солнца, вдруг привлечет внимание. Совсем не так! Попробуйте остаться с облаками один на один. Вот тогда — это провере-

но! — вы обязательно отыщете в их причудливых наслоениях и нагромождениях все, что занимает ваши мысли, волнует вас. Да, да! Ваше воображение оживит облачные рисунки, четче выпишет их, окрылит фантазией.

Чудесными свойствами обладают вереницы «вечных странников», кочующих по небу, если смотрит на них впечатлительный человек!

Ветер

Шагая по пыльной дороге, Павел Ливанов не только вспоминал, но и зримо представлял себе все происшедшее с ним за последние три дня, самое важное в его жизни. Давным-давно скрылись от глаз городские окраины, заводы с их многочисленными трубами, не было видно даже дымной шапки над металлургическим комбинатом. Ковыли седыми метелками кланялись ветру. А ветер дул теплый, сухой. Здесь он был на воле: ни леса, ни кустарники не мешали ему разгуливать по бескрайнему простору степи. Из-под ладони Павел посмотрел на север, туда, где едва заметной зеленой полоской вставал лес. Путь предстоял долгий, трудный. Павел понимал это. И его вдруг охватило чувство тоски и одиночества. А может быть, давала себя знать усталость? Ведь он прошел уже порядочно. Подчиняясь желанию отдохнуть и наедине разобраться с мыслями, Павел свернул в сторону от дороги и улегся на спину в ковылях. Десятки кузнечиков выстрелили своими телами в разные стороны. Один из них, — крупный, пучеглазый, — прыгнул Павлу прямо на грудь и замер. Цвенькали невидимые птицы, шелестели на ветру ковыли, и все это, сливаясь воедино, воспринималось мелодией, до боли знакомой мелодией! Так это же песня! Конечно, песня! Его, Павла, музыка к стихам, найденным в старых тетрадях отца. Родная песня! И вот уже как

бы доносится до его уха голос нежный и вместе с тем суровый и требовательный:

Сердце материнское не льдина —
Не скрывая слез, не пряча глаз,
Провожая в путь-дорогу сына,
Мать дает ему такой наказ:

«Если горы впереди — стань орлом,
Если реки впереди — стань мостом,
Сквозь тайгу иди вперед молодцом,
Если враг перед тобой — стань бойцом!..»

Ты любил эту песню, отец... Павел задумался, разглядывая облака. И вдруг темные громады их пришли в движение.

И видит, видит Павел безмянную высоту! Черная ломаная линия глубоких траншей. Крест-накрест колья заграждений. Обрывки ржавой колючки от спиралей «Бруно». Здесь и там дымятся подбитые танки с черно-белыми крестами на рваной броне. А на бугре, будто череп, купол бронированного дота с темными глазницами амбразур. А это что?! Нет! Это не солнечный луч пробивается сквозь толщу облаков! То ударил из амбразуры вражеского дота крупнокалиберный пулемет. Вот, оказывается, почему не видно в траншеях солдат: им не дает подняться ливень свинца!.. А вдали, за черепом дота, за мертвыми танками, за рваной колючкой, за иссеченной осколками рощей — синева. Там — солнце, победа! И туда должны, обязательно должны пройти солдаты! Над бруствером вдруг появляется человек в серой шинели. Стоит он во весь рост. В одной руке автомат, в другой — приподнятая для броски противотанковая граната. На голове танкистский шлем. Что кричит командир солдатам, Павел не слышит. Но кричит он что-то призывное, горячее, очень дорогое каждому. Солдаты все, как один, выпрыгивают из укрытий и идут, идут на врага.

Бьется, то тускнея, то ослепляя, огненный венчик на тупом рыле пулемета. Мечется он справа налево и слева направо по тесной прорези амбразуры. Падают солдаты. Падают с оружием в руках, ли-

цом на запад. И вновь среди клубов дыма появляется человек в танкистском шлеме. Он призывно кричит и бросается вперед. Павел закрывает глаза, чтобы не видеть, что случилось дальше. Но и это не спасает его: он слышит голос майора Самойлова, который, по рассказам матери, приезжал с фронта, чтобы вручить семье героя орден «Отечественной войны I степени». Это же самое Самойлов говорил совсем недавно, когда приезжал проводить жену и сына своего фронтового друга. Это же самое Павел читал в письме, что прислали в памятном 1944 году однополчане отца на Урал.

Заключительным аккордом опять зазвучала в ушах Павла песня:

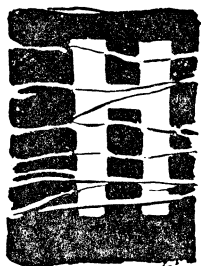
Если горы впереди — стань орлом,
Если реки впереди — стань мостом,
Сквозь тайгу иди вперед молодец,
Если враг перед тобой — стань бойцом!..

...Павел не помнит тебя, отец. Он не знает твоего голоса, теплоты твоих рук и губ. Но завет твой он будет хранить в сердце до конца жизни, будет свято беречь его и выполнять.

— Вперед! — это Павел выкрикнул громко, будто поднимал в атаку, как и его отец, своих бойцов. Рывком вскочил на ноги, перекинул через одно плечо рюкзак, через другое — ватную телогрейку и размашисто вышел на дорогу.

С востока надвигалась гроза. Чернотой наливались закраины облаков.

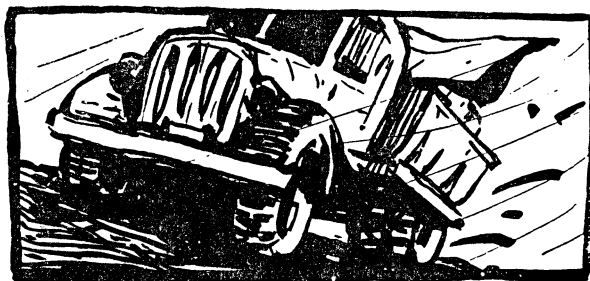
5. Лампа волшебная

ужен хороший дождь, нужен в пору созревания хлебов и плодов, овощей и трав. Всем нужен... А вот шоферам!.. И кто его просит лить на дороги,

особенно на проселочные! Капал бы себе стороной, где-нибудь за кюветами. Так нет же, и дорогу ему обязательно прихватить надо!

После проливного дождя проселочная, что река в разлив, — сплошь покрыта и

вязкой, и водянистой грязью. Выбоин и нырков не видно. Колея под водой. Лес, подступающий вплотную к дороге, выглядит скучно. Тонкие березы, осины и ольховник в болотистых низинах, испят-

нанных, несмотря на июнь, бордовыми кочками, краснотелый ивняк по берегам ручьев и речушек — все какое-то жалостливое.

На изгибе дороги у бревенчатого моста с шаткими жердяными перильцами для пешеходов, спустившись задними ведущими скатами в кювет, а передними цепляясь за раскисшую бровку дороги, намертво стоял самосвал ОЯ-17-97.

Шофер Андрей Ситников, вконец измотанный безуспешными попытками выбраться из ловушки, сидел на суковатой березовой сушине, которую принес из леса, чтобы подложить под колеса, вытирал тыльной стороной ладони пот с усталого лица и время от времени бросал на дорогу взгляды, полные ожидания и надежды.

Справа дорога, змеясь, уходила в гору, к тригонометрической вышке, взметнувшейся над мелколесьем. Слева она тянулась прямой линией, пересекала луговину с несколькими стогами прошлогоднего сена и терялась в густом, удивительно зеленом после дождя ельнике. И там и там было пустынно. Нарушая тишину, изредка с луговины доносилось хриплое карканье воронья да звучно пузырилась грязь, встревоженная колесами самосвала. «Раскаркались, вещуны, — с досадой думал Андрей, жуя мундштук папиросы. — И дернул же меня черт выехать в грозу. Ведь знал же, знал, что дорога после ливня — болотина непролазная!» — Он выплюнул окурок в дальнюю лужу, тяжело выпрямился, помял пальцами поясницу, опять склонился, сунул под колеса сушину и отправился за другой. Под сапогами хлюпала вода, беззвучно ломались пропитавшиеся водой сучья. Раздвигая обеими руками гнучие стволы деревьев, чтобы вода с них не попадала за воротник синего комбинезона, Андрей пробрался к замшелой валежине, примеченной заранее, выворотил ее из гнезда и... и услышал песню. Два звонких ребячьих голоса бодро выводили:

В час жизни любовью
друг за друга горой
Мы встанем, коль время придет!
На труд и на бой
дорогой прямой
Мы вместе пойдем вперед!
Ведь друг — это я, это ты, это мы...
Ведь друг — это лучшее в мире...

Андрей вышел на опушку и увидел, как по дороге, закатав штаны выше ко-

лен, лихо вышагивают двое ребят в сатиновых выгоревших рубашках. Третий, высокий, шел не спеша, чуть в яркую ковбойку. Телогрейка приспособлена, словно солдатская скатка, через плечо. Рюкзак и сапоги переброшены через другое плечо. Один из тех двоих с веснушчатым лицом, на редкость курносый и глазастый, заметив Андрея, замахал, будто мельница-ветрянка, руками и бросился к нему со всех ног:

— Дядя Андрей!.. Дядя Андрей!..

— Бронька?! — узнал Андрей сына бульдозериста Косарева. — Какими ветрами вас занесло в эти края?

— Мы, дядя Андрей, с Гошей в Яры ходили. Гостили там целую неделю! А с этим!.. Павликом его зовут!.. С ним в сарае мы встретились, в грозу! Ох, и почудному же встретились! Рассказать?! А?

Андрей посмотрел на безнадежно увязшую машину, на ребят, махнул отреченно рукой и опустил на валежину:

— Давай рассказывай!. Присаживайтесь, коли и вам не к спеху, — кивнул он Павлу.

Бронька начал говорить. Язык у него привешен что надо. Не жалея красок и слов, описал он, как, застигнутые ливнем в степи, неслись они с Гошей в старый сарай, предназначенный под снопы, как, выжав рубахи и штаны, улеглись на золотистой соломе.

— Лежим мы с Гошей, значит, на соломе, — продолжал он, — и мечтаем. О том думаем, чтобы раздобыть нам где-нибудь волшебную лампу. Такую лампу, как в сказке. Чтобы, к примеру, потер ее, наказал, что сделать надо, — то и совершилось! Гоша все ши с бараниной заказать хотел у той лампы. А я про джинов думал. Вызвать бы, думаю, джина и попросить у него такую для папки машину, чтобы зараз и лес валила, и землю скребла, и канавы рыла, и дороги прокладывала. Во! Достал я из кармана коробочку. Вот эту. В ней у меня крючки рыболовные хранятся. Достал я ее, значит, потер и про себя говорю: «А ну, джин, появляйся!» Тут жерди над головами у нас как затрещат, да как переломятся... И прямо на нас... Вот он — Павлик — на нас и свалился. Ну!. Мы, значит, того...

— Испугались?! — рассмеялся Андрей.

— Не то чтобы испугались, а обомлели...

— Это ты обомлел, — солидно проговорил молчаливый Гоша.

— А ты?! А ты?! Ты, если хочешь знать, бежать было дернулся, да ноги у тебя подкосились! Я видел, видел!.. Не спорь, Гоша!..

— У меня бы тоже, пожалуй, подкосились, — серьезно признался Андрей, чтобы погасить спор. — Полная неожиданность. А ты, джин, куда путь держишь? Ребят пугать?

— Нет, — улыбнулся Павел, — ребят пугать я не намерен. Случайность. Лежу наверху, слышу: философско-фантастический спор идет. Решил посмотреть на спорщиков. Разгреб солому, потянулся к щели и... провалился! А так-то я путь до Челябинска наметил. Перевалочная база там у меня.

Андрей увидел на рубашке Павла следопытский значок и понимающе кивнул головой:

— Полное прояснение. Одиночный следопытский поход. Не секрет — куда?

— В район Тельпос-Иза.

— Ого! Гнездо Ветров!? С характером, значит, ты, парень, коли на такое дело решился. Трудно будет.

— Я знаю, что трудно, — согласился Павел, — но...

— Что?

— Рассчитано все до пунктика.

— Ну, братва, — это Андрей сказал, обращаясь ко всем, — попробуем общими силами вытащить мой линкор, и я вас доставлю на Уральскую атомную станцию. Эти-то, — он кивнул на Броньку с Гошей, — знают ее: излазали. А ты слышал по такую?

Павел отрицательно замотал головой, но спохватился, припомнив несколько газетных информационных о строительстве атомной станции, и ответил:

— Читал.

— А теперь увидишь, — сказал Андрей. — Со стройки в Челябинск машины каждый день ходят, довезут тебя.

— Спасибо, — заранее поблагодарил Павел.

Попытки вытащить самосвал ни к чему не привели. Но ребята не унывали. Решено было насобирать побольше камней и хворосту, прикрыть ими всю грязь и тогда уже «дернуть».

— Эх, нам бы сейчас Бронькину лампу, — шутя сказал Андрей после очередной неудачной попытки.

В самый разгар земляных работ вдале-

ке пропела автомобильная сирена. Четверо тружеников ободрились, шеренгой выстроились поперек дороги и взялись за руки. Стена! Автомобиль спускался с горы. Глазастый, испятнанный глиной, он был похож на крылатое чудовище. За крылья можно было принять каскады жидкой грязи, которая, вырываясь из-под колес, перелетала через кюветы.

— Теперь-то нас выручат, — проговорил Андрей и, сорвав с головы кепку, замахал ею: — Стой, друже! Стой!..

Машина остановилась. Из кабины выглянуло чернобровое девичье лицо. Темный берет сдвинут на затылок. Из-под него выбиваются пряди каштановых волос. Правая щека в мазуте. Левая горит румянцем.

— Анка?! — Андрей отступил на шаг. — Вот встреча-а-а... Ну, принимай новое назначение. — Он покосился на Броньку, суетившегося возле самосвала. — Теперь ты зачислена в племя великих джинов — властелинов проселочных дорог. Выручай!

— Опять скорость превысил?

— Да нет! На выбоине занесло.

По-журавлиному переступая в жидкой грязи, они направились к самосвалу. Андрей искоса поглядывал на красивый девичий профиль: тонкий с горбинкой нос, длинные черные ресницы, чуть выпяченные вперед губы — алые, свежие, небольшой острый подбородок.

— Джиночкой, что ли, тебя называть? — спросил он.

— Ты вот лучше трос достань! — вспыхнула Анка. — Джин-горемыка! Который раз приходится тебя из канав вытаскивать...

— Тс-с-с, — Андрей шутливо приложил палец к губам. — О таких вещах при посторонних не говорят. Тем более, что все они поедут к нам, в страну джинов... А что, Анка, — Андрей ухватился за понравившуюся ему мысль, — разве наша стройка не страна джинов? Самая натуральная! Каждый день ребята наши чудеса творят! Пусть Павел познакомится со сварщиком Васильевым или верхолазом Дмитрием Чижаковым!..

— И почему ты, Андрей, со мной так разговариваешь?

— Как?

— Будто я девочка-школьница! А ну, цепляй трос!

— Так я же...

— Цепляй говорю!

И Павел сразу понял, что у Андрея с Анкой такая же крепкая, верная и сердечная дружба, как и у него с Шурой.

Скоро две машины уже бежали по лесной дороге. В кабине самосвала, рядом с Андреем Ситниковым, сидел Павел Ливанов.

— Вот что, Павел, — говорил Андрей, не отрывая взгляда от дороги, — если понравится у нас на строительстве, можешь погостить, приглядеться. На Тельпос-Из еще успеешь. Не так ли?

— С неделю задержаться могу, — согласился Павел. — Поработаю у вас. А там... На север крайне нужно попасть. Работа найдется?

— Почему обязательно работа?

— Обстоятельства...

— Финансового характера? — догадался Андрей. — С финансами за неделю, конечно, можно уладить. Считаю себя заместителем шофера первого класса Андрея Илларионовича Ситникова, водителя всеславного линкора-самосвала ОЯ-17-97. Машину водить я тебя выучу...

— Я умею водить автомобиль.

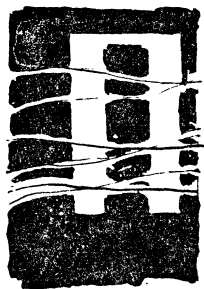
— Да ну-у-у...

— В школе получил права шофера-любителя.

— Тогда и говорить нечего. Вопрос решен окончательно. Боюсь одного: другие переманивать тебя станут. Держись за меня. Договорились?

— Решили!

6. Неожиданное открытие

Павел и Андрей сидели за столиком, в просторном и светлом зале столовой. Перед ними в тарелках дымился горячий борщ. Ожидая, когда он остынет, Андрей

говорил:

— Это просто здорово! Говорят, о нем в многотиражке написано. Так и озаглавлено — «Подвиг». И правильно. Настоящий подвиг. Тут большая храбрость нужна.

— Да-а... Я когда снизу смотрел...

— Так чего же ты молчишь? Все видел сам и молчишь! Давай рассказывай.

— Новую секцию арматуры им подавали, — начал Павел. — Подняли краном. Лукин стал направлять секцию. А тут с краном что-то произошло: дернулся он. Секция отошла в сторону. Лукин отпустить не успел. Предохранительный пояс у него расстегнулся. Он и повис на руках метрах в шести от каркаса. Крановщик из-за поломки сделать ничего не может. А Лукину силы не хватает, чтобы к секции подтянуться. Тогда Чижаков снял свой пояс и прыгнул на секцию. Подобрался к Лукину и втащил его к себе. Шесть метров Чижаков по воздуху птицей летел!

— Дмитрий такой, — с гордостью подтвердил Андрей. — Монтажник высшей категории. А ты тоже молодец, Павел. Молодец!

Тот смутился и покраснел. Чего особенного он сделал? Ну, ехали Павел с Андреем со станции Сумжа в Белополье. Груз они везли очень срочный, можно сказать «груз-молнию». И вдруг машина прямо на дороге начала проваливаться, как будто под тонким слоем земли была пустота. Павлу одному пришлось спастись машину, потому что Андрей вывихнул руку. Еле-еле удалось самосвал удерживать на поверхности. А потом Павел довел машину до Белополя и два дня, пока Андрей ходил на процедуры, работал шофером.

Во всей этой истории Павла заинтере-

совала яма. Откуда ей взяться на самой дороге? Что она из себя представляет? Вот уже четвертую ночь Павел видел во сне какое-то мрачное подземелье.

В субботу, встретившись с Бронькой и Гошей, Павел наказал им подготовить к воскресенью веревки, электрические фонарики, взять несколько свечек и много еды.

— Куда пойдем, Павлик, а? — любопытствовал Бронька.

— Задачу объясню завтра, на месте.

— А далеко это место? Ну, Павлик?!

— Слушай, Бронька! Вы с Гошей решили стать следопытами. Так?

— Да!

— А следопыт должен быть серьезным, выдержанным, хладнокровным.

— Так интересно же мне!

— Потерпишь.

Воскресный день выдался на редкость солнечным и теплым. Лесной тропой Павел, Гоша и Бронька добрались до злополучного провала на дороге. Поднялись на горку. Гоша сразу же упал на колени и стал ползать по траве, отыскивая землянику, хотя бы «чуть белую с одного боку». Бронька уселся на траве, рядом с Павлом, и приготовился выслушивать задачу. Павел не торопился. Окинув взглядом стройные бронзовоствольные сосны, взбегающие на гору, а с нее в ложбину, к болоту, синее небо с охапками облаков, дальние в сизой дымке горы и, распуская клубок веревки, сказал:

— Задача наша, Бронька, — разведка.

— Угу, — с готовностью поддержал мальчуган, пока еще ничего не понимая.

— Видишь дыру в земле?

— Сюда вы с дядей Андреем провалиться хотели.

— Не хотели, а случайно... Теперь,

Бронька, мы с тобой полезем туда и разведаем.

— Полезем!— с восторгом подхватил мальчуган и поспешно вскочил.

— Не торопись!— Павел подозвал Гошу. — Останешься здесь. Подежуришь.

— С вами хочу!— хмуро и решительно заявил Гоша. — Останься я, а Бронька назавтра по всему поселку раззвонит, что струсил.

— Неужели?!— удивился Павел, прекрасно зная за Бронькой подобную слабость.

— Язык проглочу!— пообещал мальчуган.

Конечно! Павел так и предполагал. Это была пещера. Никогда еще не ступала здесь нога человека. Павел с Бронькой первыми осветили эти мрачные доломитовые своды с прозрачными каплями воды. Вправо уходил узкий коридор. Он был до того узок, что заглянуть в него не было никакой возможности. Центральный коридор, по которому шли разведчики, сначала чуть поднимался, а потом стремительно и круто уходил вниз. Спускаться по нему было трудно: скользили ноги.

— Бронька, держи интервал,— предупредил Павел.

— Что?

— Интервал! Отстань шагов на десять,— разъяснил Павел.

И снова коридор выровнялся. Стало суше. Павел, заметив нависшую над головой глыбу камня, быстро проскочил под нее, но задел плечом. Камень качнулся и обрушился вниз, закупорив проход.

— Бронька!— это было первым, что выкрикнул Павел. — Бронька! Тебя не задело?!

— Не-е-е! Как ты, Павлик, будешь выбирать?!

Павел обследовал глыбу. Если бы поблизости был кто-нибудь из взрослых, глыбу можно было бы опрокинуть. Но сейчас... Он налег на камень грудью. Не поддается. Толкнул ногой. Намертво! А по ту сторону обвала хныкал Бронька:

— Как быть, Павлик!.. Мне что делать?

— Иди к Гоше,— сказал Павел. — Пусть он отправляется в поселок и позовет Андрея.

Бронька ушел. Павел, не теряя времени, двинулся по коридору дальше. Пещера заканчивалась глубоким, почти отвесным провалом. Нечего было и думать

спуститься туда. Павел бросил вниз камень. Долго прислушивался, прежде чем до него донесся глухой стук. Пришлось возвратиться к обвалу и ждать. Павел погасил фонарик. «Пожалуй, эта пещера подойдет, — размышлял он. — Нечего трудиться изыскателям. Провести сюда трубопровод и пускать сточные воды и отходы теплоцентрали. Лучшего фильтра не придумаешь».

— Павел! — донеслось из-за камня.

— Здравствуйте, Анна! — Павел узнал голос Анки, подруги Андрея.

— Жив-здоров! Как это тебя угораздило? То Андрей, то ты. Беда мне с вами. Отойти от камня. Сейчас я его ломом подковырну и опрокину.

Павел включил фонарик. Послышалось скрежетание металла о твердую породу. Глыба качнулась, заколыхалась и медленно повалилась на бок. Образовался проход. Павел протиснулся в него и предстал перед Анкой.

— Здравствуй! — рассмеялась девушка. — Я тебе из Челябинска вести хоро-

шие привезла, а ты от них под землю прятаться?! На почтамте для тебя перевод и письмо есть. Сегодня же съездить надо.

Вечером Павел рассказывал изыскателям о подземной пещере. Геолог Петр Сергеевич Востриков, когда Павел изложил ему свой план постройки трубопровода, чуть не задушил его в объятиях.

— Ведь это же природная труба!.. Фильтр природный!.. Затрат меньше! Колоссальная экономия!

Через несколько дней Павел уезжал со станции. Уезжал он не в Челябинск, а в Свердловск. В прощальный рейс поехал сам Андрей Ситников. Он, признаться откровенно, очень гордился своим молодым другом — следопытом, гордился ничуть не меньше Броньки с Гошей, которые долго стояли на пригорке, следя за полоской пыли, выходящей вслед машине.

— Прощай, Павел! Нет, не прощай, а до скорого свидания! Теперь у Броньки с Гошей ясная цель. Будут и здесь настоящие следопыты.

Продолжение следует

КТО КОГО ПЕРЕВРЕТ

ЧЕРТОВЩИНА

У лесника Петра Кривуцы из Пресновского района, Северо-Казахстанской области, три года жила волчица по имени Ласка. Но вот на четвертую весну Ласка сорвалась с цепной привязи и ушла в лес. С этого все и началось.

Однажды поехал лесник на своем жеребце Султানে объезжать подведомственные ему леса. И тут-то стряслась беда. Назстречу бешено мчалась стая волков. Уже давно забеспокоившийся Султан вздрогнул, тяжело задышал, кося на зверей горящий глаз, затоптался на месте. Петр был бывалым охотником, но появление такой стаи волков испугало и его. Он вскинул ружье и уже на прицеле заметил, что ведущий волк в ошейнике — это Ласка!

— Ласка! Ласка! — кричал он, сам не помня себя, не то от радости, не то от ужаса.

Скорее всего, это был, конечно, ужас, и не очень тихий. Ласка не тронула бывшего хозяина, но по ее команде волчья стая окружила всадника плотным кольцом.

— Ласка! Ласочка! Выручай, милая ты моя умница! — промолвил оторопевший Петр Кривуца и решительно повернул Султана прямо на волков. Нехотя уступили дорогу хищники, косясь на Ласку.

Но, оказывается, это еще не было спасением. Волки во главе с Лаской провожали лесника до самого дома.

Открыв дверь, Петр хотел пропустить с собой Ласку, оставить за дверью ее преследователей. Но это не удалось. Словно поняв его замысел, звери шмыгнули вслед за волчицей в едва открывшуюся дверь, буквально втолкнув в комнату хозяина...

Как гут быть? Лесник разбил окно, выскочил во двор, но Ласка тоже выпрыгнула, а за ней и вся волчья стая. Лесник снова в дом — и волки туда же. Вот положение! Тогда Петр, почти не помня, как это произошло, во всю мощь голоса крикнул на Ласку:

— Пошла вон!

Ласка, вытянув шею, боязливо шарахнулась в угол. Словно огромная сила бросила за ней груды волчьих тел, гулко ударились о стену. Петр успел выскочить на улицу и, захлопнув дверь, быстро закрыл ставни еще двух окон.

Так, благодаря находчивости лесник Петр Кривуца не только спас свою жизнь, но затем, вернувшись с односельчанами, перестрелял всех запертых в избе волков.

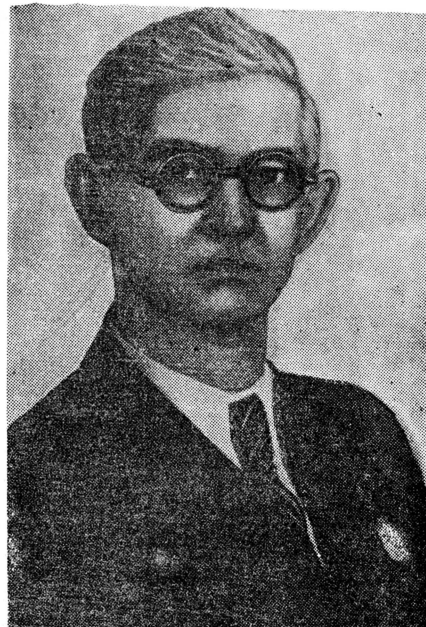
А. ХУДЯКОВА

Сия небылица, опубликованная в Петропавловской газете, была уже обсмеяна в «Крокодиле». Но «Уральский следопыт» все-таки решил ее перепечатать в назидание тем авторам, из-за которых редакция уже в прошлом году завела раздел «Кто кого переврет».

ЖИЗНЬ В ОГНЕ

Две фотокарточки

Эмилий Михайлович Чопп.

— Стойко Ратков? Наш старейший коммунист и партизан «Вава»? Да кто же его не знает у нас в селе!

В югославском селе Чуруг в хате под раскидистыми каштанами живет Стойко Ратков — участник гражданской войны в Советском Союзе и прославленный во время второй мировой войны югославский партизан по кличке Вава.

На вид ему за шестьдесят. Он широк в кости, плечист, доброе крестьянское лицо его покрыто плотным загаром. Черные глаза под пушистыми седоватыми бровями радостно влажнеют. Порывшись в ящике среди пожелтевших бумаг, Стойко Ратков бережно достает снимок. С выцветшей фотогафии смотрит на нас молодой, задорно улыбающийся красноармеец-богатырь.

— В России в 1918 году я вступил в Коммунистическую партию, — говорит он с гордостью.

Об этой встрече и старой фотографии рассказал в газете корреспондент «Правды» Я. Макаренко.

А вторая такая же фотокарточка есть у нас на Урале, в Челябинске. На обратной стороне ее надпись: «На память боевому другу, твой Стойко». Боевой друг — это Эмилий Михайлович Чопп, сейчас персональный пенсионер, коммунист с 1918 года. Он был один из организаторов коммунистической организации в России, командовал интернациональным отрядом сербов, громивших врагов революции.

Эмилий Михайлович вспоминает Самару, наступление белых, гибель отряда:

— Мы считали, что Стойко Ратков утонул в Волге. А он, оказывается, жив!!!

Эмилий Михайлович из газеты узнал о своем друге.

Друг Олеко Дундича

Перед Великой Октябрьской революцией в Россию с Балканского фронта прибыл один из сербских полков. В нем были два друга: вольноопределяющийся Эмилий Чопп и поручик Олеко Дундич.

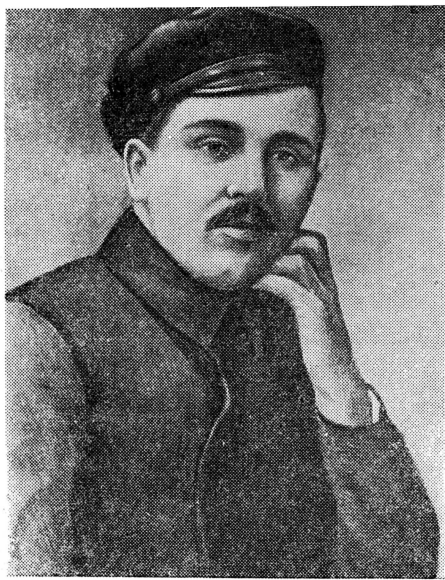
Они видели, как в сербской армии жестоко избивают солдат. Экзекуцию обычно проводил командир полка полковник Попович. Ему это доставляло явное удовольствие. Гнусная расправа велась перед строем. Она вызывала возмущение.

Почти каждый вечер Чопп и Дундич заходили то в одну, то в другую палатку солдат, рассказывали о жизни русского народа, о назревавшей революции.

В одном бою Чопп был ранен. Когда вернулся в строй, в полку была создана революционная организация. В нее вошли Дундич, Чопп, Грбанов¹ и другие. Началась борьба за права солдат.

После революции в России сербские

¹ Михаил Грбанов, серб, участник гражданской войны, погиб 26 лет в бою под селом Бреды, Троицкого уезда, в 1920 году. В Челябинске ему поставлен памятник.

Стойко Ратков.

солдаты и часть офицеров не хотели слушать своему королю. Олеко Дундич быстро скрылся из полка, а Чопп не успел. Его арестовали и посадили в тюрьму. Камера была по колено заполнена водой. На полу стоял чурбан, на нем и примостился арестованный. Задумался: «Пощады не будет. Осудят на заключение — русские не примут в тюрьму. Значит, наши увезут меня куда-нибудь, где никто не помешает, и расправятся.

Через несколько дней Чопп предстал перед военно-полевым судом.

— Вы обвиняетесь в измене Родине, в разложении полка. Имеете что-нибудь возразить?

— Нет!

Объявляется приговор:

— Именем Его Королевского Величества военный преступник, бывший вольноопределяющийся 4-го батальона, 14-й роты, 1-го Сербского полка за измену Родине, разложение полка и пропагандистскую деятельность приговаривается к смертной казни через расстрел.

После суда Чоппа посадили в крестьянский дом. Он решил бежать. Дверь закрывалась на огромный крюк, неплотно прилегала к косяку. С часовым справиться нетрудно. Днем на прогулке Чопп нашел длинную палку. Часовой как будто ничего не заметил.

Наступила ночь. Одно мгновение — и Чопп на дворе. Изумился: часового нет. Несколько прыжков к забору, еще одно усилие, еще... И вдруг его окружили. Оказалось, побег подстроили, чтобы застрелить арестованного при попытке к бегству.

Но Чопп не сдавался. Кто-то стукнул его прикладом по плечу. Кто-то выстрелил — пуля задела лоб. Еще один — представил ствол к груди. Чопп схватил ствол и резко отвел в сторону, раздался выстрел — пробило ладонь. Чопп вырвал винтовку, с силой завертел ею вокруг себя, расшвыривая окруживших.

Перепрыгнув через забор, Чопп убежал к озеру и скрылся в камышах. Там лежал сутки. Болели левое плечо и ладонь, потерял много крови. Пришлось обратиться и пойти на свою бывшую квартиру в доме крестьянина.

— Набери воз соломы и вывези меня за село, — попросил он.

— Не дело говоришь, Эмилий Михайлович. Вывести тебя невозможно: все проверяют. Да и далеко не уйдешь такой слабый, — испугался крестьянин.

— Тогда зови фельдфебеля.

Чоппа снова посадили под арест. Но сербское командование боялось: как-никак в России революция, с этим надо считаться. Чоппа положили в лазарет, под охраной.

Выручили друзья.

Его выкрали. Утащили к железной дороге, где Чоппа бережно приняли русские солдаты. Вместе с Чоппом поехал с фронта и солдат Стойко Ратков, чья карточка хранится у него до сих пор, как память о друге.

1918 год. Киев. Семьдесят пять сербов организовали первый в Республике Советов иностранный отряд Красной гвардии. В нем был и Чопп. Отряд нес охрану города.

Когда немцы подошли к Киеву, сербы во главе с Чоппом двинулись на восток. Они сопровождали ценный груз в Пензу. На станции Лиски, недалеко от Воронежа, остановились. На вокзале шла погрузка в эшелоны коней. Неожиданно к Чоппу подошел Дундич. Разговорились. Дундич залюбовался конями:

Объявление.

Комитет партии Коммунистов Юго-Славян извещает всех Юго-Славян (Сербов, Хорватов, Словенцев и Болгар), что запись членов производится ежедневно с 9 ч. до 2 ч. дня и помещается на Советской ул. № 100 2-й этаж.

Председатель Юсимович.

Секретарь Чопп.

— Эх, жаль, часть у меня пешая,— вздохнул он и тут же добавил: — все равно в кавалерию уйду.

Немного помолчали.

— Хочется на родину, а нельзя,— грустно сказал Чопп.

— Да, сейчас возвращаться нельзя,— поддержал его Олеко Дундич.— Надо в России доводить революцию до конца.

Эшелон тронулся. Друзья распрощались. Это была последняя встреча Чоппа с легендарным красным Дундичем.

В Самаре

Самара. 1918 год. Около города шли ожесточенные бои с белочехами. Чопп командовал отрядом пехоты, ждал отправки на передовую. Однажды не выдержал — прибежал в штаб.

— Когда выступаем?

Начальник гарнизона спокойно ответил:

— Зачем тревожиться? Белочехи требуют только свободного проезда на восток, а до Самары им никакого дела нет.

— Надо выступать, идти на помощь нашим товарищам,— пробовал убедить Чопп.

Безрезультатно.

С отрядом в семьдесят человек и одним пулеметом Чопп двинулся к станции Кряж, где шли бои. Вооруженные до зубов белочехи наступали. Вскоре они ворвались в город. Почти весь отряд Чоппа был разбит. Спасенья не было.

Чопп вернулся в город. Зашел в сквер, сел на скамейку. Сидел с тупым безразличием ко всему. Неожиданно до него донеслись взволнованные голоса проходивших женщин:

— Рано утром разгромили губком партии.

Чопп быстро двинулся к губкому, увидел страшное зрелище: из помещения вытаскивали изуродованные трупы. Толпа стояла в гневном молчании. Кто-то взял Чоппа за руку:

— Что вы здесь стоите? Вас узнают.

Обернулся — один из бывших кавалеристов, товарищ Джуро.

Чопп сказал: «Мне некуда идти». Джуро дал адрес. Чоппа встретила хозяйка, Анастасия Ивановна Камышева.

— Скрываюсь от белых. Могут взять

Олеко Дундич.

в любую минуту. Вы рискуете,— откровенно признался он.

— Оставайтесь пока здесь, а там видно будет,— спокойно ответила Анастасия Ивановна.

Вечером пришел хозяин Николай Аристархович (он работал в товарной конторе) и квартиранты Константин и Владимир Рудаки — служащие железнодорожного телеграфа. Познакомились. Николай Аристархович взял у Чоппа паспорт. Исчез. Вернулся сияющий. Показал домовую книгу. Чопп прочитал: «Прописан Чопов Емельян, сербский солдат-инвалид».

Однажды в сумерки начался повальный обыск. Улицу оцепили.

— Если меня обнаружат, найдут разницу между записью в домовой книге и документами,— я погибну. Не страшно. Но рискуют люди, которые меня спасли. Что делать? — промелькнуло в голове Чоппа.

— Идите к окну,— неожиданно предложил Николай Аристархович.

Окно выходило на чужой двор. Вместе прыгнули со второго этажа. Через несколько минут были в гостях у знакомых Камышева.

Вскоре Красная Армия освободила Самару. Вместе с ней вошел в город Саратовский интернациональный полк, в котором были две роты сербов. Чопп явился в губвоенкомат. Его назначили коман-

диром 1-го батальона интернационального полка. Полку поручили охрану города.

В городе все еще было тревожно. Наступал Калчак. Восточный фронт был главней. Южной группой этого фронта командовал Фрунзе.

Однажды Чопп получил приказ: срочно явиться в штаб Фрунзе. Пришел. Михаил Васильевич тихим, ровным голосом объяснил задачу:

— Сегодня ночью артиллерийский дивизион готовит восстание. Руководит им парский офицер. Необходимо дивизион обезоружить.

— Будет сделано, товарищ Фрунзе,— ответил Чопп.

— Не торопитесь отвечать. Подумайте. По плечу задание? Выполните его?

— Выполним, товарищ Фрунзе.

Ночью отряд Чоппа окружил дом, где находился контрреволюционный дивизион. Почти без боя враги сдали оружие.

В Самаре Чопп не только командовал интернациональным полком. Одновременно он работал при Самарском губкоме РКП(б), был депутатом Самарского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, который возглавлял Валериан Владимирович Куйбышев.

Вместе с Гашеком

Однажды весной в Самаре Чопп попал на митинг военнопленных чехов. Один оратор сменял другого. Все они призывали обманутых контрреволюцией солдат встать в ряды Красной Армии, защищать права народа.

Слушатели изрядно устали. Митинг подходил к концу, когда на импровизированную трибуну поднялся широкоплечий, светловолосый чех. Он добродушно, негромко заговорил с солдатами, как будто все присутствующие были его старыми знакомыми. Свою речь он пересыпал шутками, говорил очень искренне и убежденно. Какая-то особая притягательная сила и необыкновенное обаяние скрывалось во всей его плотной фигуре. Это был Ярослав Гашек, впоследствии автор знаменитых «Похождений бравого солдата Швейка».

Солдаты ближе придвинулись к трибуне, слушали внимательно, улыбались. А назавтра интернациональный отряд чехов пополнился новыми бойцами.

«Очень дельно, зажигательно говорит,— подумал Чопп.— Надо обязательно познакомиться с ним».

Вечером в маленькой комнате губкома партии сидели Чопп и Ярослав Гашек. Они писали воззвание к солдатам. Прошло полчаса. Гашек отошел от стола и прочитал: «К чехословацким солдатам. Братья чехословаки! Товарищи солдаты! Мы обращаемся сегодня исключительно к вам!

... Помните ли вы, что чешский народ всегда стоял впереди бойцов за свободу? Если бы вы теперь, товарищи солдаты, отказали в своей поддержке русской революции, вы увеличили бы в громадной пропорции шансы контрреволюции, а тем повредили своему собственному делу освобождения народа от австрийского империализма».

Через день за подписью Гашека воззвание было опубликовано в газете «Солдат, рабочий и крестьянин». В этой же газете напечатали второе воззвание. В нем говорилось: «Товарищи югославские рабочие, крестьяне и солдаты! Мы не можем допустить, чтобы капитализм восторжествовал. Не простит нам наш порабощенный народ, не простит нам история, если мы, югославские рабочие, крестьяне и солдаты, в этот критический момент оставим наших русских товарищей одинокими в этой тяжелой борьбе с чужими и своими угнетателями.

Товарищи югославы! Все в ряды Красной Армии! Все к оружию! Да здравствует свободная трудовая Россия!..

Члены окружной секции по формированию югославских советских войск
Чопп, Ратков».

* * *

Гражданская война. Огненные годы. Сколько раз люди были на волосок от смерти. Но всегда бились до победного. Потому что бились за самое светлое, самое благородное дело в мире — за счастье людей. В первых рядах борцов стоял и Эмилий Михайлович Чопп.

Пожелаем ему долгой жизни!

Е. Константинова

НА РОДИНЕ

Р. Н. Машина
Сборяка

Рисунки В. Уковлева
Текст Д. Мисинков

Общий вид Висимо-Шайтанска.

Вид на Шихан.

„Мы... забирались на самую вершину Шихана, чтобы отсюда досыта налюбоваться широкой горной панорамой. Мы просиживали целые часы, любясь зелёным морем родных гор, исчерченных бойкими горными речками...“

Д. Н. Мамин-Сибиряк,
„Зелёные горы“

Геологи на Чусовой.

Мамин-Сибиряк много раз бывал на Чусовой и предсказывал этой реке большое будущее.

Тайга.

„Я люблю северный лес за строгую красоту его девственных линий, за бархатную зелень красавиц-пихт, за торжественную тишину, которая всегда царит в нём“.

Д. Н. Мамин-Сибиряк,
„Золотуха“

„Родина — наша вторая мать, а такая родина, как Урал, тем паче — любил повторять писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Лучшие свои произведения посвятил писатель Уралу, его трудолюбивым талантливым людям, его могучей суровой природе.

Много материалов для творчества дал Мамину-Сибиряку Висимо-Шайтанский завод, где он родился и вырос.

Посёлок Висимо-Шайтанск расположен в 40 км от Нижнего Тагила. И сейчас в нём сохранился старый деревянный дом, о котором с любовью вспоминал писатель.

Как сейчас вижу старый деревянный дом, глядевший на площадь пятью большими окнами — рассказывал он.

Рядом с домом Маминых в маленькой скромной избушке размещалась школа Висимо-Шайтанского завода, в которой учился Дмитрий Наркисович.

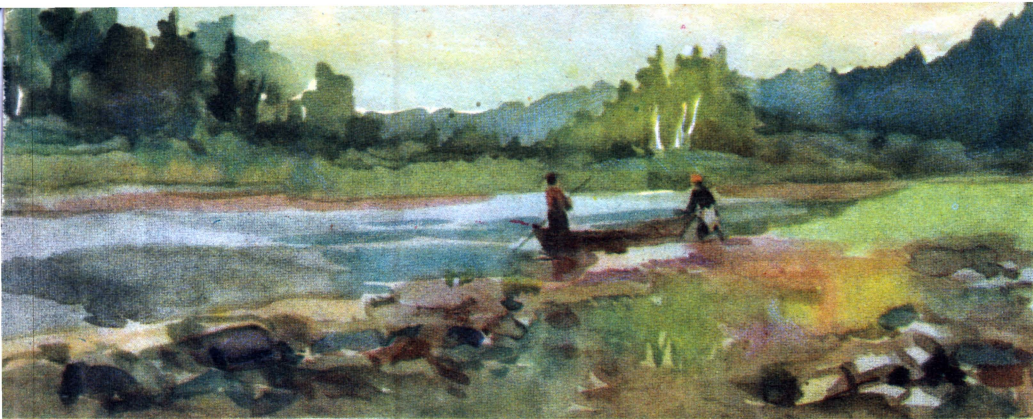
Висим окружают красивые горы, покрытые лесом. По лесным тропинкам и каменным кручам часто бродил в детстве и юности писатель. Он горячо любил уральскую природу, считал её самой красивой. После поездки на Кавказ Дмитрий Наркисович писал своим родным: „Был на Машуке — любовался, а наш Висим всё-таки лучше“.

Дом Емели-охотника в туляцком конце Висима. Наши читатели любят чудесный рассказ Мамин-Сибиряка „Емеля-охотник“. Старика Емелю писатель хорошо знал в детстве и рассказал о нём в своих воспоминаниях „Из далёкого прошлого“.

Река Межевая
Утка — любимое место прогулок писателя

Писателя только огорчало, что мало ещё были разведаны сокровища уральских недр и уральские промышленники хищнически использовали богатства Каменного пояса.

Сейчас облик Висима изменился, ещё более изменились люди. Октябрьская революция принесла в глухой медвежий угол новую жизнь. Но жители Висима помнят и любят своего замечательного земляка. Его имя носит висимская школа, его книги занимают почётное место на библиотечных полках, а в прошлом году в доме Маминых была открыта комната — начало мемориального музея писателя.

Неутомимый народ — геологи настойчиво проникают в глубину уральских недр. Их буровые вышки можно увидеть в самых неожиданных таёжных местах: богатства Урала нужны народному хозяйству страны.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН в Прикамье

Что великий русский писатель-сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин по приказу Николая I в 1848 году был выслан в Вятку,— это знают все, читавшие биографию писателя. Но далеко не все знают о том, что он побывал и на Урале — провел около трех месяцев в путешествии по Прикамью.

Как известно, в Вятке Салтыков-Щедрин служил в канцелярии губернатора, выполняя разные поручения. В 1854 году ему поручили расследовать рапорт сарапульского городничего, доносившего, что в городе скрывается беглый раскольник Ситников. По этому рапорту в канцелярии вятского губернатора завели дело № 635, а Салтыков-Щедрин выехал в Сарапул расследовать его. В начале ноября он сдал дело в канцелярию со своим заключением — «как маловажное». Однако ретивый ревизор Министерства внутренних дел Свечин, ознакомившись с делом, нашел его немаловажным и дал ему новый ход.

Царское правительство жестоко преследовало раскольников. И не только по религиозным мотивам. Среди раскольников стали возникать секты, которые под религиозной маской оказывали сопротивление царским чиновникам. Секта бегунов, например, проповедовала не жить на одном месте и барам не принадлежать. Секта неплатильщиков отказывалась платить подати. И так далее.

Салтыкову-Щедрину поручили,

в связи с «доследованием» дела объехать почти все Прикамье и собрать материалы о раскольниках.

17 декабря 1854 года он был уже в Глазове, а 23 декабря — в Перми. В Перми по улице Луначарского (быв. Вознесенская) под № 37, сохранился дом, в котором писатель дважды останавливался в тот год. Сохранились, вероятно, такие дома и в большинстве населенных пунктов, которые посетил он.

26 декабря Салтыков-Щедрин был в Гайнах с однодневной остановкой на пути в Кудымкаре, 28 декабря — в Даниловке. Еще через два дня — в Чердыни, где встретил Новый год. Далее его маршрут проходил так: Соли-

камск (2 января) — Усолье (4 января) — Ильинск (5 января).

12 января 1855 года Салтыков-Щедрин снова в Перми. На этот раз здесь он пробыл до начала февраля, выезжая в отдельные поселения раскольников — Григорьевское (Нытвенского района), Губаново, Вознесенское, Сепыч, Путино (Верещагинского района), Очер, Лужково, Морозово, Дворец (Очерского района), в Карагай и Сиву.

Оставив Пермь, Михаил Евграфович выехал в Осу. 10—11 февраля провел в Ножевке (Еловский район). До 15 февраля пробыл в Сарапуле. 15 февраля посетил Камбарку. 16 февраля — снова Сарапул. В начале марта был уже в Казани.

8 декабря 1855 года Салтыков-Щедрин сдал в канцелярию губернатора восьмитомное дело о раскольниках — итог своей поездки. На составление его он потратил 13 месяцев и проехал в зимних условиях около 2500 километров.

Мы специально указали населенные пункты и даты приезда в них писателя, чтобы наши читатели искали здесь следы его пребывания.

А само «дело» еще ждет своего исследователя. Оно, безусловно, интересно: ведь в нем могут встретиться страницы ценных наблюдений писателя над жизнью нашего края.

А. Шарц

Уральские путешествия

Б. РЯБИНИН

ГРАНИТНЫЕ ЧАШИ

Писатель Борис Степанович Рябинин много путешествовал по Уралу. Путевые впечатления послужили ему материалом для нескольких очерковых книг. В очерке «Гранитные чаши» он рассказывает об одной из «каменных загадок», которую ему помогли решить его путешествия.

А какие задачи помогли тебе решить твои путешествия?

Чудо на Шихане

— Ну, а сейчас я поведу вас на водопой,— с шутливой торжественностью объявил Николай Павлович. С этими словами он, к нашему удивлению, полез к вершине шихана.— Ну, ну, смелей за мной! — торопил он, видя наше замешательство.

... Нас было трое — Николай Павлович, ихтиолог по образованию и роду дея-

тельности и неутомимый скалолаз по призванию, которого знали все заядлые охотники и рыболовы нашей области, его младший брат Шурка, с которым мы тогда вместе работали в изыскательской партии, и я. Мы приехали на Аракуль, чтобы провести здесь несколько беззаботных дней, отдохнуть, половить рыбку, досыта набродиться по лесистым склонам: малина была в самой поре, а дикого малинника на Аракуле — заросли, бери — не хочу.

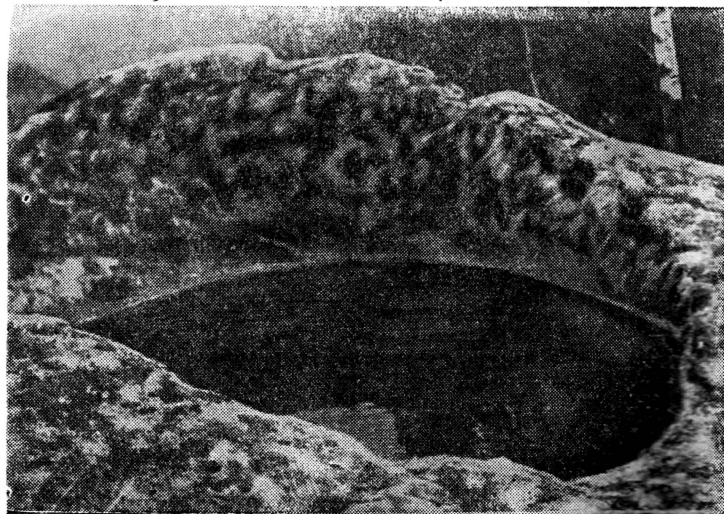
Аракуль — безусловно, один из очаровательнейших уголков Урала. Представьте озеро, круглое, как суповая миска: с одной стороны камыши, с другой — крутой подъем, по которому резво взбегают зеленые-зеленые кудрявые сосны попеременно с березой, рябиной, ольхой; и над всем этим — гранитный зубчатый хребет, над которым, будто надутые паруса невидимых воздушных кораблей, почти касаясь обомшелых утесов, плывут белые-белые облака на ярко-синем небе.

В первую очередь мы, конечно, отправились на шихан.

Возвышаясь более чем на триста метров над озером, аракульский шихан выставил навстречу ветрам свои изъеденные временем гранитные зубы. Когда смотришь на него снизу, кажется, что какой-то доисторический дракон распластался на вершине горы, оскалив поломанные, но все еще грозные клыки.

Холодом и древностью веет от молчаливых утесов. Влажные, в пятнах лишайников, обкрошившиеся, они всем своим видом красноречиво говорят о бесчисленных столетиях, проведенных в беспощадной борьбе. Змеятся мелкие трещины;

Каменная чаша на вершине Аракульского шихана.

широкие расселины напоминают ущелья. Кучи камней лежат у подножия скал и на склонах горы.

Мы уже давно хотели пить. Полазай-ка целый день с камня на камень, с одной кручи на другую! Крупные капли пота катились по загорелому худощавому Шуркиному лицу, рубашка взмокла и прильнула к телу, как после тяжелой физической работы. Он ежеминутно отдувался и облизывал языком сухие губы. Не в лучшем виде был и сам Николай Павлович, хотя, мне кажется, и это представляло для него определенное удовольствие. Про себя я не говорю.

Мы вскарабкались за Николаем Павловичем на совершенно голую, слегка покату ю вершину и остановились в изумлении. Это была самая высокая точка шихана, и здесь, под небесами, скрывалась наиболее любопытная достопримечательность Аракуля.

На плоской поверхности гранита — круглое углубление. Подчеркиваю: круглое идеально, как будто кто-то обвел циркулем. Диаметр углубления достигал двух метров, глубина — полметра. И оно чуть не до краев наполнено водой, чистой, как кристалл. Ее даже не сразу можно было заметить, настолько она прозрачна.

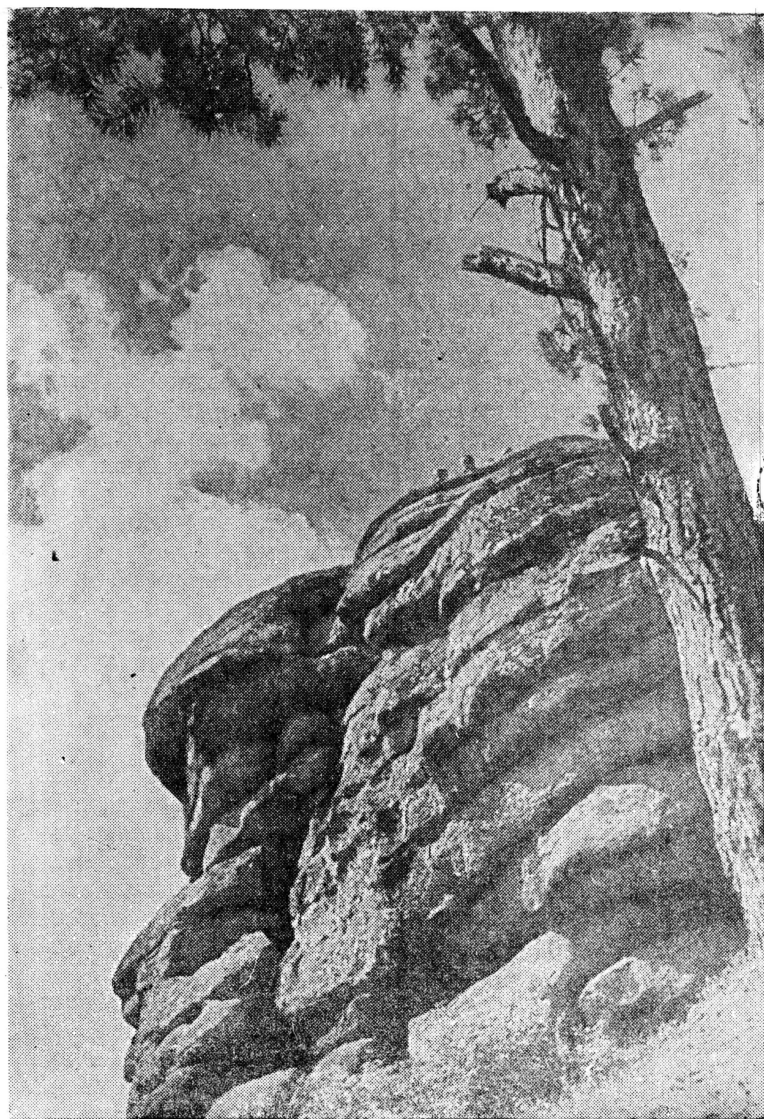
Вода, несомненно, дождевая. Иначе она не могла попасть сюда. Но как она сохранялась здесь, не испаряясь, в то время когда камень был нагрет так, что обжигал при прикосновении? Это казалось необъяснимым. Единственное, что можно было предположить: частые ливни и грозы в горах постоянно пополняли гранитную чашу.

Однако уже совсем непонятной была другая загадка: как могла образоваться в твердой скале впадина столь правильной формы? Словно ее создала не природа, а рука человека, хотя об этом, судя по всему, не могло быть и речи...

Наше удивление возросло еще больше, когда, перебравшись на соседнюю вершину, мы и там обнаружили такую же чашу, только меньших размеров и сухую. Зато она поражала другим: доверху заросла мхом.

Я попробовал встать на эту зеленую подушку. И что же? Она оказалась упругой, как сиденье мягкого пружинного кресла, а когда я убрал ногу, моментально расправилась, абсолютно не примята.

Гранитные чаши казались необъяснимым чудом.

Шарташские Каменные палатки.

Откуда они взялись? Когда? Скоро с этим чудом мне пришлось столкнуться вновь.

Опять чаши

Как-то летом мы отправились на Исетское озеро. Это — в двадцати с небольшим километрах от Свердловска, в сторону Нижнего Тагила. Летом туда, до станции Исеть, каждый выходной день ходит экскурсионный поезд. Здесь вблизи — озеро Исетское и Таватуй, Черная речка, Верх-Нейвинский пруд — излюбленные места отдыха свердловчан.

Закинув рюкзаки за плечи, мы тронулись по лесной дороге к озеру. Тропинка то опускается в заболоченные лощины, то взбегает на крутые увалы, то ныряет в такую чащобу, что еле продираешься, защищая лицо руками.

Внезапно заросли обрываются. Мы — на склоне горы, поросшей редкими столетними соснами. Там и сям, приподняв толстый покров прошлогодней желтой травы и сухой хвои, выглядывают темные корявые камни. Они цепочкой тянутся вверх, как бы указывая направление туристам.

Сосны редуют... Что это показалось впереди между стволами?

Уж не обман ли зрения: какой исполин залег на вершине горы? Залег и... окаменел, врос в почву, сделавшись деталью окружающего пейзажа. Похоже на скелет одного из тех гигантских ископаемых ящеров, которые населяли нашу планету миллионы лет назад.

Кстати, обращали ли вы внимание, что все уральские шиханы поразительно напоминают каких-то окостеневших чудищ? Не о них ли повествуют старинные русские сказки под обобщающим названием Змея Горыныча, которым любили пугать детей наши бабушки?.. Как попало сюда это чудовище?

— Что, хороша штучка? — удовлетворенно смеется один из товарищей, уже бывавший здесь и потому исполнявший обязанности добровольного проводника.

«Штучка», верно, хороша. Кажется, вот-вот она оживет и зашевелится...

Мы минуем последние сосны, — и вот каменное чудовище во всем своем впечатляющем величии. Вблизи больше похоже на развалины какого-то строения. Массивная каменная кладка без связывающего материала, как строили в глубокой древности. Многотонные гранитные лепешки, округлые и сдавленные, будто стопы тарелок, на которых дьяволу подавали ужин, нагромождены одна на другую, уступами поднимаясь над вершинами сосен. Кто сложил их? Не можешь отделаться от ощущения, что это создано искусственно. Но кому могла понадобиться в такой глуши эта постройка? Не зря нарекли — «Чертово городище».

В половине сооружения — поката

ровная площадка. Здесь удобно устроить временный приют, развести костер. Это южная сторона городища, она ярко освещена и до такой степени нагрета солнцем, что к камням больно прикоснуться.

Ища тени, я спустился на северную сторону городища. И тут-то уж действительно ахнул. Ни дать, ни взять — феодальный замок. Вот угловая башня; вот — зубцы и бойницы... Ну, как могло все это образоваться без участия человека? Лепешки из серого уральского гранита сложены с такой правильностью, как кладутся кирпичи.

«Кремль! — невольное пришло на ум сравнение. — Подновить только не мешало бы...»

Как будто можно было «подновить» это творение природы!

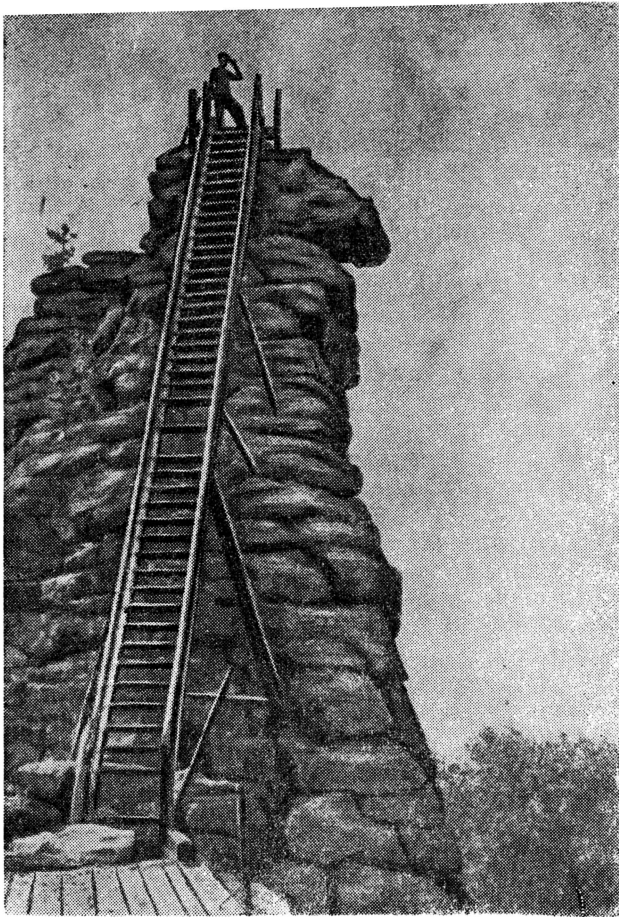
Только сейчас я обратил внимание, каким древним и разрушенным выглядело городище, хотя и все еще грозным, неприступным, как крепость. (Недаром в послевоенные годы свердловские любители альпинизма превратили исетское городище в излюбленный полигон для упражнений в скалолазании). Многочисленные трещины раскололи его от верхнего яруса до основания, разделив кладку на отдельные массивы. Восточная башня накренилась, отошла от стены и грозила обвалиться. Отвесная стена тоже полуобвалилась. Местами она нависала, касаясь верхушек деревьев. Лепешки выпали и валялись у подножия, зарастая мхом и травой.

По южному ступенчатому склону я взобрался на вершину городища. Какой простор! Ширь — неоглядная. Среди зелени лесов вьются серебристыми змейками реки, блестят зеркала озер, в сиреновой дымке чуть маячат белые и красные кубики — дома Свердловска с медленно всплывающими дымами заводов... Специально для туристов наверху сооружена небольшая дощатая площадка с перилами, чтобы можно было постоять, полюбоваться, вдыхая полной грудью свежий, напоенный ароматом хвои животворный воздух гор.

Но мне, конечно, интереснее постоять на голом граните... Ого, да тут недолго и сверзиться! Камень, на который я поставил ногу, слегка качнулся и глухо стукнул. Гранитные лепешки держались здесь еще недавно лежала одна из них, сейчас покоившаяся внизу. А рядом с пятном я

Скалы Семь Братьев, Средний «брат».

увидел нечто такое, что мне напомнило Аракуль.

Чаша... Вне всяких сомнений, это была тоже чаша, такая же круглая, такой же сферической формы, только меньше, чем аракульские. И — без воды и мха.

Товарищ, поднявшийся вместе со мной, вдруг вскричал:

— Вспомнил!

— Что вспомнил?

— Вспомнил, где я видел это еще: на Каменных Палатках. Точь-в-точь такая же.

Верно. И я припомнил тоже. Недалеко от Свердловска, по сути в черте города, какой-нибудь километр-полтора от Втузгородка и примерно столько же от озера Шарташ, — есть скалы Каменные Палатки. Излазанная снизу доверху, сплошь испещренная надписями (есть еще такая дурная привычка — оставлять везде свои «автографы», даже на деревьях вырезывать!), эта достопримечательность никогда особенно не привлекала меня. Тот же серый шершавый уральский гранит. Такое же наложение округлых лепешек-матрацев, образующих несколько

возвышенностей, отдаленно похожих на киргизские кибитки, но далеко не столь эффектных, как Чертово городище. Однако, как я раньше оказался таким невнимательным: ведь на одной из них действительно чаша! Небольшая, плоская, как блюдо для пельменей, но, безусловно из того же «сервиза», что и аракульские.

Археологические раскопки, производившиеся у подножия палаток, показали, что когда-то тут была стоянка доисторического человека.

Отсюда возникла мысль, что чаша — результат сознательного человеческого труда: древние жители-де могли ею пользоваться для растирания хлебных зерен или же чтоб разводить сигнальные огни.

Но вряд ли такое предположение выдерживает серьезную критику. Для чего понадобилось заниматься размолот непременно на высокой, обдуваемой со всех сторон ветрами вершине? Что, мало места на земле? Или — с какой стати, разводя сигнальный костер, нужно обязательно выдалбливать круглое углубление в скале? Для древних насельников это было слишком трудное и сложное дело.

Нет, тут было что-то другое.

Но что?

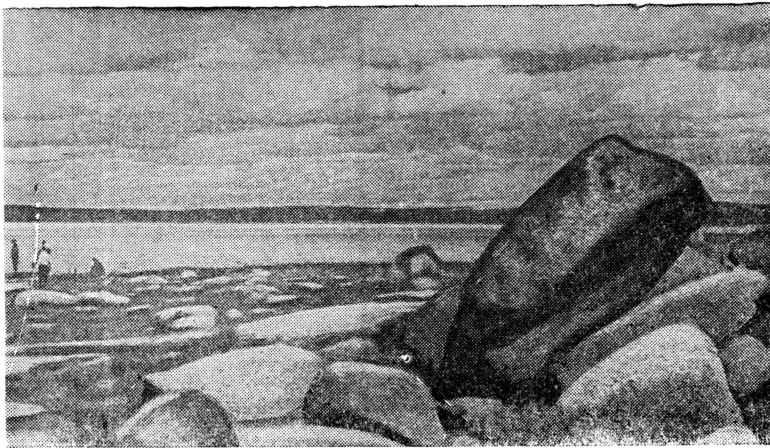
Семь Братьев

Многим уральцам, интересующимся природой родного края, конечно, известно такое название. Так называется группа скал в окрестностях Верх-Нейвинска.

Чтобы попасть к Семи Братьям, нужно от Верх-Нейвинска пройти пешком километров около десяти. На пути несколько раз встретятся болота, через которые переброшены углые жердяные мостки

Вид со скал Семь Братьев.

Валуны на озере Шарташ.

(навихляешь ноги — будь здоров!). Тропинка глухая, местность лесистая, низменная, пожалуй, на всем протяжении не встретишь ни одного камешка, как будто они попрятались под кочки.

Зато на вершине горы Семибратной они, как шилья, повывезли из земли, ломаной гребенкой возвышаясь над лесом. Семь братьев-камней: шесть вместе, рядом, образуя единый скалистый массив, седьмой (или первый, смотря с какого краю считать) — в одиночку, на отлете.

Строение скал абсолютно одинаково с Чертовым городищем. Такая же панорама открывается с вершины. Однако природа оказалась здесь еще более прихотливой и создала такое причудливое украшение, какое встретишь не часто. Камни нагромождены в виде неправильных столбов, балансируя друг на друге, как эквилибристы в цирке, и не рассыпаясь каким-то чудом. Непонятно, как непогоды и бури до сих пор пощадили их.

Крайние «братья» сравнительно невелики. Средние — значительно крупнее. А центральный, самый высокий, подавляет своей мощью. Скользкие, влажные стены его совершенно отвесны, и лишь деревянная лестница, предназначенная для любителей острых ощущений, дает возможность подняться на вершину. Собственно тут не одна лестница, а комбинация из нескольких. Площадка, маленький роздых (или большой — кому какой нужен) — и ползай выше. Что ж, ползем дальше, именно ползем...

Эге, да тут уже есть несколько человек. Это рабочие с Уралмаша. Среди них один, одетый не по-нашему, — явно иностранец. С завидной основательностью и педантизмом он оглядывает все вокруг себя.

— Мельница эльфов. — говорит он с характерным немецким акцентом. — У нас в Германии тоже есть...

Что за мельница? Я поднимаюсь к нему.

Чаша!.. Ее-то он и назвал «мельницей эльфов».

— У нас существует легенда, — подбирая слова, объясняет он, — что на вершинах гор жили когда-то духи, эльфы. Они приготавливали себе... как это? кушай, пища... да, да, пища!.. Приготавливали пищу в этих углублениях, размалывая ее, как в ступе...

Я разочарован. Быть может, это и поэтично, но меня интересует научное объяснение происхождения чаш. Я говорю об этом немцу. В ответ он только разводит руками.

Мысленно я перебираю, где видел чашу. Семь Братьев. Чертово городище. Шарташские Каменные палатки. Аракульский шихан... Цепь горных вершин, цепь возвышенностей, протянувшаяся с севера на юг. Каждая вершина — с гранитной макушкой, сложенной из сплюснутых закругленных камней-лепешек. На каждой макушке — круглая выемка.

Закономерность налицо. Но возникновение, возникновение! Кто объяснит мне его?.. Почему камни сплюснутые? Откуда взялись на них такие правильные впадины? Какой неведомый мастер шел с севера, собирал по дороге камни, складывал их в кучи, уплотнял и наверху высверливал аккуратные углубления?

Кто этот мастер?

Прошло не так уж много времени. Страсть к скитаниям по родному краю свела меня с этим мастером еще раз.

Кто из жителей Свердловска не видел озера Шарташ? Круглое, будто блин, обстроенное дачами, любимое место воскресного отдыха свердловчан, тихо плещется оно в отлогих берегах у восточной окраины города. Характерная деталь шарташского ландшафта — крупные обкатанные камни-валуны. Местами они разбросаны поодаль один от дру-

того, местами образуют живописные нагромождения. Они покоятся и на дне озера, порой показываясь из воды, точно спина кашалота. Летним днем полежать на этих камнях — удовольствие. Поверхность их гладка, острые грани отсутствуют совершенно. И вот среди этих валунов я и увидел еще раз то, что так часто поражало меня.

Чаша... Правда, очень небольшая, неглубокая, но в ней я обнаружил нечто, приковавшее мое внимание: идеально круглый, вроде бильярдного шарика, камень. И камень и чаша были из гранита. Они так соответствовали один другому, что невольно наталкивали на мысль о какой-то тесной взаимосвязи, существующей между ними. Этой связью могло быть только одно: их сделал один и тот же мастер.

Но кто он, этот таинственный мастер? Я все еще не мог разгадать. Терпеливо ждал, пока отгадка явится сама, я больше не хотел и решил спросить у знакомого геолога.

Он ответил вопросом на вопрос:

— Чаши? Почему они вас интересуют?

Я объяснил. Геолог рассмеялся:

— Хотите, я расскажу вам один эпизод из жизни Уральских гор? Конечно, все это вы знаете еще со школьной скамьи, но кое-что, возможно, прозвучит для вас и в первый раз...

И вот что рассказал мне геолог.

Давно-давно, так давно, что время нужно измерять не годами, не столетиями, а геологическими эпохами, миллионами лет, наша планета переживала ледниковый период. Землю покрывали ледники. Сплошная ледяная кора, как панцирь, сковывала большую часть суши.

Но этот панцирь не был неподвижным, — медленно, невидимо для глаза он передвигался, сползая в долины. С полюсов земного шара — севера и юга — текли по его поверхности огромные ледяные поля. Ледяными клыками они царапали, скоблили землю, коверкая все на пути, рушили скалы, дробили, разламывали утесы. Даже гранитные громады не могли устоять перед этим неумолимым напором и рушились, рассыпаясь на множество осколков.

Ледник тащил эти осколки за собой. Под его тяжестью они уменьшались в размерах, шлифовались. Острые края и

выступы обламывались, истирались, и постепенно корявые бесформенные глыбы превращались в округлые, отполированные валуны. Ледник собирал их, спуская с гор в долины, нагромождая друг на друга.

Кучи росли, ледник уминал их, сдавливал будто чудовищным прессом, — так выростала каменная гряда. А ледник то отступал, то с новой силой наваливался на горы. Долго, бесконечно долго продолжался этот титанический поединок стихий льда и камня.

И случалось иногда, что какой-нибудь небольшой валун, уносимый льдом, застревал в выбоине на другом, более крупном камне. Лед толкал его — застрявший обломок крутился, терся; постепенно он превращался в шарик сам и обрабатывал стенки выбоины — получалась чаша. Это похоже на древние ледниковые котлы в миниатюре.

Протекли еще миллионы лет. Ледники отступили на полюса. Земля расцвела, покрылась зеленью лесов, а нагромождения камней остались. Остались и чаши. Издревле они были загадкой для человека. Не зная, как они появились, не располагая знаниями, он приписывал это волшебным силам — духам, эльфам.

Существует и другое объяснение. Представьте себе, что некогда над одной гранитной глыбой нависала другая. С верхней на нижнюю падали капли воды всегда в одну и ту же точку. Медленно, но верно (помните поговорку: вода камень точит!) вода делала свое дело — в граните появлялось круглое углубление. Потом верхнего камня не стало, он разрушился, и мы можем лишь догадываться, что он был.

Впрочем, это тоже только гипотеза. Ведь еще не все тайны земли открыты. Не все знаем мы и о чашах. Во всяком случае, и по сей день наука не может в точности объяснить их происхождение.

Последний бой АЗИНА

На страницах нашего журнала неоднократно рассказывалось о герое гражданской войны на Урале, начальнике 28-й стрелковой дивизии В. М. Азине. В июле 1919 года эта дивизия освободила Екатеринбург (Свердловск) от колчаковских банд, а затем была переброшена на юг против Деникина. В феврале 1960 года исполняется сорок лет со дня героической гибели «железного» начдива. Ниже мы печатаем отрывок из воспоминаний бывшего начальника артиллерии 28-й дивизии, ныне генерал-майора в отставке А. П. Гундорина, посвященный последнему бою Азина.

Январь 1920 года подходил к концу. Вслед за отступающими деникинскими полками 28-я стрелковая дивизия переправилась через реку Маныч (приток Дона) и, ведя тяжелые бои, успешно продвигалась вперед. Вечером, второго февраля, противник получил подкрепление. К нему на помощь подошла кавалерийская бригада генерала Голубинцева.

В течение двух недель бои шли с переменными успехами. Но пятнадцатого февраля, отбив все атаки деникинцев, 28-я дивизия при поддержке артиллерии перешла в контратаку и отбросила белых к станции Целина.

Рано утром семнадцатого февраля Азин начал наступление на Целину. Противник упорно сопротивлялся. Особенно ожесточенные схватки разгорелись около хутора Попова. Белогвардейское командование бросило в бой новые конные резервы. Атаки 28-й дивизии захлебнулись.

В те дни части 10-й Красной Армии наступали против деникинцев западнее станции Белая Глина в южном и юго-западном направлении. На правом фланге этой армии и действовала 28-я стрелковая дивизия. Но здесь, на стыке между 10-й и 9-й армиями, образовался разрыв, который спешно заполнялся Кавказской кавалерийской дивизией Гая.

В феврале зима на Дону вступила в свои права. Поля покрылись неглубоким снегом, начались морозы, конница могла

передвигаться в любом направлении без дорог. Поэтому деникинцы энергичными атаками больших конных масс стремились задержать продвижение наших частей. Для этого они сосредоточили кавалерийское соединение в 12 тысяч сабель под командованием генерала Павлова.

Дивизии Азина и Гая, «...наступавшие в направлении станции Целина, оказались в полосе движения конной группы генерала Павлова. Попавшая первой под удар, кавдивизия Гая после короткого ожесточенного боя была отброшена белыми за Маныч. В худшем положении оказалась 28-я стрелковая дивизия...» (С. М. Буденный «Пройденный путь», Воениздат, стр. 417).

Вся масса конницы генерала Павлова охватывала дивизию Азина с правого фланга и постепенно заходила ей в тыл. Одновременно пехотные части противника, совместно с бригадой генерала Голубинцева, теснили азинцев с фронта. Однако их атаки были отбиты. Белые перед фронтом дивизии отошли в исходное положение, оставив на поле боя много ранных, винтовок и пулеметов.

Неожиданно конная часть белых в количестве 800 сабель налетела на левый фланг 28-й дивизии. Находившийся там кавалерийский полк не выдержал и начал отходить. Левый фланг оказался открытым, и деникинские казаки неслись на азинскую пехоту.

Как раз в этот момент кавалерия генерала Павлова отбросила дивизию Гая за Маныч и выходила на тылы 28-й дивизии. Все имеющиеся резервы Азин бросил на правый фланг против этой конной группы. На какое-то время павловская атака была задержана. Но перед фронтом дивизии вновь поднялись пехотные цепи противника, а со стороны Целины двинулась бригада генерала Голубинцева.

У Азина не осталось никаких резервов. Кроме того, за несколько дней до боя, одна его бригада с дивизионом артиллерии была передана в общий резерв командующего 10-й армией. Силы азинцев таяли. Конные лавы теснили азинскую пехоту и прорывались в тыл.

Несколько десятков казаков с гиканьем неслись к начдиву. Азин оглянулся — вокруг не было ни души. Всех своих ординарцев до последнего он разослал с приказаниями. На помощь к нему скакал только бригадный комиссар Стельмах.

— Наши силы удвоились! — крикнул Азин и махнул комиссару левой рукой, дескать, поворачивай!

Они прищипорили коней и помчались по снежной степи. Но, как ни были быстры их кони, все же преследователи с шашками наголо шли непосредственно «на хвосте». У одного из них морда лошади почти соприкасалась с крупом лошади Азина. Стельмах скакал несколько в стороне, отгесненный казаками.

«Сердце замирало, — вспоминал впоследствии Стельмах, — когда преследующие Азина взмахивали над его головой шашками. Казалось, вот полетит голова начдива... полетит и он сам... Вдруг Азин, не поворачивая головы, левой рукой (правая была ранена и качалась на перевязи) выхватил пистолет. Раздался выстрел, и скакавший рядом казак упал на снег. Это не остановило второго преследователя. Он продолжал наседать на Азина. Тот, видимо, чувствовал, что вражеская шашка не может его достать, поэтому поднял голову и выстрелил несколько раз. Казак опрокинулся на круп своей лошади. Остальные преследователи Азина стали отставать. Отставали и мои. Проскакав еще, примерно километра два, мы стали сближаться. Вот скачем уже в пяти-шести метрах друг от друга... И вдруг перед нами овраг, полузанесенный снегом. Моя лошадь легко взяла этот неожиданный барьер. Азинская пе-

репрыгнула вслед, но на противоположной стороне споткнулась, подируга лопнула, и седло сбилося под живот. Лошадь вздыбилась и сбросила всадника...»

Стельмах кинулся ловить ускокавшую вперед лошадь, но было уже поздно. Преследователи схватили Азина.

Красноармейцы, сумевшие бежать из вражеского плена, рассказывали, что видели, как белогвардейцы привели истерзанного и истекавшего кровью начдива. Его допрашивали несколько раз, пытали, но он упорно молчал. Когда палачи отчаялись добиться от него хоть одного слова, Азин неожиданно заговорил:

— Да, я — Азин! Можете прекратить всю эту комедию.

— Вы, кажется, офицер? — спросил генерал, руководивший допросом.

— Если вам необходимы подробности, — ответил Азин, — могу сказать, что в царской армии я был вольноопределяющимся. Офицерский чин получить не успел... Повторяю еще раз, я — коммунист, и никакие издевательства не изменят моих убеждений. Можете меня повесить или отрубить голову! Мне все равно... Делайте, что намечено, только торопитесь, а то попадете в руки красных...

— Послушайте! — прервал его генерал. — При желании вам сохранят жизнь и окажут почет в нашей среде.

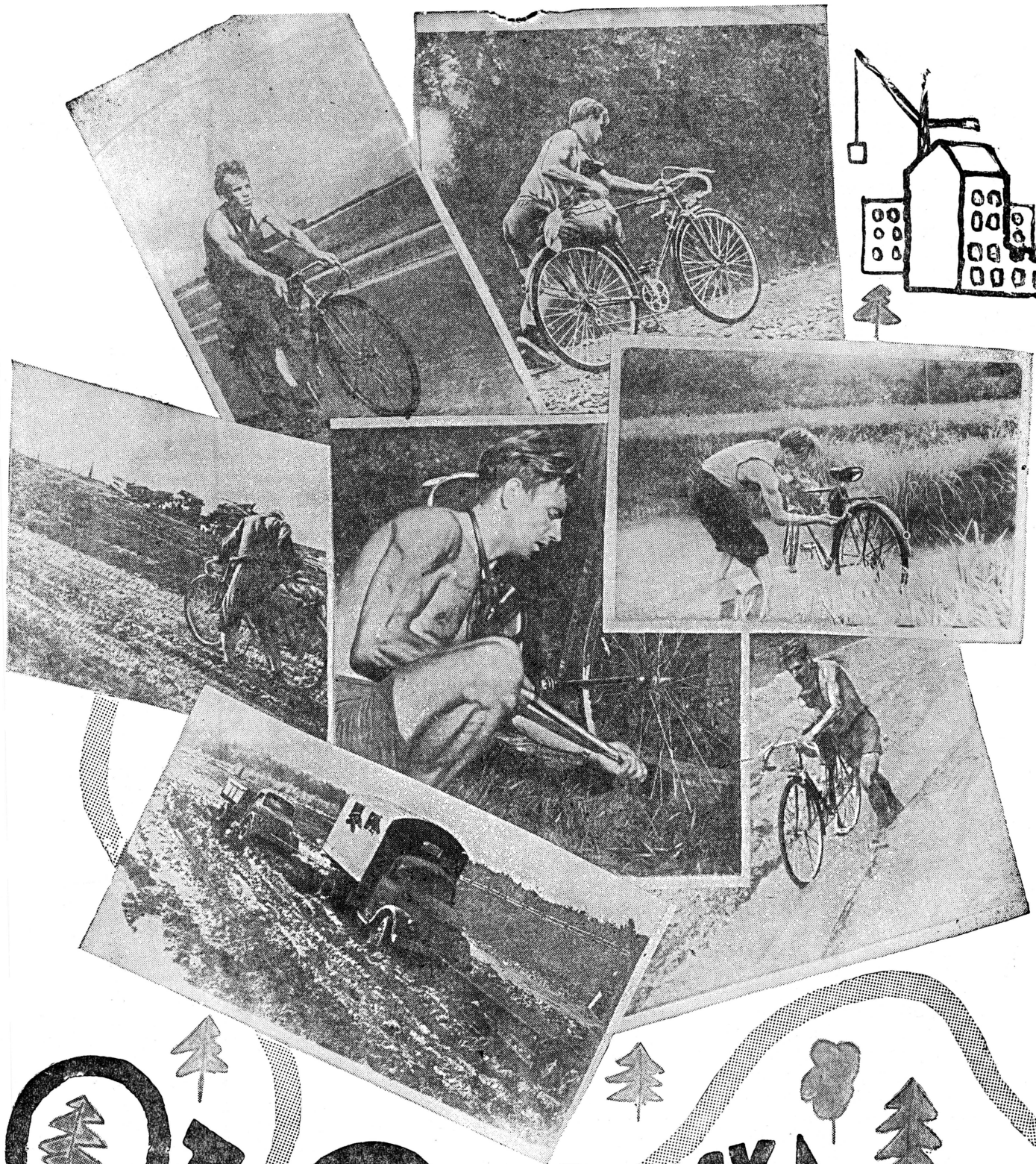
— Господин генерал! — резко сказал Азин. — Как вы допускаете такую мысль? Я же коммунист!..

Азин продолжал еще говорить, но по знаку генерала его схватили и вывели. пытки продолжались, но Азин не произнес больше ни слова и мужественно принял смерть...

Зная популярность начальника 28-й дивизии среди бойцов и командиров Красной Армии, деникинцы прибегли к провокации: они разбросали с самолета листовки якобы от имени Азина, где предлагалось складывать оружие и переходить на сторону белых.

В ответ на эту провокацию Реввоенсовет 10-й армии отдал приказ, где разоблачалась ложь и разъяснялось, что никакая клевета на героев Красной Армии не спасет Деникина от полного разгрома.

«...Начдив товарищ Азин, — указывалось в приказе, — был и всегда останется честным, доблестным борцом за власть трудящегося народа, непримиримым врагом всех насильников и эксплуататоров...» (ЦГАКА, дело 253—778, лист 64).

ОТ СВЕРДЛОВСКА

Походы неутомимых

Давно мечтали мы о больших путешествиях. Оба увлекаемся туризмом, и, как только стало ясно, что каникулы одного и отпуск другого совпадают, стали готовиться к велосипедному путешествию.

В Свердловске, во дворе дома 28, по улице Июльской, мы приняли старт. Неудачи начались с первых шагов: не успели мы доехать до центра города, как случилась первая крупная поломка, затем другая, третья. Но мы решили не сдаваться: лучше заночуем в парке культуры и отдыха, чем сделаем шаг назад.

С трудом мы одолевали крутые каменистые горы Уральского хребта, местами ноги не выдерживали напряжения, и приходилось взбираться пешком.

Солнечные жаркие дни сменялись грозами, которые, как правило, заставляли нас совсем не там, где следовало бы: приходилось срочно укрывать багажник клеенками, а самим искать первобытного укрытия.

Надо сказать, что впечатления от красивейших пейзажей, достойных кисти великих художников, часто омрачались сквернейшим состоянием дороги, которая отнимала много сил и приближала скорость передвижения к пешеходной. При такой скорости оводы и прочие «звери» самым беззащитным образом грызли наши обнаженные тела, а нам некогда было от них отмахнуться. Особенно тяжелым был 200-километровый участок песчаной дороги перед рекой Вяткой.

На левом берегу Волги нас настигла гроза. Дожди шли почти непрерывно. Четыре дня жили в Волжске. На катере переправились через Волгу.

Москву проехали почти не останавливаясь: время истощивалось, а впереди еще 1500 километров.

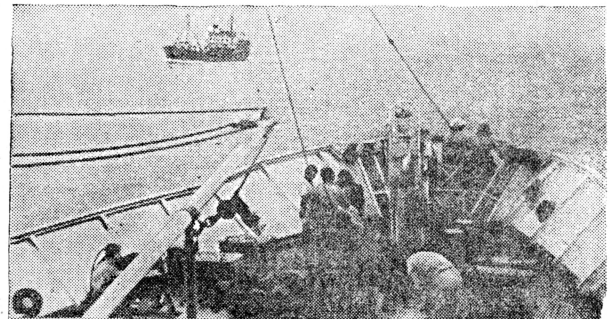
Дальше до самого Крыма не покидали автомагистраль Москва — Симферополь, честно признаюсь, к концу пути она нам надоела своим однообразием.

Мы проехали сотни деревень и городов, и везде люди проявляли живейший интерес к нашей поездке, спрашивали об Урале, о тех местах, которые мы проезжали, просили рассказать в других краях, как идут у них дела.

Наконец, мы в Крыму. Писать о Крыму бесполезно: лучше, чем написано, не расскажешь.

Кончилось путешествие. Трудно переоценить его значение для нас. Не по газетам и журналам, а воочию мы познакомились с половиной Советского Союза и убедились, что велосипед не ребяческая забава: на нем можно далеко уехать и много увидеть.

Геннадий Птицын,
студент Уральского политехнического института,
Андрей Коркин, лаборант.
Снимки авторов.

ДО ВЯТЫ

Обыкновенные ребята

Рассказ

Ольга МАРКОВА

Рисунки В. Васильева

Фотографироваться Степан Суворов наотрез отказался. Он сидел на крылечке дома и насмешливо следил за ребятами. Как меняются лица у всех, когда на них направлен аппарат! У помощника бригадира Саввы Ильина умные глаза стали круглыми; у комсорга Стеши Турковой полные губы вытянулись, будто перед слезами; даже тракторист Валерка Старожилов не смеется и не шутит, как обычно, — толстая шея от напряжения налилась кровью. Один Ваня Гершин не изменился. Доброе лицо его было задумчиво.

Фотограф областной газеты, быстрый, маленький, тонким несерьезным голосом кричал:

— Девушка, прямее головку, еще, еще! А вы, молодой человек, глядите повеселее!

Степан, чтобы не рассмеяться, сжал зубы и продолжал рассматривать товарищей. Мысленно он увидел среди них и себя. Круглоголовый, с серыми глазами и длинным носом. «Наверное, нос у меня еще больше вытянулся бы перед аппаратом», — думал он.

— Бригадир, чего ты в самом деле нас подводишь?! — недоуменно спросил Валерка.

— Не хочет с нами на фотку попасть!

— Степан, верно, иди! — зашумели ребята.

Фотограф подбежал к нему и произнес жалобно:

— Товарищ бригадир, без вас снимать неудобно... Могут снимок не принять!

— Делайте свое дело! — Степан круто поднялся и направился, оглябая пашню, в степь, не понимая сам, почему так повел себя. То и дело оглядываясь, он видел, что ребята все еще чинно сидят перед

прыгающим фотографом, темнея пятном на фоне белого дома.

Глубокой осенью, в стужу и непогоду, когда степь размокла, они натоптали саман, слепили этот дом и оставили пустовать на зиму. И только неделю как обжигают его.

Степан снова обернулся.

Пятнадцать окон отсюда казались блестящими бусами, нанизанными на белую тесьму.

Теперь у них есть столовая, кухня, красный уголок, подвал для овощей, своя мастерская для ремонта машин и даже гараж.

Земля присто пахла. Небо блестело белыми перламутровыми облаками. Издалека несло тяжелое тарахтенье тракторов.

Степан вспомнил, как все они сначала не умели разобраться ни в чем: приехали сюда сразу от школьных парт. Но никто не спрятался в кусты. Все начали учиться. И как тогда облегчилась жизнь, когда они действительно научились пахать и сеять, снимать хлеб и чинить машины. Бригада почти не нуждалась в помощи извне. Даже сапожник у них был свой и подбивал вовремя подошвы, чтобы из-за рваных сапог человек не пропускал работу.

Облака вверху высились, как горы с широкими боками, причудливо ломались, медленно передвигаясь, тешась цветастой игрой.

«Даже Валерка Старожилов сумел!» — вспоминал Степан. В осеннюю распутицу изобрел и пристроил к трактору лыжи и подковал все тракторы, чтобы не пропускать ни одного дня, ни одного часа. Подкованные машины могли пахать и в грязь, и в дождь.

В светлых недрах одного из облаков появились темные сгустки, точно его перевязало жгутом камыша.

Тяжелое и блестящее, стояло оно, не двигаясь. К его вершине прильнуло другое, легкое, как дымок. Ветер не мог оторвать эту дымку от облака-горы, только слегка покачивал. Ниже неслись грядой мелкие облачка, мчались, оседали все ниже, точно их привлекал крепкий степной воздух.

Под ногами хрустел сухой ковыль. В ушах свистел ветер.

Степан запел:

Я иду, цветы качаются,
Земли не достают...

— и сразу смолк.

Почему ему так неприятна шумиха вокруг бригады?

Его догнала Стеша.

— Я тоже отказалась сниматься, — задыхаясь, сказала она. — Фотограф рассердился, аппарат захлопнул! Жаловаться собирается, что мы ему работу испортили, материал сорвали... А какой материал? — Переведа дух, Стеша заглянула бригадиру в лицо и напомнила: — А когда из районной газеты фотограф приезжал, ты снимался...

Степан не мог понять, упрекает его девушка или поощряет. Она со смехом продолжала:

— Тогда и тракторы все до одного поставили в ряд: фотограф в работе нас показать хотел, как будто тракторы у нас когда-нибудь рядышком работают!

Степан всегда сердился на то, что ему хочется, не отрываясь, смотреть на Стешу, слушать тоненький голосок.

«И чего в ней особенного? — подумал он, поглядывая на девушку и не слушая ее. — Курносая... глаза раскосые. А рот — яркий... и полным-то полон зубов... Косы выцвели, все расплетаются, а она их все тербит, все тербит... Ничего интересного!»

— А я знаю, почему ты фотографироваться отказался... — продолжала Стеша. — И я тоже — поэтому... Мы только объявили себя коммунистической бригадой, еще ничего-ничего не успели. А им только бы скорее покричать!.. Ваня Гершин тоже не захотел фотографироваться.

Иван Гершин — друг Стеши, с которым она вместе приехала на целину, вместе закончила школу где-то на Урале и прошлой осенью заочно вместе с ним

поступила в сельскохозяйственный институт.

Вдалеке, по грейдеру, быстро и беззвучно мчалась машина, похожая на букашку, все ближе, ближе. То был директорский газик. Значит, уже семь часов утра. Директор совхоза Горохов приехал в бригаду всегда в это время.

Степан в досаде повернул к стану: с этим фотографом пропало утро. Стеша плелась за ним.

Директор, догнав их, притормозил машину. Он научился водить и теперь гонял по степи без шофера.

— Ну как, хлеборобы, дела? — спросил он. Степан усмехнулся: он уже знал, какими словами начнет директор разговор. — Это хорошо, что я вас до стана встретил, — продолжал Горохов. — Поговорить треба... — и подмигнул. У него было гладко выбритое загорелое лицо с улыбающимися губами, зеленые глаза он все время отводил в сторону и, казалось, каждого хотел обхитрить.

Степан и Стеша молча ждали, стоя перед машиной.

— Может, тебе в коммунистическую бригаду более надежных людей подобрать, Суворов? Как ты на это смотришь? — предложил директор.

— У меня в бригаде одни комсомольцы, — уклончиво ответил Степан.

— Ну и что? И комсомольцы в работе не все одинаковы. А ведь все-таки единственная в совхозе коммунистическая... чтобы не подкачать! — возразил Горохов и прямо взглянул на Степана. Тот сбивал ногой с кочки прошлогоднюю траву и подумал: «Кто же пахал этот участок? Вишь, как далеко отступил от грейдера! Сколько дикой земли оставил!»

Как из-под земли доносился до него голос директора:

— Вы бы того... посмотрели бы по всем бригадам людей... я любого к вам отпущу...

Стеше тоже было не по себе, это Степан понял сразу, как только взглянул на нее. Она побледнела, прикусила губы. Степан оторвал взгляд от кочки, с которой уже сбил все ковыли до земли, и твердо произнес:

— Незачем нам собирать людей из других бригад. Мы с самого начала вместе...

Степан, сдерживаясь, чтоб не нагрубить, тихонько побрел от машины. Ди-

ректор крикнул ему: «В полдень на усадьбу приезжай, бригадир!» — и уехал.

Степан показал Стеше кочки, ковыли вдоль пашни и зло произнес:

— Иван Гершин пахал. Видишь, как далеко от грейдера отступил. Сколько земли пропало!

— Вот ты его и сменял бы на кого-нибудь другого, предлагали ведь! — насмешливо протянула она. — Чего тебе стоит?! — и весело отбежала в сторону.

Вдали, на обочине грейдера, показался человек. Всем телом налегая на встречный ветер, он свернул к Степану. У дома встретились. То был коммунист Виктор Резников, с бригадой которого соревновались ребята. Вытирая кепкой пот с большого черного лба, он смущенно улыбнулся:

— Вот... прислали к тебе, Суворов, помощником. Вчера решили, и вот пришлось. Гореваньице прямо...

Видно было, что Резников недоволен и что ему стыдно.

Степан выругался.

Иван Гершин, сидя на крыльце с учебником, оторвался от книги.

— У тебя, Резников, своя бригада, там и работай! Мы без тебя справимся!

И надо же было в этот момент показаться самому Ильину, помощнику бригадира. По его лицу, багровому и несчастному, можно было понять, что он все слышал. Губы, с трудом смыкавшиеся над крупными зубами, припухли со сна, будто искусанные, дрожали.

— Значит, меня сняли? А за что, хотел бы знать? — сдавленно спросил он.

— Они, видишь ли, хотят бригаду укрепить! — сдерживая ярость, объяснил Ильину Степан. — Смотри, лучшего бригадира в помощники не пожалели. Скоро нам пришлют другого комсорга, других трактористов!.. Меня заменят!.. — постепенно беря себя в руки, Степан добавил. — Я тебя уважаю, Виктор Резников, и знаю — ты правильный человек. Ты подчинился решению руководства и приехал к нам. Но мы не думаем менять помощника бригадира. Такого никому и в голову не приходило! Мы тебя не обижаем... только просим уехать обратно.

— Вот каленая жизнь, — проворчал Ильин.

Резников направился к до-

роге. Через несколько шагов он повернулся и произнес:

— Правильно, ребята!

Когда он скрылся из виду, Ильин снова закипятился:

— Нет, я уйду... Раз начальству не угодил, тут уж делать нечего. Уеду домой, на большую землю... — Длинные руки его болтались, точно он бросал слова на землю, сеял их. Степан устало опустил на ступеньку крыльца.

— Никуда ты не уйдешь, Савва, и никуда не уедешь! — сказал он, глянув на Стешу, которая настороженно стояла в сторонке.

— Уеду! Как это не уеду? Раз не нужен, уеду! — Ильин гневно запрокинул голову, словно приготовился немедленно бежать куда-то без удержу. Степан усадил его рядом, обняв за плечи, прижал его руки и напомнил:

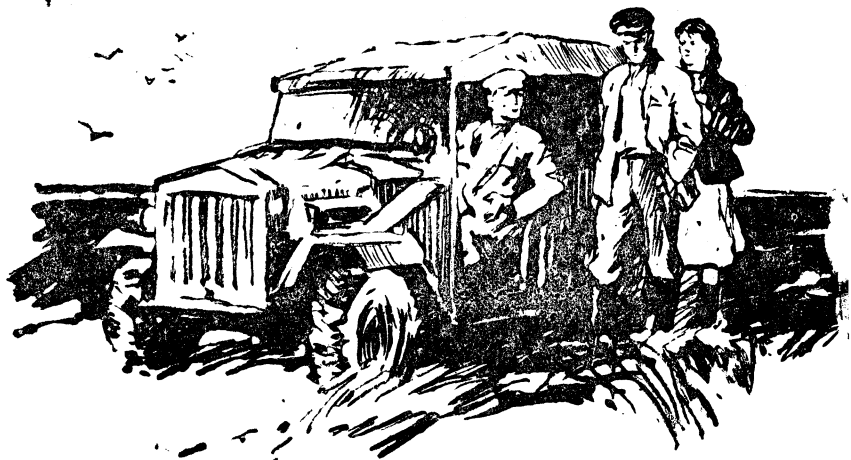
— А еще называли нашу бригаду коммунистической! При первом ветре бежим!

Савва успокоился, заворчал все глуше, невнятнее и, наконец, ушел в общежитие.

На стане тихо. Только издали слышался рокот тракторов. Стеша и Иван ушли в степь. Синяя майка туго обтягивала плечи парня. Белое платье девушки маячило, как цветок.

Шли они медленно, то сближались, то расходились в разные стороны. Навстречу им из глубины степи полз трактор. Вот он остановился, на землю прыгнул Валерка Старожил и всхлопнул руками, будто обогреваясь.

Степан вскочил на свой велосипед. Валерка всегда вызывал тревогу. Весельчак и спорщик, он мог вспрыгнуть в попугную машину, без разрешения угнать на центральную усадьбу или в соседний совхоз, вернуться пьяным. Так было в прошлом году. Тогда его не выгнали, на-

деять исправить, стыдись подкинуть его в другую бригаду. На планерках он клялся не отступать. Степан отмечал, что нынче Валерка ни разу не сорвался.

Доехав до трактора, около которого уже стояли Иван и Стеша, Степан спросил, ни на кого не глядя:

— Перекур?

Валерка подмигнул и отозвался:

— Перекур... — и, помолчав, серьезно добавил: — Телега моя не идет... Не знаю, что и делать: фыркает и не идет. — «Телегой» он называл свой старый трактор.

— А фиксаторы давно проверял? — осведомился Степан, положил на землю велосипед, поднял у трактора скрипучий капот, заглянул под него, влез под машину. Валерка, расставив ноги, как тумбы, весело глядел на Стешу.

— Тяга ослабла, и скорость перестала выключаться... — сказал Степан.

— Я-то тут при чем? — запыхтел возмущенно Валерка. — Трактор изношенный, а я виноват! Его на свалку пора.

Степан возразил:

— Машина еще добрая... — он вылез из-под машины, прошел к прицепу, к плугам, покружил около них и ворчливо добавил: — И лемехи затупились. Горючее не жалеешь.

Валерка, не слушая его, сорвал и торжественно поднес Стеше какой-то цветок. Синяя головка цветка сидела на тонком, как волосок, стебельке.

— Прошу... Только из-под снега!

Стеша, резко повернувшись, пошла с поля к пыльному грейдеру. Иван бросился догонять ее.

Степан втянул голову в плечи, словно приготовился для прыжка:

— Ты это брось, Валерий!

— Что? — тракторист недоуменно глядел на бригадира. Светлые глаза его были безмятежны и чисты.

Степан с усилием выдал:

— Ты не лезь тут, понял?!

Он поднял велосипед и, не оглядываясь, уехал, крепко вцепившись в руль.

Двухэтажные дома центральной усадьбы совхоза издали похожи были на степной мираж. Казалось, весь поселок отрывается от земли и поднимается ввысь. Лучи солнца раскаленной лавиной лили на землю. Степан вспомнил, как они строили свой поселок, с каким нетерпением ждали каждый новый дом.

Ему приятно было входить и на новое

с перильцами крыльцо, открывать дверь в кабинет директора, массивную дверь, обитую блестящим черным дерматином. И кабинет директора теперь не тот кабинет, в вагончике, какой все помнят. Деревянные шаткие скамьи заменены добротными стульями, стол — уже не фанерный, а дубовый, с множеством ящиков.

Все семь бригадиров совхоза сидели в кабинете, переговариваясь, курили; при виде Степана недружелюбно смолкли. Директор Горохов привстал с сиденья, кивнул опоздавшему и, обедев всех довольным взглядом, поднялся. — Ну, орлы, пойдемте, покажу.

Он вывел всех на площадь перед конторой и широко зашагал к мастерской. Идя рядом с одним из бригадиров, высоким сутулым парнем, Степан с робкой улыбкой спросил:

— Как работа?

— Да что! — отмахнулся тот. — Лушильники подводят, хламье одно... Все тепло тебе отдали, а нам тепло только с неба... Но мы — ничего. Мы за лишним не гонимся: пола полу прикрывает — и радехоньки!

— Ты Степана оставь, — вмешался в разговор Резников. — Я вот сегодня тоже его обидел, — и отвел глаза в сторону.

— Да я ничего... Наверное, тебе, Степан Суворов, в Москве уже ордена куют!

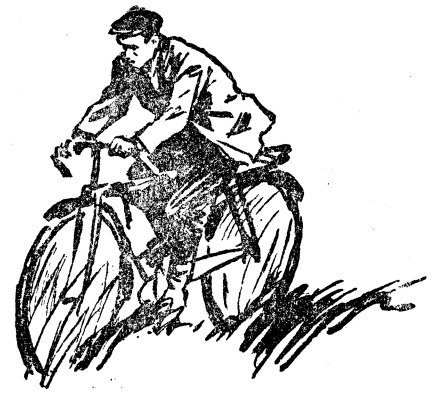
Все остановились, увидев новенькие тракторы, выстроившиеся у мастерской. Марка матово поблескивала на каждом. Их было семь. Степан с досадой подумал: «Еще бы один, и каждую бригаду утешили бы!»

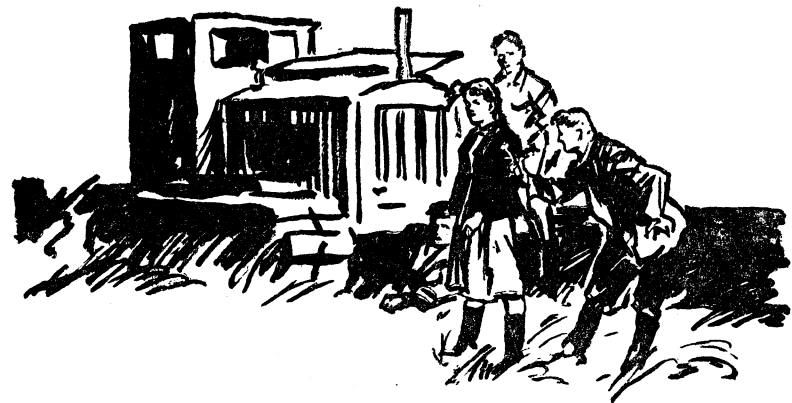
Тракторы стояли в линейку. Чистенькие гусеницы еще не извели дороги и пашни, не оставили на земле чешуйчатых следов. Бригадиры развеселились. Один взмогнулся на круглое кожаное сиденье, другой похлопывал ладонью корпуса машин.

Директор, прокашлявшись, торжественно сообщил:

— Мы решили четыре трактора дать нашей бригаде коммунистического труда... и первый захопал в ладоши.

Если бы Степан не опустил голову от

непонятного стыда, он увидел бы, как директор весело кивает товарищам, вызывая поддержку. Однако его хлопки прозвучали одиноко и скоро смолкли.

Некоторое время стояла тишина, будто вся степь притаилась, подслушивая не веселые мысли бригадиров. Медленно Степан поднял голову. На лицах товарищей легло унылое согласие. На Степана смотрел один Виктор Резников. В его взгляде чувствовалось такое напряжение, что Степану захотелось отвести глаза. Он понял все, что происходит, и все, что он сам должен сделать.

— Неправильно это, товарищи! Я отказываюсь взять машины! — крикнул он. Голос сорвался, почти захрипел.

— Совсем ненормальный! — директор словно поперхнулся, рассерженный до

удушья. Степан порывисто метнулся к трактористам и еще раз повторил:

— Неправильно! И нормальный я... только хочу знать, почему моей бригаде все лучше? Почему, я спрашиваю?!

Виктор Резников подошел и обнял Степана.

— Вот ведь, гореваньице горевое... — ворчал он довольно. — Говорили тебе, Горохов, что неправильно распределил машины, не слушал! Вот тебе, получай!

И снова Степан мчит по пыльной дороге.

Степь была алая, ровно подожженная закатом. Алые птицы полоскались в воздухе.

Все больше понимая, что наделал, Степан несколько робел, не зная, как сообщить в бригаде обо всем, что случилось.

Он торопился к пересменке. Час пересменки был для него самым счастливым.

Ребята и девчата выбегали из помещения, вглядывались вдаль. Из-за зонтика выплывали шесть черных точек, все увеличиваясь. Из тишины вырывался вначале далекий гул. Это двигаются, рокоча, тракторы, и сердитая их поступь радует сердце. Первые не выдерживают девчата, срываются, бегут прямо по пашне, наперерез машинам, впереди которых на велосипеде гонит учетчик, веснушчатый парень в кепке, повернутой козырьком назад.

Девчата кричат:

— Как?

— Сколько?

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

БРОНИРОВАННЫЕ ПОМИДОРЫ

Восемьдесят лет Петру Ивановичу Романову, члену колхоза имени Свердлова, Серовского района, Свердловской области. Более сорока сортов плодово-ягодных деревьев вырастил он в своем саду. Вот уже полвека изо дня в день Петр Иванович ведет опытные наблюдения, записывает данные новых интересных экспериментов.

Далеко за пределы своего колхоза Петр Иванович Романов прославился чудо-помидорами. Много сортов помидоров вырастил он. Тут и «Арлиана», и «Грибовский», и «Перемога». Но лучше всего «Спартак». Это так называемые бронированные или закаленные помидоры. Им не страшен холод, а весит каждый из спартачан не менее 500 грам-

мов. Один и вовсе удивил Петра Ивановича: вырос на 1260 граммов.

В 153 адреса разослал семена удивительных помидор неугоминый садовод: в Приамурье, на Алтай, в Пензенскую область, в Свердловск, Башкирию, Алапаевск... К нему приезжают на экскурсию и на консультацию. И сам он часто выезжает к своим коллегам — садоводам, чтобы прямо на месте дать необходимый совет.

В. Свиридов.

А когда тракторы останавливаются на площади, комсорг Стеша, бывает и так, перемещает красный выцветший флажок со словами «Лучшему трактористу» с машины на машину.

Степан нажимает на педали велосипеда. Он спокоен только в бригаде. Где бы ни находился, всегда боялся, что без него на стане что-то случится непоправимое.

К пересменке бригадир опоздал. Люди были на площади, у врытого в землю стола. Этот стол и скамьи вокруг они оставили еще от прежнего жилья и любили проводить здесь свободные часы.

Видимо, привезли почту, и теперь все читали письма. Только Валерка, сидя на конце скамьи, надоедливо играл на баяне, то и дело поглядывая на Стешу.

Степан не знал, как сообщить ребятам о своем самоуправстве. Больше всего боялся Валерки: тот всегда ныл, что его трактор выходит из строя, больше чем другие мечтал о замене. Может, именно поэтому он и подошел к Валерке, положил на плечо руку. Тот перестал играть, поднял голову.

— А ты не получил из дома письма? — спросил бригадир участливо.

— Сразу два.

— И не отвечаешь? Ты и в прошлый раз не ответил... — напомнил Степан.

Валерка, повернувшись всем туловищем, поставил баян на скамью. Короткий сухой смешок его прозвучал в тишине так, будто рассыпали горох на деревянный настил.

— А чего я им напишу нового? Что бригада у нас коммунистического труда, — я им писал; что приемник у нас на стане — писал! Что учиться все поступили — тоже; что сев начали, они знают: везде сев начали... — перебирал он. — Еще о чем? Что тракторы мы ждем, — им это неинтересно.

Глядя на этого беспечно парня, Степан вдруг понял, почему отказался от замены людей лучшими, почему отказался от тракторов.

— Бери бумагу и пиши! — отрывисто приказал он.

— А что?

— Бери, бери! — Степан смотрел, как тракторист небрежно вырвал листок из учебной тетради, достал из кармана карандаш.

Этот карандаш, тупой и обгрызанный, в заскорузлых руках, чем-то очень тронул Степана. Он бегом оглядел ребят, которые выжидательно помалкивали. И такая волна любви к ним теплом облила сердце, что у Степана захватило дыхание.

— Пиши, — склонившись над Валеркой, произнес он взволнованно: — «А если нам тракторов не дадут, мы и на старых своих «телегах» вспашем раньше всех. Для этого нужно только ухаживать за ними. На то мы и называемся бригадой коммунистического труда!».

Степан видел, как наливается кровью широкая шея Валерки.

— Пиши, пиши. «А если на наши восемь бригад дадут только семь тракторов, то мы сами откажемся от новой машины! Пусть дадут лучше по трактору в отстающие бригады...»

Валерка перестал писать. Потом, бросив карандаш в сторону, вскочил, отошел от стола, повернувшись спиной к бригадире.

Степан медленно оглядел всех ребят. Стеша прижала руки к груди и, широко раскрыв глаза, смотрит на него, как будто в первый раз. Иван подался вперед. «Какие у него широкие, сильные плечи», — с удивлением заметил Степан. В лице Саввы обозначилась твердость. Это был другой Савва, не тот — с дрожащими губами. И во всех глазах, устремленных на бригадира, напряженный вопрос сменялся выражением решимости.

— Правильно, Степан! — вдруг крикнул Иван. — Правильно! Будет трудно, здорово трудно...

— Но все равно впереди будем! — подхватила Стеша, глядя на Ивана блестящими глазами.

Валерка медленно повернулся, подошел к Степану и молча, неуклюже стиснул ему руку.

Вверх взмыл жаворонок. Крылья его с упругим свистом рассекали воздух. Золотась от заката, он застрочил звонким кудрявым ключом.

Река Большая свободна ото льда.

Глухой таежный край раскинулся между Байкалом и центральным водораздельным гребнем Баргузинского хребта. Здесь расположен один из старейших в Союзе, один из самых замечательных заповедников — Баргузинский.

Реки и горы, животный мир и растительность этого края — все своеобразно. Чтобы детально изучить здешнюю природу, ученым потребовались многие годы. Но и сейчас еще сделано не все. Круглый год трудится наш небольшой коллектив научных сотрудников на берегу древнего Байкала в маленьком поселке Давше. Работы много.

Совершенно несбычен для прибайкальской суровой природы уголок в пойме реки Большой. Даже в самые морозные зимы река не замерзает. Прибрежный пляж не покрывается снегом. У основания прибрежной террасы парит горячий источник. Температура воды $+75^{\circ}\text{C}$ — почти кипятком. Она выходит толчками, словно там в глубине земли бьется и выбрасывает воду какое-то громадное сердце. Деревья в районе выхода целой серии горячих источников необыкновенных размеров. Даже папоротники достигают здесь высоты ста двадцати сантиметров и растут необычайно густо.

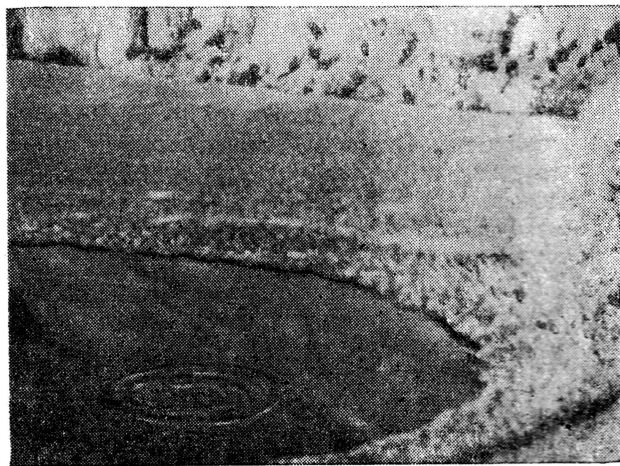
Шумит и стонет Байкал.

ПИСЬМО С БЕРЕГОВ БАЙКАЛА

Чтобы изучить эти источники, нужны обширнейшие знания. На маленьком участке земли, что находится под влиянием горячих ключей, можно проследить тысячелетнюю историю развития животного и растительного мира Прибайкалья.

Л. В. Бордунову удалось отыскать здесь крошечный папоротничек — ужовник и обычную европейскую фиалку.

Субаквальный источник на реке Большой.

Откуда они взялись у Байкала, за пять тысяч километров от основного района своего распространения?

Б. Ф. Бельшев обнаружил здесь южный вид стрекозы, а В. Н. Скалон поймал под камнями двух узорчатых полозов-змей, обитающих на много километров южнее. Что это, случайность?

Большереченские ключи — только мельчайший клочок заповедной земли у Байкала. Дела здесь хватает и тем, кто изучает сам горячие источники, и тем, кто изучает растительность, и тем, кто интересуется животным миром. А сколько загадок таит сам Байкал — древнее озеро-море с его своеобразными рыбами, моллюсками, насекомыми, с его своеобразным, строптивым характером!

П. Мартынов,
директор Баргузинского
государственного заповедника

НЕДОРАЗГАДАННЫЕ ЗАГАДКИ

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Впервые я услышал о Голубом озере от писателя Николая Алексеевича Ловцова. В конце двадцатых — начале тридцатых годов он много бродил по Уралу, то по заданию ОПТЭ (Общество Пролетарского Туризма и Экскурсий), то за материалами для своих очерковых книжек. Тогда-то он и встретился с Голубым озером, очень молодым по возрасту, но очень странным и необычным.

...Недалеко от Кизела, в каких-нибудь двух-трех километрах от этой столицы «уральской кочегарки», некогда добывали железную руду. Но руда была небогатая, соперничать по дешевизне с высокогорской и гороблагодатской не могла и поэтому работы на руднике шли «через пень-колоду». Однажды ночью рудник провалился. Наутро горняки вместо него увидели лишь глубокую (почти в сотню метров) яму длиной с полкилометра и шириной в половину этого. А сколько-то спустя — то ли месяц, то ли два — образовавшиеся после катастрофы подземные ручьи заполнили яму почти доверху. В веселенькой раме из вечнозеленых елей и пихт около Кизела появилось новое озеро.

Так необычно появилось оно на свет. Но на этом необычности озера не кончились.

Зимой оно было самым обыкновенным озером и прекрасно служило кизеловской ребятне дополнительным катком. А следующей весной (1914 года), очистившись ото льда, озеро удивило всех своим нежно-голубым, с бирюзовым оттенком цветом. Думали, что это отблеск неба, но вода из озера и принесенная в комнату не меняла своего цвета.

Может быть, подземные ручьи выщелачивали железные руды? Но окислы железа придали бы воде ржавый цвет, а не бирюзовый.

В довершение всего, озеро оказалось опасным для живности. Высаженная в него рыба гибла, утки и гуси не желали

купаться в нем и улетали в соседнее болото.

...Рассказав об этом, Николай Алексеевич посоветовал мне поинтересоваться дальнейшей судьбой озера. Прошлым летом такая возможность представилась: в вагоне соликамского поезда судьба свела меня с одним из жителей Кизела.

— Озеро? — переспросил мой спутник. — Озеро есть. Только теперь оно уже не голубое. Превратилось оно в ржавенькое, грязное. А насчет живности, боюсь сказать точно, но, вроде, бывала в нем рыбка. Может, уже потом появилась, когда оно перестало быть голубым.

Почему же озеро потеряло свой цвет? Еще недавно оно было одним из любимых мест отдыха шахтеров, сюда по воскресеньям приезжали семьями: красивое место, чистый воздух привлекали сотни людей. Но сколько-то лет назад в озеро стали сливать воды из нового ствола угольной шахты, лес кругом вырубили. И озеро неожиданно потеряло свой примечательный цвет. Очарование его исчезло. Кислотные воды, перекачиваемые из новой шахты, довершили «конец» Голубого озера. Ездить отдыхать туда стали все меньше и меньше, а потом и совсем перестали.

Но загадки озера так и остались загадками: почему оно было голубым, почему потеряло свой цвет? Может быть, это связано с какими-то происшедшими под землей химическими реакциями? Может быть, где-то вблизи озера — месторождение какого-то минерала, в соединении с которым вода приобрела голубой цвет? А почему она его потеряла потом?

Весьма возможно, что кто-нибудь из работников кизеловских копей когда-нибудь интересовался этим, производил анализы, исследования, но не обнародовал результаты своих работ, и поэтому для всех остальных озеро продолжало оставаться загадочным. А может быть, оно в самом деле хранит какую-то интересную (и полезную) для нас тайну.

Ю. Абрамов

О ТОМ, ЧТО НЕ КАЖДЫЙ ЗНАЕТ

УЖ-РЫБОЛОВ

Сидел я как-то на берегу горной речки и ловил на удочку форель. Речка была быстрая и мелкая. Напротив меня, недалеко от берега, выступал из воды большой камень, а за ним в водовороте образовался небольшой омуток. В этот омуток я и старался забрасывать удочку.

Вдруг вижу, плывет к камню уж.

«Вот,— думаю,— некстати. Сейчас всю рыбу распугает».

А уж взобрался на камень и улегся, свесив над водой голову. Лежит неподвижно, как мертвый. Если бы я не видел, как он заползал на камень, ни-за что не подумал бы, что передо мной змея: так сучок какой-то, много их на всякой горной речке.

Между тем уж высунул язык и, зашевелил им над водой быстро-быстро, как котенок языком, когда молоко лает.

«Что,— думаю,— за оказия? Зачем понадобилось ужу язык высовывать? Жарко ему, что ли?»

Не успел я этого подумать, как вдруг около самой головы ужа раздался всплеск и кто-то выскочил из воды. Форель! И вот уже нет ни ужа, ни рыбы, а только круги по воде идут.

Через несколько секунд вода в омуте забурилась и заплескалась. То уж высу-

нется из воды, то голова форели покажется: никак не разберешь, кто кого поймал.

Но вскоре все выяснилось. Противников прибило течением к отмели, уж пополз к берегу и вытащил за собой форель. Та побилась еще немного на камнях и затихла. Тогда уж и приступил к обеду.

«Э, да ты, оказывается, хитрый рыбак!»— подумал я про ужа.— Сначала он прикинулся неподвижным сучком, потом изобразил из своего языка не то живого червячка, не то летающую над водой стрекозу. Форель и попалась на эту змеиную уловку».

Я снова взялся за удочку, но сколько ни забрасывал лесу в омуток, рыба не брала. Я перешел на другой омуток — и там не клюет. Просто хоть ложись на камень, да шевели языком, как уж!

«А что, — думаю, — попробую-ка я червячка не в воду забрасывать, а над водой его подергивать, как уж языком».

И не успел я несколько раз пошевелить над водой насадку, как из воды выбросилась в воздух форель, и леса моя зазвенела туго натянутой струной.

И пошла тут у меня такая ловля, что даже уж мог бы позавидовать.

Оказывается, и у змеи можно научиться кое-чему полезному.

БЕРТА

Была у моего приятеля собака Берта. Я знал эту собаку: обыкновенная дворняга, каких немало в любой деревне. Но одна странность в ее характере меня всегда поражала. Берта спокойно оставалась дома без хозяина и на день, и на два, но не могла высидеть и пяти минут, если он уезжал на рыбалку. Стоило ему начать собирать рыболовные принадлежности, как Берта бросалась к берегу пруда и в ожидании хозяина усаживалась в лодку.

Случалось, что, загулявшись на улице, собака прибежала домой, когда ее хозяин уже уплыл на рыбалку. Что тогда с нею делалось! Как бешеная, она вырывалась со двора, выскакивала на берег и мчалась вдоль пруда, пока не замечала на воде знакомую лодку. Тогда она бросалась в воду и, как бы далеко от берега ни рыбачил приятель, подплывала к нему и лезла в лодку.

Заинтересованный поведением Берты, я попросил приятеля объяснить причину пристрастия собаки к рыбной ловле. Причина оказалась интересной.

Берта любила есть живую рыбу. На поплавочные удочки попадались большей частью мелкие окунишки да плотички, и приятель, сняв рыбу с крючка, тут же отдавал ее собаке. В конце концов Берта, видимо, уловила связь между подпрыгиванием на воде поплавок и очередной подачкой и стала следить за поплавками внимательнее самого рыбака. Стоило поплавок зашевелиться и нырнуть под воду, как Берта гавкала.

— Я теперь могу не следить за поплавками, — смеялся мой приятель. — Берта не пропустит ни одной поклевки и обязательно голос подаст.

Хорошо, конечно, иметь такую собаку, но за поплавками следить и самому интересно.

НА ВСПЛЕСК

Плохо, когда не клюет, а еще хуже, когда не знаешь, почему не клюет. Тогда начинаешь предлагать коварной рыбе не только червя или хлеб, но даже сыр и кетовую икру.

Так было однажды и со мной. Я переменил десятки мест, перепробовал все мыслимые и немыслимые насадки и не поймал ни одной рыбешки. Обиднее всего было то, что рыба вокруг, что называется, кишела. Стоило забросить лесу, как около поплавок немедленно появлялся бурн, и легкий пробочный поплавок исчезал, а потом снова всплывал и лежал уже неподвижно.

Измучившись вконец, я уселся на берегу и стал очищать раковую шейку. Это была последняя попытка: если уж на рака не клюнет, тогда сматывай, товарищ, удочки и забирайся под куст спать.

Вдруг позади меня кто-то остановился и ехидно сказал:

— А где пиво? Вместе с раком надо обязательно насаживать на крючок бутылку пива. Пиво и раки! Превосходная вещь!

Я оглянулся. На берегу стоял высокий человек в очках и тюбетейке. У его ног лежала кошелка, полная крупных голвалей.

— Не что ловили?— невольно вырвалось у меня.

— На всплеск...

О всплесках я ничего не знал, но показывать свое невежество не хотелось, и я, как можно небрежнее, спросил:

— Может, одолжите мне парочку?

— Чего? — не понял рыбак.

— Ну, этих... всплесков...

Рыбак захохотал. Он так смеялся, что упал на песок и, схватившись за живот, начал стонать и сучить ногами. Когда он пришел в себя и объяснил мне, что такое всплеск, захохотал и я.

И как было не смеяться, если всплеск — это... всплеск насадки при ее падении на воду.

Тут только мне стало понятно, почему рыба хватала упавший в воду поплавок и не обращала внимания на мои насадки. Шло лето. С берегов падали в воду кузнечики и другие насекомые, и рыба азартно охотилась за ними. Легкий всплеск пробочного поплавка голавли принимали за падение насекомого и стрелой бросались на него, глотали, а, разобравшись, выплевывали вон. В такое время отвязки с лесы поплавок и грузило и цепляй на крючок что угодно — все равно будет клевать. Лишь бы насадка давала хороший, легкий всплеск.

Так я и сделал. А сыром и кетовой икрой мы чудесно закусили с моим новым знакомым, который оказался на редкость приятным человеком.

СИНИЕ ОГОНЬКИ

Вы видели зимородка? Это небольшая, с воробья ростом, птичка, но клюв у нее длинный, не меньше всего туловища. Зимородок летает низко, над самой водой, и так быстро, что разглядеть его почти невозможно. Только и видишь: мчит над водой яркий-яркий синий огонек — это блестит на солнце ослепительно-синее оперение зимородка.

Я не обращал на зимородка особого внимания, пока он не стал однажды моим соседом по рыбной ловле.

А случилось это так.

Пошел я как-то с удочкой на реку. Выбрал удобное местечко между густыми зарослями ольхи, забросил удочку и жду. Проходит полчаса, час — ни одной поклевки!

— Что за оказия? Всегда у меня хорошо здесь клевало, а теперь...

Вдруг совсем рядом со мной за кустом как булькнет что-то в воду.

«Опять, — думаю, — какой-то озорник камни бросает».

Поднялся я на берег, подкрался к кусту, а шалуна и след простыл.

Только взял я в руку удилище, а в воду опять камень упал, и совсем где-то близко от меня, потому что круги от него заплескались у моих ног.

«Я же тебя сейчас поймаю», — думаю я про озорного мальчишку и выползаю на берег.

Но за кустом по-прежнему никого нет. Я сел и стал ждать. И вот, что называется, у меня под носом опять как бухнет что-то в реку. Смотрю, а из воды вылетает этот самый зимородок, усаживается на голый нависший над рекой сук и начинает долбить своим большим клювом пойманную рыбку. Потом отнес куда-то свою добычу, прилетел на тот же сук и сидит, будто удит!..

«Это что же, — думаю, — ты обставить меня решил? Нет, дудки! Хоть ты видишь в воде и лучше человека, но человек умнее тебя».

Опустил я поплавок совсем близко к крючку и забросил насадку на ту же глубину, с которой таскал рыбу носатый рыбак. И через час мое ведерко было полно рыбы.

С тех пор я всегда смотрю: куда летят по речке синие огоньки. Куда — они, туда — и я. И там всегда нахожу рыбу.

* * *

Много вокруг нас всевозможных синих огоньков. Приглядишься к ним хорошенько, и они тебе не один секрет, не одну тайну откроют.

Рисунки А. ТУМАНОВА

В. КЛЕПОВ

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ВЕЩИ

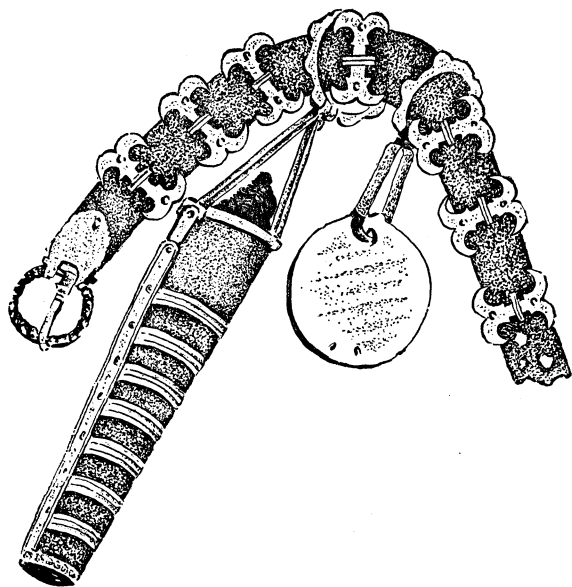
В этом году летом мы раскапывали археологические памятники, в том числе могильник, находящийся у истока реки Аять, в Свердловской области. Относится он примерно к IV веку нашей эры.

При раскопках на Аяти в толще земли (и очень неглубоко, на 20—25 см от поверхности) мы нашли скелеты людей, погребенных в колодах — долбленных гробах. Эти погребения мы назвали верхними, так как, начав копать глубже, обнаружили другие погребения — нижние.

Мы установили, что верхние погребения не были в гробах — умершего человека клали прямо на землю. Люди лежали на спине, головой на запад. Можно предположить, что люди, хоронившие своих близких, считали, что умершие уходят в страну заходящего солнца. Для «дальней дороги» их хоронили одетыми; ткани не сохранились, но остались украшения: застёжки, пряжки.

Головные уборы женщин покрывались серебряными бляшками, напоминающими цветок с четырьмя лепестками. С покойниками лежало вооружение: железные большие ножи-кинжалы, железные стрелы, копьё, железные топоры. Считалось, что ими умершие во время дальнего пути добудут пропитание и при необходимости защитятся от нападения людей или зверей. В гроб клались и железные кресала, которыми ударом о камень можно было высечь огонь.

Среди скелетов погребенных людей мы встретили погребения подростков. У одной девушки на шее, на нитке бисера найден мешочек из кожи, а в нем два медных перстня. На печатках перстней — рисунок. Не жених ли положил туда эти два перстня?

По материалам раскопок верхних погребений удалось установить, что люди уже в то время широко использовали железные руды Урала, из них они изготавливали оружие. Умели они дубить кожи домашних животных, из кости делать разные хозяйственные предметы и рукоятки к кинжалам. Эти люди вели, вероятно, оседлый образ жизни, занимались скотоводством и земледелием.

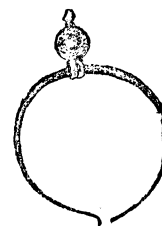
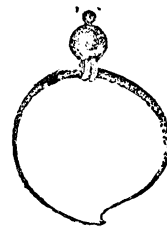
Раскопки нижних погребений рассказали нам, что похороненные люди были искусными металлургами. Они не только хорошо владели техникой плавки меди и железа, но знали сплавы меди с серебром и золотом, умели делать листовую медь и бронзу и изделиями из цветных металлов украшали себя и предметы своего вооружения.

У умершего, справа от него, у головы, всегда ставились от одного до трех глиняных сосудов с пищей. Горшочки — небольшие, невысокие, с ребром посередине. По верху сосудов — орнамент. На ушах умерших были проволочные серьги из меди, порой — с подвесками, на шее — разноцветные бусы, на руках — браслеты из сплавов. Каждое погребение имело поясной набор, ремень зачастую с бляшками на коже, пряжку из серебра, на которую ремень застегивался, накладку, куда ремень продевался, и наконечник на ремень. На пояс продевалась пряжка в форме узорчатого колесика. К пряжке на четырех трубочках-пронизках из металла прикреплялся кожаный ремешок и кинжал из железа с костяной рукояткой. Кинжал был в деревянных ножнах, обложенных листовой медью или бронзой. К поясу прикреплялось и круглое зеркало. Зеркало делалось из серебра или золота или из сплавов этих металлов. На ногах, у колен, были пряжки, которыми стягивали мягкие голенища обуви. В одном из погребений найдена бляшка из бронзы, изображающая собаку.

По украшениям, остаткам от одежды, найденным костям лошадей мы установили, что люди были кочевниками, имели большие стада, передвигались на лошадях. Вероятно, на лошадях привозили они и умерших.

Е. Берс

На рисунках изображены вещи, найденные при раскопках на одном человеке. (Уменьшено в 4 раза).

У ДЭГЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Ловкий Манголи и Жадный Удзюлю

У мальчика Манголи родители померли. Как жить одному мальчику в юрте? Кто мясо принесет? Кто рыбу варить будет? Взял его к себе в юрту дядя Удзюлю. Жадный был Удзюлю, плохо кормил мальчика. Манголи больше ягодой да сырой рыбой питался. Сам ловил. А дядя попрекал его:

— Много ешь больно. Кто мне заплатит за тебя? Вырастешь большим — всю жизнь работать будешь на меня, и то не отработаешь.

Вырос Манголи, стал сильным и ловким охотником. Так охотился, что ни зверя, ни рыбы не пропускал. Весь амбар заполнил мясом. Обрадовался Удзюлю, охотиться перестал. А жадность у него еще больше стала. Построил он второй амбар, а Манголи и второй заполнил мясом. Построил третий — третий заполнил Манголи. Испугался тогда Удзюлю. Жадность покоя не дает.

— Так он всех зверей побьет, всю рыбу переловит. Моим детям ничего не оставит в тайге. Давай его уьем, — сказал он жене.

— Зачем убивать! — возразила та. — У нас нет своих детей, он как сын нам.

— Глупая ты. Когда дети наши появятся, он всех зверей побьет.

Выдолбил Удзюлю из тополя бат с крышкой, постлал на дно хвой и червяков положил.

Пришел с охоты Манголи. Устал больно.

— Спать хочу...

— Я тебе новую постель сделал, — показал Удзюлю на новый бат. — Ложись.

Манголи лег и уснул. Удзюлю забил бат крышкой и спустил его в реку. Долго плыл он. Подошел пережат. От шума Манголи проснулся, а повернуться не может. «Эх, думает, смерть моя подошла». Подплыл бат к песчаной косе. Остановился. Подошли семь братьев-разбойников.

— Откройте бат! Помогите мне выйти! — крикнул Манголи.

— Это водяной дух, — сказали разбойники и оттолкнули бат от косы.

Поплыл бат дальше. Пристал к берегу возле юрты шамана.

— Откройте бат! Помогите мне выйти! — снова крикнул Манголи.

— Это лесной дух кричит, — решила дочь шамана и оттолкнула бат.

Опять поплыл бат по реке. Долго он плыл, может, год, может, два, в другую реку выплыл. Снова пристал к берегу. Подошла дочь охотника. Вытянула бат на берег, открыла крышку. Видит, лежат косточки. Взяла она их, завернула в бересту и понесла в юрту. Положила она косточки в люльку, постелила в люльку медвежьей шкуры, обвязала люльку серебряной цепочкой — сделала все, как для малыша, и стала качать да напевать:

Бата, ба-а-а-а.
Если был богатырем ты,
То скорее оживи.
Я навешала на люльку
Погремушек из когтей.
Я серебряной цепочкой
Обвязала малыша.
Если был богатырем ты,
То цепочку разорви.
Бата, ба-а-а-а,

Так она неделю качала. На вторую неделю стал оживать Манголи. Сначала он был, как комар; потом — как колонок; потом стал на глазах в богатыря превращаться. Люлька поломалась, серебряная

цепочка порвалась, и перед девушкой встал красивый юноша.

— Спасибо тебе, девушка, — сказал Манголи. — От смерти ты меня спасла. Век не забуду.

Полюбили они друг друга и поженились.

Как-то набил Манголи много зверя и говорит жене:

— Хватит тебе этих запасов. Оставайся дома, а я пойду поищу дядю Удзюлю. Хочу посмотреть, как он живет.

Долго ходил Манголи по тайге, трое олочей износил, а юрту Удзюлю не нашел. Домой стал возвращаться. Вдруг

видит, покосившаяся юрта стоит. Дыры большие в стенах, а сквозь них дым идет. Заглянул он в дыру. Видит, котел стоит в юрте, в котле олочи его старые варятся. Сидит Удзюлю с женой у котла и ругается. Одежда на них вся в лохмотьях, сами худые от голода.

— Это ты виноват, — говорит Удзюлю жена. — Зачем убил Манголи? Сам-то не можешь охотиться. С голоду помрем теперь.

Манголи вынул из котомки кусок мяса, оторвал немного и бросил в котел. Увидел мясо Удзюлю — оттолкнул жену, бросился к котлу, да споткнулся, упал в котел и сварился.

Вот как был наказан за жадность Удзюлю.

А Манголи взял к себе тетку, и стали они жить втроем мирно и весело.

Записал Б. Можаяв

ЦЕНТОВО ОЗЕРО

Охотник Сангели полюбил девушку Батыни, дочь старшего рода Пеонка. Куда бы ни пошла Батыни: черемуху ли собирать, хворост ли ломать или за водой на речку — везде поджидал ее Сангели. Спрячется в кустах да на дудочке-кингуласти играет.

— Зачем ты меня поджидаешь? — не раз говорила ему Батыни. — Ведь я просватана за старшего рода Кончуга, за меня и калым уплатили¹.

— Но разве ты любишь старого Кончугу? — спрашивал Сангели.

— Нет, я люблю только тебя.

— Тогда убежим с тобой? Будем жить в тайге совсем одни, — уговаривал ее Сангели.

— Но мы же нарушим закон предков, — отвечала Батыни. — Нас догонят и убьют.

— Тогда я украду тебя, — сказал однажды Сангели. — Ночью, как услышишь, заиграет дудочка в тростниках, выходи на берег.

¹ По старинному удэгейскому обычаю просватывали девочек-малолеток.

Но вечером за Батыни приехал Кончуга. Отец ее пир устроил. Батыни усадили на шкуры рядом со старым Кончугой. Кожа у него корявая, морщинистая, как у трескуна. Развеселился старик, живот поглаживает от радости, целоваться к Батыни лезет. Противно ей стало. «Пусть лучше умру вместе с Сангели, чем жить с Кончугой», — решила она.

Спустилась ночь. Заиграла в камышах кингуласти.

— Это черт Окзо на моей свадьбе играет, — засмеялся Кончуга.

— А я для тебя еще и спляшу, — говорит Батыни. — Только вот в цзали¹ за бубном схожу.

— Хо-хо! — смеется довольный Кончуга. — Молодая жена веселее старых.

А Батыни вышла из юрты, да бегом на речку. Там ее Сангели давно уже на оморочке поджидал. Увидел Кончуга, как Батыни села в оморочку Сангели, рассердился, котел с мясом на шкуры опрокинул.

— Догнать! — кричит. — Убить Сангели! А Батыни ко мне в юрту отвезти.

И погнались воины Кончуги на семи батах за оморочкой Сангели. На переднем бату сам Кончуга сидит.

Только не такой был охотник Сангели, чтобы его можно было догнать. Как чирок, по воде летела его оморочка. Высоко-высоко в солпки уплыл он по гремучей речке, до самого Чертова озера. Лежит это озеро возле самого неба. Ни-

чего не растет на его берегах: все гибнет от дыхания черта Окзо. Только одни острые скалы-гольцы и громоздятся вокруг озера.

Ночь была, когда оморочка Сангели приплыла к озеру.

— Спит, наверное, Окзо, — сказал он Батыни. — Не будем его тревожить. Пойдем на скалы солнце встречать.

Оставили они оморочку на озере, а сами полезли на скалы.

В это время Кончуга со своими воинами тихонько подплыл к озеру и забрал оморочку. Потом они вылезли на берег и стали подкрадываться к Батыни и Сангели.

Поздно заметил их Сангели. Все пути им с Батыни преградили воины. А копьё свое Сангели в оморочке оставил. И стрел нет. Чем обороняться?

— Конец, видно, мне подходит. — говорит Сангели. — Но живым я не дамся. Лучше в озере утону. Прощай, Батыни!

— Не буду я без тебя жить, — сказала Батыни. — Лучше умрем вместе.

Обнялись они и на глазах злого Кончуги бросились в озеро.

Проснулся черт Окзо, заворочался, и волны пошли по озеру. Увидел он на скалах и Кончугу, и его воинов,дохнул на них — упали они замертво.

А Сангели с Батыни не тронул Окзо: уж очень любили они друг друга.

С тех пор каждое утро на озере встречаются они солнце. Да только редко кто видит их — лишь выносливый да храбрый, да кто черта не боится.

¹ Цзали — амбарушка на высоких столбиках.

Записал Б. Можаяев
Рисунки Ю. Ефимова

«Зелёное железо»

Рассказ

К деду Захару пришла делегация из
Алёшкиного класса

△ Фубенцов

—Что за сговор?...
И дед соглашается!!
.. Ну, погодите!..

—Как тебе не стыдно,
дедушка? Мы в школе
боремся со стилигами.
А ты!..

— Не твоё, Алёха,
дело.
... Зелёное железо
видел? Вот когда
увидишь...

— Лена и Петя! Мой дед...
Мы должны сорвать
эту стилижью экспедицию!

— Терпи, Пантюха! Надо преодолеть
все трудности на пути к богатству.
Мэри, ты готова?

— Я так и не узнал,
где у них место
сбора.

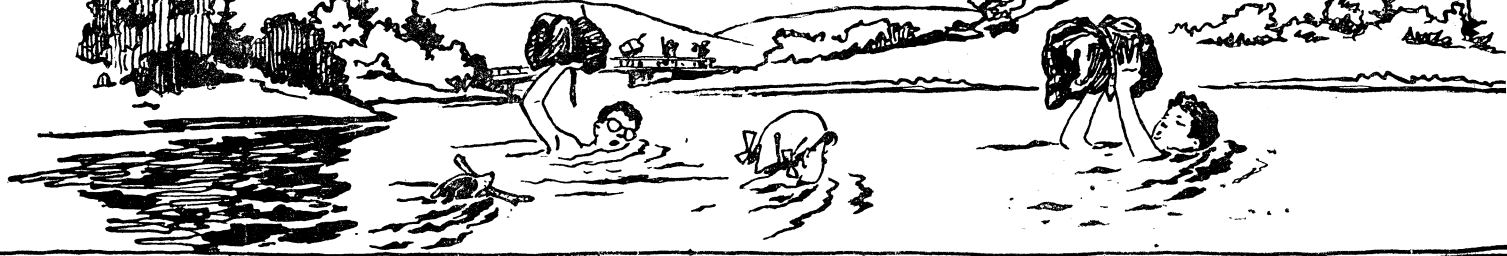

— Золота на Урале
сколько хочешь.
Важно добыть!..
— Мы готовы на всё!

— Всё ясно! Это же
пятый следопытский маршрут!

Сейчас мы их обойдём!

—Идут!

—Сколько ещё
утильсырья валяется
на наших дорогах...

РАЗ!

ДВА!

Три!

Продолжение
в следующем номере

КОШКА-НАСЕДКА

Это случилось в поселке Сосьва, Серовского района. С самого утра во дворе дома Александры Яковлевны Кеккелевой начался переполох. Куры с криком взлетели на забор, а перед крыльцом бегала встревоженная наседка. Виновницей переполоха была кошка.

Хозяйка дома в тесном уголке, под крыльцом, посадила наседку. «Пусть сидит в секретном месте, — решила Александра Яковлевна. — Сюрприз будет для семьи!»

Однако гнездо быстро рассекретили. И кто? Кошка Маркиза. Она выгнала из него наседку и как ни в чем не бывало уселась на яйца.

— Ах, ты, безобразница! — ругалась Александра Яковлевна!

Она в этот день несколько раз сгоняла с гнезда кошку, била ее, но все напрасно. Маркиза сгнала курицу и на второй день и на третий. Она почти не покидала своего места и находила в этом явное удовольствие.

И вдруг при очередной проверке Александры Яковлевны не обнаружила ни кошки, ни яиц. Она бросилась разыскивать Маркизу и нашла ее на кровати. Кошка лежала и зализывала на себе пушистую шерсть.

— Вот ты где, негодная!

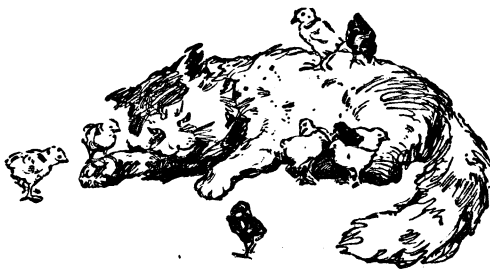
Хозяйка схватила Маркизу и с силой бросила на пол. И вдруг увидела, что на том месте, где только что лежала кошка, копошились желтенькие цыплята.

— Ну и дела! — только и могла произнести Александра Яковлевна.

Под кроватью в уголке она

устроила для цыплят что-то вроде гнезда. В этот день Маркиза впервые поела из добрых хозяйских рук свежую рыбу и спокойно ушла к своим воспитанникам.

Так проходили дни за днями. Кошка с полным знанием дела ухаживала за цыплятами. Днем она прогуливалась вместе с ними по комнате, а к вечеру вела в гнездо, где, прижавшись к теплой

шерсти Маркизы, цыплята быстро засыпали.

Иногда кошка выскакивала на улицу и через несколько минут возвращалась с живым мышонком в зубах. Она выводила цыплят на середину комнаты, отпускала мышонка, но «бестолковые» цыплята даже не думали ловить его. Тогда Маркиза умертвляла добычу и предлагала цыплятам полакомиться. Напрасно. Не имели успеха и пойманные за огородом лягушки.

К концу лета цыплята стали взрослыми. Значительную часть времени они проводили с курами. Но Маркиза всегда была с ними. Обычно она взбиралась на водопой и сверху наблюдала за семейством. Ни один коршун не мог броситься на цыплят. У них была верная защита.

В холодные осенние дни Маркиза затосковала. Напрасно она подходила к молодым курам: они уже не обращали на нее никакого внимания.

Л. Кеккелев

Образ советского воина всегда привлекал внимание наших художников: живописцев, графиков, скульпторов. Представителей разных родов войск Советской Армии можно увидеть не только на широко известных монументальных полотнах и в скульптурах, но и в произведениях искусства малой формы: на почтовых марках, на открытках, на спичечных этикетках.

Но впервые очень широко изображение советского воина появилось на бумажных денежных знаках.

В тяжелые годы гражданской войны, когда одни районы Советской России оказались захваченными интервентами и белогвардейцами, а другие — были отрезаны от центра России, от Москвы, Советская власть на местах вынуждена была выпускать свои денежные знаки в виде краткосрочных платежных обязательств, бон, чеков, казначейских и кредитных билетов.

Такой кредитный билет чрезвычайного выпуска вы видите на третьей странице обложки вверху. Для нас, уральцев, он представляет особый интерес. Этот билет появился в 1918 году в Екатеринбурге (Свердловске). Как видно из текста на самом билете, он был выпущен по постановлению областного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Кроме того, этот денежный знак интересен и тем, что на нем появилось

первое изображение советского воина.

На другом денежном знаке, 1923 года, когда уже образовался Союз Советских Социалистических Республик, мы вновь видим изображение советского воина. На билете в 25 тысяч рублей воспроизведена одна из очень популярных скульптур нашего земляка уральца И. Д. Шадрова — красноармеец в буденовке. Скульптурные бюсты рабочего, крестьянина и красноармейца были созданы Шадром по заказу Госзнака и продолжительное время изображались на денежных знаках, почтовых марках, открытках и облигациях. Сейчас эти скульптуры хранятся в Третьяковской галерее.

В 1938 году наша страна отмечала двадцатилетие Советской Армии. В знак уважения и признания ее заслуг перед народом на новых государственных казначейских билетах опять появились изображения советских воинов. На трехрублевом билете мы видим двух пешеходцев в походном обмундировании, на билете пятирублевого достоинства — портрет летчика.

Если искать какую-то связь с Уралом и в данных образцах, то нужно сказать, что бумага для этих денежных знаков изготовлялась у нас, на Урале, — в крупнейшем центре бумажной промышленности, в Краснокамске.

Ю. Сакнынь

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов.

Редколлегия: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, Кл. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Т. Меньшикова. Обложка художника В. Воловича.

Подписано к печати 8/II 1960 г. Бумага 84×108¹/₁₆, 2,5 бум. листа, 8,2 печ. листа, 9,6 уч.-изд. листа. Тираж 60000 экз. НС 11037. Цена 3 руб. Заказ № 463

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, ул. имени Ленина, 49. Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

1960

1918

3